

**Философия в XXI веке:
междисциплинарный диалог**

Материалы IV Международной
научно-практической конференции

В двух частях

(Зеленоград, 10 апреля 2026 года)

Часть 2

Под общей редакцией Н. В. Даниелян

Москва
2026

УДК 13(06)

ББК 87я5

Ф56

Ф56 Философия в XXI веке: междисциплинарный диалог. Материалы IV Международной научно-практической конференции (Зеленоград, 10 апреля 2026 года): в 2 ч. Часть 2 / Под общ. ред. Н. В. Даниелян. М. : МИЭТ, 2026. 284 с.

ISBN 978-5-7256-1091-8 (Ч. 2)

ISBN 978-5-7256-1092-5

Сборник включает в себя материалы шести секций: междисциплинарные тенденции современной философии математики; философия естественных наук и NBICS-конвергенция; философия информационных технологий и искусственного интеллекта; междисциплинарный подход в современной философии образования; социальная философия и философская антропология: на перекрестке традиций и инноваций; трансформация культуры и общества в высокотехнологичном поликультурном мире: тенденции и перспективы развития. В сборнике также представлены материалы студенческой секции.

Для преподавателей высшей школы, аспирантов и студентов, а также для тех, кто интересуется вопросами философии.

The collection of scientific works includes six sections: interdisciplinary tendencies of modern philosophy of mathematics; philosophy of natural sciences and NBICS-convergence; philosophy of information technologies and artificial intelligence; interdisciplinary approach in modern philosophy of education; social philosophy and philosophical anthropology: at the cross-road of traditions and innovations; transformation of culture and society in a high-tech multicultural world: tendencies and prospects of development, and student section proceedings.

They are aimed at university teachers, graduate and post-graduate students, as well as for those who are interested in philosophy.

ISBN 978-5-7256-1091-8 (Ч. 2)

ISBN 978-5-7256-1092-5

© МИЭТ, 2026

Секция 5. Социальная философия и философская антропология: на перекрестке традиций и инноваций

УДК 101.1:316.3

От рефлексирования прошлого к прогнозированию будущего: миссия социальной философии

Т.И. Адуло

доктор философских наук, профессор

Институт философии Национальной академии наук Беларуси»,

г. Минск, Беларусь

e-mail: t.adulo@mail.ru

From Reflecting the Past to Forecasting the Future: Mission of Social Philosophy

T.I. Adulo

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,

Minsk, Belarus

email: t.adulo@mail.ru

Аннотация. В докладе раскрыто состояние социальной философии. Показано, что ее эпистемологический потенциал пока не используется в полном объеме для раскрытия сущности современных социальных процессов и прогнозирования их динамики хотя бы на ближайшую перспективу. Поставлена задача значительного повышения методологической роли социальной философии и более тесной ее привязки к социальной практике. Социальная философия может использовать апробированные методологические разработки прошлых эпох, но при этом она обязана вырабатывать новые методы познания социума применительно к запросам современной социальной практики.

Ключевые слова: современная историческая эпоха, общество, глобальная социодинамика, социальная философия, познание, прогнозирование, человек.

Abstract. The report examines the state of social philosophy. It demonstrates that its epistemological potential is not yet fully utilized to uncover the essence of contemporary social processes and forecast their dynamics, even in the near future. The objective is to significantly enhance the methodological role of social philosophy and more closely align it with social practice. Social philosophy can utilize proven methodological developments from past eras, but it must also develop new methods of understanding the society that address the needs of contemporary social practice.

Keyword: modern historical era, society, global sociodynamics, social philosophy, cognition, forecasting, man.

С момента создания дисциплины под названием «социальная философия» прошло более тридцати лет, и это позволяет подвести определенные итоги, касающиеся достигнутых ею результатов. Конечно, по сравнению с многовековой историей развития философии какие-то тридцать лет – не более, чем мгновение. Однако, учитывая нынешнюю глобальную социодинамику, их вполне можно сравнить с тремя столетиями, столь насыщенными они оказались на эпохальные события. За этот короткий по историческим понятиям срок мировое сообщество прошло путь, измеряемый именно столетиями. Но такой ли многовековой путь прошла социальная философия, не оказалась ли она на обочине современной истории?

В свое время великий русский писатель Л.Н. Толстой рассуждал об органичной связи отдельного человека или же группы людей с окружающими их идеями, то есть общественным сознанием. Сами же идеи были им представлены в виде трех последовательно сменяющих друг друга ступеней развития человеческого духа: 1) *идей прошлого* – отживших и ставших чуждыми для человека; 2) *идей настоящего*, которыми люди руководствуются в данное время; 3) *идей будущего*, «из которых одни уже близки к осуществлению и заставляют людей изменять свою жизнь» [1, с. 428] и бороться с прежними формами жизни. Собственно, Л.Н. Толстой воспроизвел по-своему мысль К. Маркса, согласно которой «философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [2, с. 4].

Если уж говорить об идеях будущего, то именно социальная философия, на наш взгляд, должна была бы обосновывать их. Но выполняет ли она свою главную задачу? К сожалению, пока нет веских оснований для того, чтобы дать позитивный ответ на заданный вопрос. Современная социальная философия зачастую ведет общество не вперед, а, напротив, вспять. Обществу, порой, предлагаются идеи «времен оча-

ковских и покоренья Крыма» (П.Я. Чаадаев), наподобие «осевого времени» К. Ясперса. В опубликованных работах наблюдается плюрализм мнений относительно сущности современных социальных процессов и современного мирового сообщества как такового, о чем свидетельствует хотя бы факт калейдоскопа его наименований, озвучиваемых современными философами. Согласно получившим признание в философском сообществе концепциям и теориям, современное мировое сообщество относится к индустриальной, постиндустриальной, техногенной, ноосферной, сетевой, креативной, информационной, цифровой и т.п. цивилизациям. На самом деле, современное общество, то есть мировое сообщество XXI века, вполне укладывается в емкое понятие «глобальный капитализм» со всеми вытекающими последствиями.

Философы не дают убедительного ответа и на следующие жизненно важные вопросы: «Почему это общество в его различных ипостасях и философских дефинициях по-прежнему кровотоцит в XXI веке и агонизирует?», «Что служит тому причиной и что нужно сделать для того, чтобы оно перестало кровотоцит?».

В данной ситуации возможны три варианта ответа на заданные вопросы: 1) современные философы в силу недостаточного уровня профессиональной подготовки не в состоянии дать ответ на эти вопросы; 2) философы не в состоянии дать ответы на эти вопросы по причине отсутствия надежной методологической базы исследования социума; 3) философы попросту уходят от ответа на злободневные вопросы, выражаясь словами классика, «надевают себе на глаза шапку иллюзий и мечтаний, чтобы не видеть неприятной действительности» [3, с. 294].

О состоянии социальной философии можно судить как по публикациям, так и по научным конференциям. Не так давно, 19-20 марта 2026 года, в Институте философии Национальной академии наук Беларуси прошла международная научная конференция «Философское знание в цифровую эпоху». Поскольку она была приурочена к 95-летию Института, то получила довольно широкий резонанс. Наряду с белорусскими обществоведами в ее работе приняли участие ученые из России (были представлены различные учреждения и различные города, начиная с Москвы и заканчивая Калининградом и Ялтой) и других постсоветских государств – Азербайджана, Армении, Казахстана и Узбекистана. В целом, получился достаточно репрезентативный срез философской культуры постсоветского пространства. Поступили также доклады из Болгарии, Греции, Китая и Монголии [4].

Социальной философии была посвящена секция «Вызовы цивилизационного развития в XXI веке: социально-философский, антропологический и футурологический аспекты». Заявок в данную секцию поступило много, в итоге они составили треть поступивших на конференцию. Однако, на наш взгляд, в содержательном плане не все обстояло благополучно. В представленных докладах были обделены вниманием методологические и гносеологические аспекты социальной философии, не поднимался вопрос о разграничении проблемного поля социальной философии и теоретической социологии, социальной философии и философии истории, не обсуждался вопрос о выделении философии истории в самостоятельную философскую специальность. Программой конференции были предусмотрены два пленарных доклада. Первый из них был посвящен искусственному интеллекту, второй – биоэтике. Социальная философия оказалась в тени [5, с. 15-315].

В рамках конференции был проведен круглый стол «Феномен идеологии как объект философской рефлексии: к 180-летию работы К. Маркса и Ф. Энгельса “Немецкая идеология”», который также следует отнести к области социальной философии, поскольку в содержательном плане представленные доклады раскрывали сущность идеологии как социального феномена, а также генезис данного понятия, трактовку идеологии классиками марксизма и ее позиционирование в современную эпоху. Характеризуя в целом сочинение К. Маркса и Ф. Энгельса, было указано на его фундаментальность в плане научного постижения человеческой истории в отличие от различного рода абстрактных построений младогегельянцев и утопических коммунистов, названных классиками марксизма не более как ложным сознанием или ложной идеологией, и рекомендовано признать дальнейшую разработку философских оснований идеологии одним из направлений социальной философии [6, с. 303-333].

Вернемся, однако, к историческим этапам развития идей применительно к философии, то есть попытаемся выяснить, что из философских идей прошлого и настоящего способно обрести жизненность в будущем. Полагаем, что практико-ориентированные философские идеи прошлого, на чем обычно концентрируется внимание исследователей в конкретные исторические эпохи, не станут доминировать в философских идеях будущего, поскольку все они соотнесены, как правило, с запросами конкретной эпохи, ее практическими задачами. Однако социальная практика динамична. Новые исторические эпохи выдвинут перед обществом и его мыслящей частью новые практические задачи, на которые должна

будет дать ответ новая философия. Можно ли в таком случае сделать вывод о полной невостребованности философии прежних и настоящей эпох? Думается, такой вывод стал бы поспешным. Не секрет, что и Гегель, и К. Маркс, создавая совершенно новую философию, тем не менее, отдавали дань уважения философским системам прошлых эпох и не считали их «кладбищем мертвых». Гегель, например, полагал, что философия прошлого раскрывает масштабную поступь человеческого разума, она «показывает нам ряд благородных умов, галерею героев мыслящего разума, которые силой этого разума проникли в сущность вещей, в сущность природы и духа, в сущность бога, и добыли для нас величайшее сокровище, сокровище разумного познания» [7, с. 69]. Но при этом немецкий классик не считал нужным ее абсолютизировать и останавливаться исключительно на ней, будучи убежденным в том, что «в духе нового времени дремлют более глубокие идеи, нуждающиеся для своего пробуждения в другой среде и других условиях, чем те абстрактные, неясные, тусклые мысли древности» [7, с. 107], призывая современников отказаться от «разогревания» старых систем.

Прежняя философия формирует мышление философа, но формирующийся потенциальный философ не сможет проявить себя и продвинуть дальше философскую мысль, если в своем развитии остановится лишь на усвоении продукта мышления своих предшественников. Он обязан выйти за границы философского мышления прежних эпох, а этому способствуют новые практические задачи, встающие перед человечеством. Конечно, в процессе поиска ответа на постоянно возникающие проблемы он должен опираться на прошлый опыт, внимательно изучать философскую мысль в ее историческом становлении и развитии. При этом он способен обнаружить то, что перед обществом нередко возникали и требовали разрешения схожие проблемы. Иногда обнаруживаются сквозные темы, охватывающие весь исторический процесс, к которым можно отнести такие, как война, рассогласованность государственных институтов, противостояние различных социальных страт и т.п. Тогда у исследователя возникает соблазн экстраполировать идеи прошлого на настоящее. Это неверный путь. Например, рассуждая о нестабильности общественных устоев, Аристотель еще в древности для разрешения этой болезненной ситуации предлагал наращивать средний класс. Схожий «рецепт» для разрешения взрывоопасных ситуаций в России и других постсоветских государствах предложили философы в 1990-е годы. Но это не означает, будто бы они прямо копировали предложения древнего грека. Исходя из качественных характеристик проти-

востоящих друг другу социальных слоев и специфики современного общества, аристотелевские установки наполнялись новым содержанием. В целом, новая философия, как философия будущей эпохи из философского наследия прошлой и настоящей исторических эпох, должна взять только философские методы, используемые для постижения социума. Проводя сравнительный анализ использованных философами методов познания социума и социальной практики, то есть естественного хода исторического процесса, мы получаем реальную картину взаимосвязи и взаимообусловленности онтологических и духовных основ общества (в данном случае философии). Поскольку нам уже известен ход человеческой истории, мы в состоянии назвать имена тех философов, которые смогли дать более адекватную картину социума, тех, чьи прогнозы и социальные проекты оказались более верными и более жизненными, а главное, благодаря чему, благодаря каким примененным методам теоретические построения оказались более адекватными самой социальной реальности. На протяжении многовековой истории философия выработала различные методы постижения социума. Не все из них выдержали испытание временем. Один из самых фундаментальных – диалектический метод. В последние годы философы на постсоветском пространстве отказались от его применения и сделали ставку на синергетический подход. Однако этот метод, разработанный на базе естествознания, в основном на базе химической науки, пока не проявил себя в научном плане при исследовании социума. Подавляющее большинство нынешних диссертантов в отрасли философской науки заявляют о его применении. На самом же деле они по-прежнему применяют классические методы. В отличие от философов, социологи не злоупотребляют синергетическим методом, поэтому их результаты, по сравнению с социальными философами, выглядят более весомыми, то есть более адекватными социальной реальности. Упреки в адрес диалектического метода раздавались и ранее, и на них в свое время дал убедительное возражение К. Маркс в «Капитале».

Конечно, философии нужно искать новые методы исследования социума, но не следует пренебрегать исторически оправдавшими себя методами. Необходимо обратить внимание на назревшую потребность более тесного сотрудничества гуманитарных и социальных наук. На наш взгляд, социологам, историкам, а также представителям экономических наук зачастую не хватает масштабности и системности мышления в процессе познания общественных процессов, то есть тех качеств, которые свойственны философам. Философам же необходимо более

решительно уходить от абстрактного к конкретному в мышлении, чему в не малой степени могут способствовать социологи. И главное, выражаясь словами Гегеля, социальным философам необходимо «смело смотреть в глаза истине, верить в силу духа» [7, с. 65].

Библиографический список

1. Толстой Л.Н. Патриотизм и правительство // Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. 90. М.: Художественная литература, 1958. С. 425-444.
2. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 томах. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 1-4.
3. Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 годов // Полное собрание сочинений: в 55 томах. Т. 16. М.: Политиздат, 1973. С. 193-413.
4. Философское знание в цифровую эпоху: к 95-летию Института философии НАН Беларуси: материалы Международной научной конференции (19-20 марта 2026 г., г. Минск). В 3 томах / Редкол.: А.А. Лазаревич (пред.) и др. Минск: Четыре четверти, 2026.
5. Философское знание в цифровую эпоху: к 95-летию Института философии НАН Беларуси: материалы Международной научной конференции (19-20 марта 2026 г., г. Минск). В 3 томах / Редкол.: А.А. Лазаревич (пред.) и др. Т. 2. Минск: Четыре четверти, 2026. 316 с.
6. Философское знание в цифровую эпоху: к 95-летию Института философии НАН Беларуси: материалы Международной научной конференции (19-20 марта 2026 г., г. Минск). В 3 томах / Редкол.: А.А. Лазаревич (пред.) и др. Т. 1. Минск: Четыре четверти, 2026. 334 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука, 2001. 349 с.

УДК 172.4

Миметическая теория Рене Жирара как источник идей для анализа социальной и политической реальности

*Н.А. Балаклеец
кандидат философских наук, доцент*

Самарский государственный технический университет, г. Самара,
Россия
e-mail: bnatalja@mail.ru

Rene Girard's Mimetic Theory as a Source of Ideas for the Analysis of Social and Political Reality

N.A. Balakleets
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Samara State Technical University, Samara, Russia
e-mail: bnatalja@mail.ru

Аннотация. В докладе раскрыты основные положения миметической теории Р. Жирара, которая применяется для анализа не только нарративной реальности (мифологических сюжетов и литературных текстов), но и политических отношений. Показано, что доминирование в миметической теории категории тождества в ущерб различию обусловлено авторской позицией внешнего наблюдателя и критика по отношению к насилию. Эксплицировано сходство идей Р. Жирара и теоретика политического реализма Г. Моргентау. Обосновано, что с позиций миметической теории, источником конфликтного соперничества является стирание различий между акторами, когда возникает реальная возможность обладания теми же ресурсами, какими обладает другой.

Ключевые слова: насилие, мимесис, миметическая теория, общество, политическая реальность, социальная реальность.

Abstract. The report explores the fundamental tenets of R. Girard's mimetic theory that is used to analyze not only narrative reality (mythological plots and literary texts) but also political relations. It has been shown that the dominance of the identity category at the expense of difference in the mimetic theory is caused by the author's position as an external observer and critic of violence. The similarity between R. Girard's ideas and the theorist of political realism H. Morgenthau is explicated. It is substantiated that from the perspective of mimetic theory the source of conflictual rivalry is blurring the differences between actors when a real opportunity to possess the same resources as another actor arises.

Keywords: violence, mimesis, mimetic theory, society, political reality, social reality.

Проблема деэскалации насилия остается одной из актуальнейших в социальной и политической философии. В докладе рассматривается

вклад в решение данной проблемы миметической теории Рене Жирара. Автор «Насилия и священного» переосмысливает известный еще с античных времен концепт мимесиса (подражания), используя его как инструмент для анализа межчеловеческих конфликтов.

Ключевые идеи Жирара представлены в его знаменитой триаде, включающей в себя следующие компоненты. Во-первых, миметическое желание, понимаемое в качестве источника конфликтных форм социального взаимодействия. Во-вторых, практика жертвы отпущения как способ самосохранения общности, раздираемой внутренними конфликтами. В-третьих, теория религии, подчеркивающая различие между языческим мифом и библейским откровением [1, с. 12]. Далее перейдем к более подробному рассмотрению каждого из обозначенных элементов миметической теории.

Обращаясь к феномену миметического желания, мыслитель подчеркивает, что объект желаем нами не в силу присущих ему свойств, но потому, что он на него направлено желание другого. Как обосновывает Жирар, если бы наши желания не носили миметического характера, они были бы застывшими, зафиксированными «на predetermined объектах, они были бы особой формой инстинкта» [2, с. 22]. Ценность объекта возрастает, если он становится объектом «взаимного притязания». Важно подчеркнуть, что миметическое желание, согласно Жирару, во-первых, является социально сконструированным, а, во-вторых, оно направлено на эксклюзивные объекты и, тем самым, отличается от простой биологической потребности. Социально сконструированный характер желания заключается в том, что оно является подражанием желанию Другого. Между мной и объектом присутствует посредник, желание которого пробуждает и мое желание и заставляет меня бороться за обладание этим объектом. Критика концепции миметического желания Жирара присутствует у Б.-Ч. Хана. Он полагает, что «к насильственным действиям прибегают в борьбе за те вещи, ценность которых не возникает благодаря миметическому желанию, но присуща им внутренне» [3, с. 28]. Речь идет о таких необходимых для витальных потребностей человека вещах, как вода – чувство жажды не требует посредника между мной и объектом. Однако приведенная критика игнорирует тот факт, что сам Жирар проводит принципиальное различие между первичными нуждами человека и миметическим желанием [4, с. 179]. Опираясь на обширный мифологический материал, Жирар исследует процессы эскалации внутреннего насилия в архаических социальных общностях. Если в современных обществах угрозу мести при-

звано предотвратить функционирование судебной системы, то примитивные формы социальной жизни рожают непрерывную спираль насилия, «порочный круг мести». В ситуации, когда насилие становится естественной реакцией на исходный насильственный акт, его безудержное распространение ставит под вопрос дальнейшее существование общества. Он отмечает: «Малейшее насилие может привести к катастрофической эскалации. Насилие обладает чрезвычайными миметическими эффектами – то прямыми и позитивными, то косвенными и негативными. ...оно похоже на огонь, который пожирает все, чем его забрасывают, желая погасить» [4, с. 42]. Описание Жиаром состояния ничем не ограниченного насилия, подводящего общину к ее гибели, вызывает аналогию с «естественным состоянием» Т. Гоббса. Состояние жертвенного кризиса, при котором происходит стирание различий между членами общины, а взаимоистребляющее насилие порождает «миметических близнецов», напоминает «войну всех против всех». В концепциях обоих мыслителей значимую роль играет миметическое желание, выступающее импульсом к исходному акту насилия [5]. Кроме того, оба автора при описании процесса насильственного саморазрушения общности опираются на категорию тождества. Согласно Жиару, утрата установленной в общине системы различий чревата кровопролитными конфликтами: «Порядок, мир и плодородие основаны на культурных различиях. К безумному соперничеству, к беспощадной борьбе между людьми из одной семьи или одного общества приводят не различия, а их утрата» [4, с. 65]. В «Насилии и священном» показан переход от системы культурных и социальных дифференциаций к их стиранию в ситуации жертвенного кризиса. Для Гоббса катализатором череды непрерывных конфликтов выступает изначальное равенство индивидов в отношении физических и интеллектуальных способностей: «Из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами» [6, с. 94]. Оба автора раскрывают коллективные механизмы деэскалации насилия, которые в одном случае носят политический (Т. Гоббс), в другом – культурно-религиозный характер (Р. Жиар).

Выход из «порочного круга мести» Жиар усматривает в практике «жертвы отпущения». Амбивалентная роль насилия проявляется в существовании наряду с его деструктивными, губительными для общины формами благих и жизнеутверждающих. Для того чтобы положить предел разрушительному насилию, необходимо «противонасилие», которое

не разъединяет членов общины, но направляет их агрессию в единое русло. «Война всех» против всех становится «войной всех против одного». Жертва, принявшая на себя агрессию, губительную для нее, но спасительную для общины в целом, изгоняется или погибает [1, с. 3]. При этом неважно, является ли жертва «на самом деле» виновной в постигших общину бедствиях. Главное, чтобы преследующий жертву коллектив был уверен в ее виновности – мы имеем дело с социально конструируемой и поддерживаемой на уровне коллективных представлений негативной идентичностью. Учрежденная в архаичных обществах практика жертвы отпущения является сугубо человеческим способом деэскалации насилия. Как отмечает Жирар, «в животном мире насилие снабжено индивидуальными тормозами. Животные одного вида никогда не дерутся насмерть; победитель щадит побежденного. Человеческий вид такой защиты лишен» [4, с. 265]. Коллективное насилие, направленное на жертву отпущения, служит, таким образом, социально выработанным эрзацем нехватки у человеческого рода врожденного, биологического механизма самосохранения. Жертва отпущения является двойственной фигурой: она одновременно проклиняется и сакрализуется сообществом, спасшим себя путем ее отрицания.

Жирар проводит принципиальное различие между архаичными религиями, основанными на практике козла отпущения, и религиями, основанными на христианском откровении. Первые из них принимают сторону преследующего коллектива и, соответственно, оправдывают насилие против жертвы отпущения. Вторые, напротив, встают на сторону преследуемой жертвы. Как отмечает В. Палафер: «Это центральное различие между языческим жертвенным мышлением и христианством было для Жирара настолько важным, что в начале разработки своей теории он отказался от использования термина «жертва» для обозначения добровольной смерти Христа» [7, с. 463-464]. Христианская позиция «на стороне жертвы» (в противоположность языческой установке «все против жертвы») обнаруживается Жираром в библейском тексте. В частности, ветхозаветная история об Иосифе и его братьях разоблачает коллективное насилие, источником которого является зависть (в терминологии Жирара – миметическое желание). Миметический консенсус (все против одного), проявляется не только в истории о продаже Иосифа в рабство его братьями, но и в рассказе о его взятии под стражу по ложному обвинению жены Потифара. Однако, в отличие, например, от мифа об Эдипе, библейское повествование в обоих случаях оправдывает невинную жертву, а не ее гонителей [8, с. 17-18].

Жирар применяет свои идеи для анализа не только нарративной реальности (мифологических сюжетов и литературных текстов), но и политических отношений. Суть современности он усматривает в состоянии перманентного жертвенного кризиса, который постоянно углубляется [4, с. 285]. В работе «Завершить Клаузевица», представляющей собой развернутый диалог с Б. Шартром, он рисует поистине апокалиптическую картину современности. Достижение войной своих крайних форм, которое, согласно Клаузевицу, возможно только в теории, предстает у Жирара как эмпирически достоверная реальность. Сегодня миметическое насилие достигло своего предела, так что неразличимыми становятся действия конкурирующих государств, а также государственных и негосударственных акторов. Выводы Жирара о безусловном сходстве таких держав, как США и Китай, отождествление им исламистов и западного мира [9, с. 70] нельзя воспринимать некритически. На наш взгляд, стремление устранить границы между отдельными политическими и социокультурными субъектами обусловлено его позицией внешнего наблюдателя и критика по отношению к насилию. Если мы включены в миметическое соперничество, то противник предстает для нас не братом-близнецом, но, напротив, нашей абсолютной противоположностью. Взгляд на соперничество изнутри усиливает различия и доводит их до предела. В данном смысле «антиподом» миметической теории выступает концепция политического К. Шмитта. Он смотрит на насилие изнутри, солидаризируясь с одной из сторон. Политическое насилие описывается Шмиттом не в нейтральных категориях, но в категориях друзей и врагов [10, с. 100]. Для Жирара нет «своих» и «чужих»: конфликт порождает чудовищных миметических двойников.

Миметическая теория обладает эвристической значимостью для философии, теологии, литературоведения и других областей знания. Актуальной областью ее применения является теория международных отношений. В исследовании Й. Троя миметическая теория Жирара предстает как интерпретативная матрица для анализа политической реальности. Существует определенное родство идей Жирара и ведущего теоретика реализма в теории международных отношений Г. Моргентау. Он дистанцировался от влияния фрейдизма, который оперирует концептом желания. Тем не менее, концепт «стремление к власти» является постоянным элементом работ Моргентау. В книге «Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир» показано, как стремление к власти воплощается в политике статус-кво, империализма и престижа [1, с. 7]. Сходство между политическим реализмом Моргентау

и разработанной позже Жираром миметической теорией проявляется в том, что обе концепции исходят из понимания социальной и политической реальности как области конфликтного взаимодействия. Оба автора подчеркивают роль нематериальных объектов конфликтного соперничества. Жирар, так же как и Моргентхау, признает привлекательность неосязаемых ресурсов политики, таких, как честь и престиж.

Неравенство между социальными и политическими акторами само по себе не является источником конфликтов между ними. Значительные различия не столь опасны для общества, сколь незначительные. Стремление к конфликтному соперничеству возникает в ситуации сравнения себя с другим. Логично допустить, что условием этого сравнения является пространственная близость акторов. Конфликтотенным зарядом обладает стирание различий между акторами, когда возникает реальная возможность обладания теми же ресурсами, какими обладает другой: «Усиливающаяся глобализация и ...исчезновение различий, а не их “столкновение”, обладают большим потенциалом для будущих конфликтов. С позиций миметической теории, проблема заключается не в различиях, а в сходстве. Соперничество, скорее, возникает из «относительного», а не абсолютного «недостатка». ...Поскольку мы лучше всего знаем тех, кто нам ближе всего, мы, вероятно, сравниваем себя с ними, что открывает потенциальное пространство для конфликтов» [1, с. 22]. Логично предположить, если один из акторов, сравнивая себя с другим, воспринимает существующие различия как не поддающиеся сглаживанию, он едва ли осмелится посягнуть на его место. Миметическое соревнование невозможно в условиях существенного разрыва акторов в физическом или социальном пространстве. Дорогу соревновательному мимесису открывает возможность занять место другого, сравняться с ним или опередить его. Для подтверждения данного тезиса уместно обратиться к истории войн. В ситуации военнотехнологического диспаритета между участниками конфликта невозможен симметричный (миметический) ответ со стороны слабого. Он вынужден прибегать к неконвенциональным способам борьбы, изматывая соперника и переводя конфликт в затяжное противостояние. Таким образом, миметическая теория, несмотря на присущие ей небесспорные положения, дает ключ к пониманию истоков социального и политического соперничества, чреватого острыми конфликтными ситуациями. Она предлагает концептуальный каркас для интерпретации социальной и политической реальности прошлого и настоящего.

Библиографический список

1. Troy J. Desire and Imitation in International Politics. Michigan: Michigan State University Press, 2021. 166 p.
 2. Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего, как молния. М.: Издательство ББИ, 2015. 202 с.
 3. Хан Б.-Ч. Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна. М.: Издательство АСТ, 2024. 192 с.
 4. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 400 с.
 5. Palaver W. Hobbes and the Katechon: The Secularization of Sacrificial Christianity // Contagion: Journal of Violence, Mimesis, and Culture. 1995. Vol. 2. P. 57-74.
 6. Гоббс Т. Сочинения в 2 томах. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 731 с.
 7. Palaver W. Die Frage des Opfers im Spannungsfeld von West und Ost: Rene Girard, Simone Weil und Mahatma Gandhi über Gewalt und Gewaltfreiheit // Zeitschrift für katholische Theologie. 2010. Vol. 132, No. 4. S. 462-481.
 8. Girard R. The Girard Reader. New York: Crossroad Herder, 1996. 310 p.
 9. Жирар Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром. М.: Издательство ББИ, 2019. 300 с.
- Балаклеец Н.А. Феномен политического и границы насилия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 1. С. 97-106.

УДК 322

О подобии функций институтов религии и идеологии в общественной системе

П.А. Барахвостов

кандидат политических наук, доцент

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,

Беларусь

barakhvostov@yandex.by

On the Similarity of Functions of Religious and Ideological Institutions in the Social System

P.A. Barakhvostov

Candidate of Political Science, Associate Professor

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

barakhvostov@yandex.by

Аннотация. Выявлено подобие функций, выполняемых институтами религии и идеологии в общественной системе: успешные идеологические системы, сохраняя органическую связь с доминирующими мировоззренческими структурами, обладающими характеристиками институтов, доминирующих в институциональной матрице, не ограничиваются лишь их полной репродукцией. Они демонстрируют способность к компенсаторному восполнению институциональных лакун, апеллируя к тем антропологическим константам, которые оказываются репрессированы господствующим институциональным порядком. Данная гипотеза подтверждена на примере анализа марксистско-ленинской доктрины, легитимировавшей советский проект. Установлено, что эволюция советской идеологии представляет собой диахронный срез, в котором отчетливо прослеживается корреляция между трансформациями институциональной среды и смысловыми доминантами официального идеологического дискурса.

Ключевые слова: общественная система, институт, институциональная матрица, религия, идеология.

Abstract. The similarity in the functions performed by religious and ideological institutions in the social system has been identified: successful ideological systems, while maintaining an organic connection with dominant ideological structures that possess the characteristics of the institutions dominating the institutional matrix, do not limit themselves to their complete reproduction. They demonstrate a capacity for compensatory filling of institutional gaps by appealing to those anthropological constants that are repressed by the dominant institutional order. This hypothesis is confirmed by the analysis of the Marxist-Leninist doctrine that legitimized the Soviet project. It has been established that the evolution of Soviet ideology represents a diachronic cross-section, in which a clear correlation is observed between the transformations of the institutional environment and the semantic dominants of the official ideological discourse.

Keywords: social system, institution, institutional matrix, religion, ideology.

Одним из древнейших интерпретации реальности и формирования картины мира является религия. Идеология, как систематизированное мировоззрение, оформилась существенно позже, однако ее иррациональная природа обнаруживает глубокую генетическую связь с религиозным сознанием. Подобно религии, идеологическая система выполняет функцию экзистенциального навигатора: она структурирует ценностные ориентации, генерирует смыслы и детерминирует векторы социальной активности [1, с. 232]. Если рассматривать институты в русле концепции Д. Норта, как нормативные рамки, упорядочивающие социальные взаимодействия, «правила игры, определяющие направленность социальных действий» [2], то идеология предстает как мета-институт, чья ключевая миссия заключается в легитимации и оптимизации институционального дизайна общества, обеспечивающего управляемость социума и его подсистем: экономической, политической, социокультурной.

Эффективная идеологическая конструкция не создается в вакууме, так как укоренена в глубинном цивилизационном коде, базируется на исторически сложившихся архетипах коллективного сознания. Формирование этих фундаментальных мировоззренческих структур происходило на этапе генезиса общественной системы, в эпоху неолитической революции и перехода к аграрному типу хозяйствования. Определяющую роль в этом процессе сыграли географический ландшафт и геополитическая локация, предопределившие природу координационных механизмов социума.

Характерный пример – цивилизационная специфика Руси. Природно-климатический детерминизм проявился в необходимости «внутренней колонизации» – постоянного отвоевывания пахотных земель у леса и болот. Сельскохозяйственный цикл, протекавший в режиме авральной мобилизации (короткое лето), экстремальные риски земледелия и, как следствие, критически низкий объем прибавочного продукта (примерно три собранных зерна к одному посеянному, что в 1,7 раза меньше, чем в Западной Европе [3, с. 554]) объективно требовали консолидации усилий в рамках общины. Возникла потребность в жестком единоначалии, причем управленческий аппарат неизбежно брал на себя не только организационные, но и распределительные функции – аккумуляцию и ре-дистрибуцию совокупного продукта, выступая в роли амортизатора, смягчающего последствия неурожая.

Геополитический фактор – положение на пересечении миграционных путей и зон влияния между Востоком и Западом – создавал перманентное состояние внешней угрозы, требуя фортификационных усилий

и содержания мощных оборонительных структур. Следствием этого стало цементирование институциональной матрицы редистрибутивного типа, для которой характерно доминирование общественной собственности над частной; централизованный механизм перераспределения конечного продукта труда (редистрибуции); иерархически выстроенная властная структура, коммунитарное мировоззрение, (превалирование коллективной идентичности («Мы») над индивидуальным началом («Я»)). В Западной Европе, благодаря более благоприятным агроклиматическим условиям и высокому плодородию почв, сформировался устойчивый избыточный продукт. Это стало катализатором эволюции обменных отношений: излишки урожая направлялись не в общинные фонды, а в рыночный оборот. Производитель, выходя на рынок, утрачивал коллективную идентичность и выступал как автономный экономический агент, ориентированный на максимизацию прибыли и вступающий в конкурентные отношения с другими субъектами. Подобная модель экономических отношений объективно способствовала формированию и закреплению институциональной матрицы рыночного типа, базовыми институтами которой стали: купля-продажа как институт обмена; конкуренция; децентрализованное политическое устройство, основанное на «горизонтальных», а не «вертикальных» связях, а также индивидуалистское мировоззрение, выражающее доминирование частного «Я» над коллективным «Мы».

В результате сформировались два основных типа общественных систем с соответствующими институциональными моделями: с доминированием редистрибутивных, либо рыночных институтов. В силу эффекта институциональной колеи, возникшие в процессе цивилизационного генезиса социальные практики и нормы обладают высокой степенью инерции и не элиминируются полностью в ходе последующих трансформаций. Это обуславливает цивилизационную преемственность: для обществ незападного типа в качестве доминирующего сохраняется коммунитарный этос, тогда как для западных – индивидуалистический. Данные архетипические структуры, будучи инкорпорированными в культурный код, выступают фундаментальным ограничителем при конструировании идеологических систем, претендующих на массовую легитимацию.

Религия, рассматриваемая как социальный институт, обладает характеристиками, присущими комплементарным институтам в институциональной матрице, и в этом смысле выполняет компенсаторную функцию в институциональной системе общества, нивелируя институ-

циональные дисбалансы: усиление ре-дистрибутивных начал в общественной системе актуализирует рыночные (в институциональном смысле) элементы в религиозной сфере и наоборот [4]. Учитывая функциональное и структурное подобие идеологии и религии, возникает закономерный вопрос: присуща ли идеологическим конструктам аналогичная компенсаторная функция?

Наибольший эвристический потенциал для решения этой проблемы представляет анализ успешных идеологий, доминировавших в обществах «тоталитарного» типа. Особое место здесь занимает марксистско-ленинская доктрина, легитимировавшая советский проект. Укоренение данной идеологии в российском социуме не было случайным. Оно детерминировано глубинной институциональной структурой, сложившейся на этапе цивилизационного генезиса, с доминированием редистрибуции в экономической сфере, иерархически выстроенной структурой власти, приматом коммунитарного сознания, что воспроизводилось на протяжении веков и являлось нормативным фундаментом социального порядка.

Эволюция советской идеологии представляет собой диахронный срез, в котором отчетливо прослеживается корреляция между трансформациями институциональной среды и смысловыми доминантами официального дискурса. Период новой экономической политики (НЭП) выступает в этой динамике как фаза временной институциональной диверсификации: при сохранении макроэкономического контроля со стороны государства допускалось функционирование частнопредпринимательских практик в сфере торговли, услуг и легкой промышленности. Идеологический ландшафт этого этапа, несмотря на безусловное доминирование ре-дистрибутивных механизмов, не блокировал субсидиарные формы хозяйствования. Именно этими факторами обусловлено то, что репрезентативным символом эпохи стал лозунг «Вся власть Советам!», акцентировавший политическую, но не тотальную экономическую монополию.

Переломный момент наступил на рубеже 1920 – 1930-х годов, ознаменовавшись демонтажем нэповских институтов и консолидацией сталинской политико-экономической общественной модели. Коллективизация легитимировала экспроприацию крестьянских хозяйств, криминализируя любые проявления частной экономической инициативы. Государство превратилось в универсального субъекта, осуществляющего тотальный контроль над всеми сферами жизнедеятельности, что репрезентирует гипертрофированную форму ре-дистрибутивной институ-

циональности. Однако парадокс идеологического дискурса этого периода заключается в том, что при абсолютной централизации властных отношений доктринальные тексты не содержали апологии иерархичности как социальной нормы. Фундаментом идеологической легитимации выступила индивидуальная вера в коммунистическую перспективу – интимно-личностное принятие доктрины, где каждый субъект самостоятельно осуществлял экзистенциальный выбор. Симптоматичными стали лозунги, акцентирующие субъектность: «Кадры решают все» и «Наука – на службу производству». Важно, что в обоих случаях референтами выступают не абстрактные коллективы, а конкретные индивиды, наделенные специфическими компетенциями. Здесь фиксируется имплантация элементов индивидуалистического этоса (базового института рыночного типа) в ткань советской идеологии, что позволяет интерпретировать данный феномен как реализацию компенсаторной функции. Примечательна визуальная репрезентация идеологических смыслов: советский плакат 1930–1950-х годов тяготел не к изображению аморфных масс, а к персонифицированным образам. Знаменитый плакат «Родина-мать зовет!» конструирует не абстрактный призыв толпы, а сакрализованный женский образ, в котором каждый дешифровщик визуального сообщения идентифицировал материнскую фигуру. Это механизм персональной интерпелляции, обращенный к индивидуальному бессознательному.

Квинтэссенцией советской идеологической доктрины стали формулы «распределительной» справедливости. Для фазы социализма: «От каждого по способностям – каждому по труду». Для коммунистической перспективы: «От каждого по способностям – каждому по потребностям». Логическим центром обеих формул выступает индивидуум, рассматриваемый в трех модусах: как носитель способностей (антропологический потенциал), как субъект трудовых усилий (деятельностная реализация) и как реципиент потребностей (витально-личностная сфера). Категория потребностей, будучи по природе своей индивидуалистичной, имплицитно вводит в коллективистский дискурс антропоцентрическое измерение.

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что проведенный анализ верифицирует исходную гипотезу: успешные идеологические системы, сохраняя органическую связь с доминирующими мировоззренческими структурами, не ограничиваются функцией их полной репродукции. Они демонстрируют способность к компенсаторному восполнению институциональных лакун, апеллируя к тем антропологическим измерениям, которые не охвачены идеологическим дискурсом.

ческим константам, которые оказываются репрессированы господствующим институциональным порядком.

Библиографический список

1. Boudon R. The Analysis of Ideology. Cambridge: Polity Press, 1989. 241 p.
2. North D.C. Institutions// Journal of Economic Perspectives. 1991. V. 5. № 1. P. 97-112.
3. Милов Л.В. Великий русский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 576 с.
4. Barakhvostov P.A. The Compensatory Function of Religious Institutions in the Society's Institutional Matrix// Mir Rossii. 2023. V. 32, № 4. P. 56-70.

УДК: 159.964

Основные положения теории бессознательного Эдуарда фон Гартмана

Т.И. Бармашова
доктор философских наук, профессор

*Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск,
Россия
e-mail: tatibar910@mail.ru*

Main Principles of Eduard von Hartmann's Theory of Unconscious

T.I. Barmashova
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

*Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
e-mail: tatibar910@mail.ru*

Аннотация. В докладе анализируются основные положения концепции бессознательного Э. фон Гартмана. Подчеркивается метафизический характер понятия бессознательного, трактуемого как философское понятие с широким содержанием. Показана неоднозначность бессознательного в концепции Э. фон

Гартмана, дифференцируемого на относительное и абсолютное бессознательное. Родь сознания в творчестве Э. фон Гартмана раскрывается в связи с пониманием иллюзорности счастья в человеческом земном бытии. Такое представление является составной частью иррационально-пессимистической концепции философа.

Ключевые слова: метафизический аспект, сознательное, сверхсознательное, относительное бессознательное, абсолютное бессознательное.

Abstract. The report analyzes the fundamental tenets of E. von Hartmann's concept of unconscious. It emphasizes the metaphysical nature of unconscious interpreted as a broadly encompassing philosophical concept. The ambiguity of unconscious in von Hartmann's concept differentiated into the relative and absolute unconscious, is demonstrated. The origin of consciousness in E. von Hartmann's works is revealed in connection with his understanding of the illusory nature of happiness in human earthly existence. This notion is an integral part of the philosopher's irrational and pessimistic concept.

Keywords: metaphysical aspect, conscious, superconscious, relative unconscious, absolute unconscious.

Проблема бессознательного имеет длительную историю, фактически с начала возникновения античной философии. Одной из ее особенностей является то, что она возникла задолго до того, как начал использоваться сам термин «бессознательное», который появился достаточно поздно. Как считается, первым его употребил в четкой форме в теории познания Г.В. Лейбниц. Рефлексия феномена бессознательного выражалась в виде лишь фрагментарного инкорпорирования в решение гносеологических проблем. Отдельная теория бессознательного начала формироваться лишь во второй половине XIX века и связана с именем немецкого философа Эдуарда фон Гартмана, создавшего философию бессознательного, в которой происходит субстанциализация и иррационализация бессознательного в метафизическом аспекте.

В метафизической концепции Э. фон Гартмана первооснову бытия представляет бессознательное или сверхсознательное, являющееся духовным началом и включающее в себя представление и волю, как чистую потенцию. Мировое развитие он усматривает в иррациональном процессе самореализации бессознательной воли, детерминирующей появление сознания. Иными словами, бессознательное онтологически предшествует сознанию. У Э. фон Гартмана бессознательное является философским понятием. Мыслитель интерпретирует бессознательное в

качестве субстантивированного прилагательного, подобно философским понятиям, например, трансцендентное, имманентное, материальное, идеальное и так далее. Выступая формальным негативным обозначением, как вообще некоторые философские понятия, они одновременно выражают позитивное содержание. Некоторые положения теории бессознательного Э. фон Гартмана были сформулированы не без влияния известного немецкого естествоиспытателя, врача, психолога, натурфилософа и художника К.Г. Каруса. Аналогично К.Г. Карусу, Э. фон Гартман дифференцирует бессознательное на относительное и абсолютное. Относительное бессознательное касается психических феноменов, наполняющих душу человека. Эти феномены пока еще не составляют содержание высшего центрального сознания, являясь средоточием вторичного сознания. Относительное бессознательное является пассивным, подобно всем психическим феноменам.

Абсолютное бессознательное связано с психическими деятельностями, не фиксируемыми сознанием, а потому отличается активностью, подобно любой психической деятельности. Исходя из широкого смысла, абсолютное бессознательное состоит из индивидуальных частичных деятельностей с присущим им взаимовлиянием. Иными словами, в бессознательном соединяются воедино бессознательный субъект и его бессознательная деятельность. Содержание бессознательного включает в себя не все неотрефлексированные проявления человеческой активности. Это, в частности, касается понятий «незнаемого», «неизвестного», «неузнанного», «непознанного», «непознаваемого». Их мыслитель считает познавательными, а не психологическими понятиями и для их обозначения употребляет видовое понятие «внесознательного».

Э. фон Гартман категорически не приемлет трактовку бессознательного в качестве ослабленного или модифицированного сознания. Допущение реальности степеней сознания противоречит факту принадлежности к сознанию даже самых низких из них. Он отрицает степени сознания и признает лишь содержательные различия в сознании. Философ отвергает распространенное понимание бессознательного как своеобразного подвала сознания, в котором «складируется» вытесненное из сознания и потенциально готовое вернуться в сознание.

Э. фон Гартман придает психическим явлениям неизменный атрибут сознательности. По его мнению, совершенно неосознанные ощущения, восприятия, представления и понятия просто не могут существовать. Он признает исключительно относительную неосознанность конкретных проявлений сознания. Иными словами, только абсолютное

бессознательное, по мнению Э. фон Гартмана, заслуживает право называться истинным бессознательным, находящимся в метафизической области и являющимся духовным началом бытия [1]. Представляется, что подобная интерпретация бессознательного в определенной степени нивелирует его же понятие относительного бессознательного и означает отход от диалектической позиции, которую философ обнаруживает при дифференциации бессознательного на относительное и абсолютное. Он не признает определенную меру неосознанности, отождествляя бессознательное всецело с неосознанностью.

Заметное влияние на иррационально-пессимистическую направленность взглядов Э. фон Гартмана оказал А. Шопенгауэр [2; 3; 4]. Отталкиваясь от его мрачных представлений о мире, Э. фон Гартман трактует сознание не как венец развития природы, а как предпосылку заката и, в конечном счете, прекращения существования земного бытия. Человеческое сознание помогает преодолеть иллюзию счастья в рамках земного бытия с верой в социально-исторический прогресс, воображаемое счастье «потустороннего мира». Разочаровавшись в иллюзии счастья и признавая страдание имманентным качеством самого бытия, воля возвращается в бессознательное состояние, в результате чего мир растворяется в первичном небытии. С подобной пессимистической позицией смыкается современная концепция антинатализма, одним из идеологов которой является южноафриканский философ Д. Бенатар. Исходя из пессимистического мировоззренческого постулата о жизни как страдании, эта идеология считает деторождение аморальным, поскольку оно оборачивается болью, страданием и, в конечном счете, смертью рожденного на свет. При этом отказ от деторождения позиционируется как благо, проявление милосердия, ограждение от страданий тех людей, кто мог бы родиться [5; 6]. Э. фон Гартман оказал значительное влияние на концепции бессознательного З. Фрейда и К. Юнга, а также апологию воли Ф. Ницше. Ряд русских философов (Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, К.Н. Леонтьев, Н.Ф. Федоров, С.Н. Трубецкой) тоже в определенной степени испытали воздействие идей Э. фон Гартмана. Следует также отметить отклик, который вызвало творчество Э. фон Гартмана в русской литературе [7; 8]. Можно соглашаться или не соглашаться с некоторыми идеями Э. фон Гартмана, но одной из самых его больших заслуг следует признать метафизический аспект проблемы бессознательного, который фактически подводит к философской интерпретации этого сложного феномена. Такой подход неизбежно повышает эвристические возможности абстрактного понятия бессознательного, отражающего

многообразие его проявлений как психологического характера, так и высокоорганизованных феноменов духовного плана. Такой подход способствует созданию целостной картины бессознательного в полноте его проявлений.

Библиографический список

1. Гартман Э. Сущность мирового процесса, или философия Бессознательного. Т. 2. Метафизика Бессознательного. Пер. с нем. А. Козлова. М.: КРАСАНД, 2010. 322 с.
2. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: Директ-Медиа, 2002. 918 с.
3. Гончаров А.С. Неклассическая немецкая философия. Статья 5: Пессимизм А. Шопенгауэра и Э. фон Гартмана // Инновационные решения социальных, экономических и технологических проблем современного общества. Сборник научных статей по итогам круглого стола с всероссийским и международным участием. М., 2021. С. 107-108.
4. Филатов В.В. Сравнительный анализ философии Артура Шопенгауэра и Эдуарда фон Гартмана // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2025. № 5. С. 112-114.
5. Benatar D. Better Never to Have Been: The Harm of Coming into Existence. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006. 254 p.
6. Филатов В.В. Антинатализм в философии Э. фон Гартмана // Инновационная наука. 2019. № 12. С. 93-97.
7. Бутина Е.А. Философские идеи Э. фон Гартмана в творчестве русских писателей // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2012. № 3. С. 171-192.
8. Козьменко М.В. Э. фон Гартман и Л.Н. Андреев: переключки двух пессимизмов // Русская литература. 2021. № 3. С. 53-64.

УДК 101.1:316

Проблема быстрого консьюмеризма в современном обществе

М.С. Бирюков

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия*

e-mail: ironmaks21mahbetovsky@yandex.ru

*Научный руководитель: Н.В. Даниелян
доктор философских наук., доцент*

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: vend22@yandex.ru*

Problem of Fast Consumerism in Modern Society

M.S. Biryukov

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: ironmaks21mahbetovsky@yandex.ru*

*Scientific Supervisor: N.V. Danielyan
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor*

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: vend22@yandex.ru*

Аннотация. В современном мире консьюмеризм перестал быть экономической моделью поведения и превратился в доминирующую идеологию, определяющую образ жизни, систему ценностей и самовосприятие человека. Феномен «быстрого консьюмеризма», характеризующийся ускоренным циклом покупки, использования и утилизации товаров, ставит перед социальной философией и философской антропологией ряд острых вопросов. В докладе автор предлагает ответы на такие вопросы, как изменение сущности человека в общества, где потребление становится главным смыслом существования, социальные и экологические последствия культа вещей.

Ключевые слова: консьюмеризм, экзистенциальная цель, философская антропология, осознанное потребление, индивид.

Abstract. Consumerism has ceased to be merely an economic model of behavior and has transformed into a dominant ideology that shapes lifestyle, value system, and human self-perception in the contemporary world. The phenomenon of “fast consumerism”, characterized by the accelerated cycle of purchase, use, and disposal of goods, raises a series of pressing questions for social philosophy and philosophical anthropology. The author proposes some replies to such questions as the human essence change in the society where consumption becomes the primary meaning of existence, social and ecological consequences of the cult of things.

Keywords: consumerism, existential purpose, philosophical anthropology, conscious consumption, individual.

Ключевая проблема быстрого консьюмеризма [1, с. 7] лежит в плоскости философской антропологии, трансформировавшейся под давлением идеологии капитализма. Классическая философия определяла человека через разум, творчество или духовность (Homo Sapiens, Homo Faber). Однако в условиях потребительского общества, чье основание формируется на принципе рыночных отношений, формируется новый антропологический тип – «Homo Consumens» (Человек Потребляющий).

Э. Фромм в работе «Иметь или быть?» предупреждал о подмене экзистенциальных целей материальными накоплениями [2, с. 12]. Сегодня эта тенденция достигла пика. Идентичность человека все чаще конструируется через бренды, гаджеты и одежду. Личность оценивается не по внутренним качествам или поступкам, а по способности демонстрировать статус через покупку новых вещей. Быстрый консьюмеризм ускоряет этот процесс: вещь устаревают морально еще до того, как физически изнашивается. Это приводит к экзистенциальной пустоте: человек бежит по «гедонистической беговой дорожке», где каждая новая покупка дает лишь кратковременный всплеск удовольствия, требующий повторения. Происходит отчуждение человека от самого себя: он становится придатком рынка, а его желания формируются не внутренними потребностями, а внешними маркетинговыми алгоритмами. К тому же инновации в сфере производства и логистики, которые должны были облегчить жизнь человеку, парадоксальным образом усугубили проблему. Технологии «быстрой моды» [3, с. 56], запланированное устаревание электроники и агрессивный маркетинг в социальных сетях создают искусственный дефицит и культ новизны.

Если взять во внимание социальную сторону вопроса, то быстрый консьюмеризм ведет к усилению неравенства. Это, в свою очередь порождает чувство социальной неполноценности и тревожности. Но причиной всему этому является наличие доступа к постоянному обновлению потребительской корзины, что в то же время является и маркером успешности социального характера, при помощи которого из «гонок» исключаются не слишком обеспеченные слои населения.

Другой момент связан с экологией, где подобная модель поведения современного общества ведет к катастрофе. Традиционно в философ-

ской антропологии человек рассматривался как часть природы. Но теперь логика человека поменялась, стала безудержной в потреблении. Если раньше социум жил в единении с природой, то теперь природа превращается, если уже не превратилась, в ресурс для удовлетворения импульсивных желаний, что видно по количеству загрязнений отходами социальной жизнедеятельности из-за сменившейся установки на безграничное потребление. Данное привело к конфликту между традициями по бережному отношению к миру и новой моделью сиюминутного общества. Помимо этого, происходит размытие традиционных институтов социализации и социальных классов в эпоху неистового консюмеризма [4, с. 27]. Ранее статусность человека закреплялась профессией и положением в обществе. В данном отрезке времени статусность становится текучей и зависимой от способности покупать, что подрывает стабильность как в малых группах – семья, родственники – так и в более крупных, например, корпорациях и даже государствах.

Стоит учесть, что традиционная этика требовала разумности в труде, накоплении и распоряжении ресурсов. Современность, в свою очередь, нивелирует традиции и предлагает мгновенные доступ (клик-покупка-доставка), что атрофирует человеческие волевые качества. Наблюдается кризис отложенного удовольствия, сам человек становится приверженцем инфантилизма, который требует моментального удовлетворения потребностей. Вышесказанное создает проблемы и в экономике, и в сфере морали и нравственности. Спад во второй сфере можно проследить через сниженную способность к эмпатии, планированию на долгий срок и через способность к несению ответственности в будущем. Данная тенденция происходит в силу того, что у большинства из социума теряется привычка к этим способностям. Основной потерей является же отсутствие привыкания к критическому мышлению из-за технологий быстрого доступа к удовлетворению импульсов человека. Ибо для чего человеку критическое мышление, да и мышление в целом, если «удовлетворители» его потребностей выполняют большее количество процессов, о которых человек XX века должен был думать самостоятельно. Сегодняшняя проблема, связанная с быстрым потребительством, может быть решена экономическими мерами и другого рода акциями. Но в дополнение к вышесказанному требуется тщательный философско-антропологический пересмотр, касающийся отношения человека лично к самому себе и к вещам, окружающим его. Также, есть возможность вернуться к традиционным ценностям, включающим в себя умеренность, осознанность и творчество. Однако такой возврат

должен также учитывать и современные реалии, которые сложились в ходе многолетнего укрепления капитализма.

Можно предложить, что начинать движение в данном направлении необходимо с малого – экономического подсчета собственного бюджета. Когда каждый человек начнет заниматься подобным действием, то он вернется к истокам критического мышления. В конечном итоге, у него восстановится способность, или даже привычка, к критической оценке ситуации.

Альтернативой быстрому консьюмеризму может стать концепция «осознанного потребления» [5, с. 9], где выбор товара обусловлен не импульсом, а реальной необходимостью и этическими соображениями. В настоящее время можно проследить тенденцию «крысиных бегов», которые обозначают бесцельную деятельность ради самой деятельности, не содержащую какого-либо мотива. В рассматриваемом случае они обозначают пустое наличие вещей ради их наличия.

Следовательно, становится актуальным вопрос: является ли человек личностью как таковой – со своими привычками, вкусами, предпочтениями, или же человек есть только лишь отражение нынешних трендов, которые транслируют другие лидеры мнений ради собственной выгоды в виде преумножения своего капитала? Социальная философия должна способствовать формированию нового идеала человека, для которого свобода заключается не в возможности купить все, что угодно, а в способности не зависеть от вещей. Только преодолев отождествление «Я» с «Моим», общество сможет перейти от модели выживания и накопления к модели развития и гармонии с миром. Ведь подобное преодолеть возможно, воспользовавшись инструментом, которым обладает все человечество, – критическое мышление.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Пер. с фр. Е.А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
2. Фромм Э. Иметь или быть. Пер. с англ. Н. Войсунской, И. Каменкович, Е. Комаровой и др. М.: Издательство АСТ, 2000. 448 с.
3. Гурова О.Ю. Fast Fashion: быстро сшить, быстро продать, быстро выбросить. Концепция моды и потребление вещей в современном российском обществе // Экономическая социология. 2008. № 5. С. 56-66.
4. Бурдые П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. № 3. С 25-47.

5. Герасименко В.В. Идеология осознанного потребления и восприятие ценностей бренда // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2021. № 3 (41). С. 7-24.

УДК 321.01:316.422

**Новая государственность в условиях перехода
к постинформационному обществу: вызовы шестого
технологического уклада**

А.В. Васенкин
кандидат философских наук, доцент

*Иркутский национальный исследовательский технический
университет, г. Иркутск, Россия
vasenkinav@yandex.ru*

**New Statehood in the Context of Transition to a Post-Information
Society: Challenges of the Sixth Technological Paradigm**

A.V. Vasenkin
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

*Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia
vasenkinav@yandex.ru*

Аннотация. В докладе исследуется трансформация института государства в условиях перехода к постинформационному обществу и становления шестого технологического уклада. Автор анализирует концептуальные основы постинформационного общества как качественно нового этапа социального развития, характеризующегося изменением роли информации и внедрением NBIC-технологий. Особое внимание уделяется вызовам, которые новые технологии (GovTech, платформенные решения, ИИ) создают для традиционных основ государственного суверенитета, легитимности и административных практик. В докладе обосновывается, что данные процессы носят не только технологический, но и ценностно-мировоззренческий характер, требующий пересмотра самой философии управления. Делается вывод о необходимости формирования адаптивной модели государственности, способной обеспечить управляемость и безопасность в условиях технологической сингулярности и многополярного мира, а также сохранить гуманистическое измерение власти.

Ключевые слова: постинформационное общество, шестой технологический уклад, государственность, государственный суверенитет, цифровая трансформация, NBIC-конвергенция, GovTech, политические вызовы.

Abstract. The report examines the transformation of the institution of the state in the context of the transition to a post-information society and the emergence of the sixth technological paradigm. The author analyzes the conceptual foundations of the post-information society as a qualitatively new stage of social development, characterized by a change in the role of information and the introduction of NBIC technologies. Special attention is paid to the challenges that new technologies (GovTech, platform solutions, AI) pose to the traditional foundations of state sovereignty, legitimacy, and administrative practices. The report substantiates that these processes are not only technological but also value-worldview in nature, requiring a revision of the very philosophy of governance. It concludes that there is a need to form an adaptive model of statehood capable of ensuring manageability and security in the context of technological singularity and a multipolar world, while also preserving the humanistic dimension of power.

Keywords: post-information society, sixth technological paradigm, statehood, state sovereignty, digital transformation, NBIC convergence, GovTech, political challenges.

На рубеже XX-XXI веков человечество вступило в фазу глубокой цивилизационной трансформации. Концепции постиндустриального и информационного общества, доминировавшие в конце прошлого столетия, сегодня уступают место более сложным моделям, фиксирующим качественные изменения в природе социальной реальности. Одной из таких моделей выступает концепция «постинформационного общества». В то же время материально-технологической базой этих изменений становится шестой технологический уклад, основанный на конвергенции нано-, био-, информационных и когнитивных технологий (NBIC). Для социально-политической науки и практики ключевым становится вопрос о трансформации государственности: как меняются функции, структура и сам суверенитет государства под воздействием новых технологических и социальных реалий? Цель данной статьи — выявить основные вызовы, которые переход к постинформационному обществу и шестому технологическому укладу ставит перед современным государством, и определить контуры формирующейся модели государственности.

Термин «постинформационное общество» все чаще встречается в

научном дискурсе, однако его концептуализация сопряжена с определенными трудностями.

В.А. Фурс [1], ссылаясь на концепцию «Общества 5.0», относящейся к развитию Японии, и рассматривая ее как основу для формирования постинформационного общества, пишет, что Общество 5.0 стремится использовать преимущества высокоинтеллектуальных технологий в масштабах всего общества для создания новых ценностей, в соответствии с индивидуальными потребностями каждого человека. Автор [2] детерминирует постинформационное общество как современный этап развития глобального социума, где деятельность человека и социальных систем перестает быть просто обработкой данных. Если постиндустриальное (информационное) общество, по мысли Д. Белла и его последователей, строилось вокруг кодифицированного теоретического знания, то постинформационное общество знаменует переход к ситуации, которую в философии можно обозначить через термин «смыслогенез». Информация перестает быть дефицитным ресурсом – на первый план выходят способности к ее фильтрации, интерпретации и генерации нового знания, а также этическая ответственность за его применение. Это меняет онтологические основы бытия человека и общества, делая приоритетом не столько доступ к данным, сколько развитие творческого потенциала и когнитивных способностей индивидуумов. Шестой технологический уклад выступает материальным фундаментом описываемых изменений. Пятый уклад опирался на развитие информационных и коммуникационных технологий, шестой уклад характеризуется синтезом технологий, стирающим границы между физическим, цифровым и биологическим мирами.

Ключевыми направлениями шестого технологического уклада являются нанотехнологии, биотехнологии, геномная инженерия, робототехника, искусственный интеллект, новые виды энергетики и аддитивные технологии [3]. Темпы его становления напрямую зависят от качества инновационно-инвестиционной инфраструктуры и способности государства объединять усилия науки и бизнеса для внедрения разработок в реальный сектор. Специфика данного этапа заключается в переходе к «гибридным» технологиям, где природные процессы направляются человеком для достижения целей, что создает беспрецедентные возможности, но и несет риски, требующие нового уровня правового и политического регулирования.

Воздействие новых технологий на институт государства носит двойственный характер. С одной стороны, такие инновационные ин-

струменты как GovTech и современные цифровые платформы открывают перспективы для повышения эффективности управления, перехода к модели «цифрового государства» и экономике данных. С другой стороны, этот процесс порождает глубинные вызовы, затрагивающие основы государственности, в том числе и российской [4].

Первый блок вызовов связан с легитимностью и суверенитетом. Массовое внедрение цифровых технологий может подорвать сакральность традиционных политических процедур. Проблемы кибербезопасности, невозможность физического контроля при электронном голосовании, алгоритмическая непрозрачность принимаемых решений – все это ставит под вопрос доверие к институтам. Более того, передача значимых государственных функций (включая оборонные и коммуникационные) частным технологическим корпорациям создает новых внесуверенных субъектов, способных бросить вызов суверенитету. Это актуализирует проблему обеспечения национального технологического суверенитета, особенно в сфере критических и сквозных цифровых технологий.

Второй блок относится к дегуманизации управления. Цифровизация, упрощая доступ, несет риск утраты человеческого измерения власти и правосудия. Лишенные эмпатии и физического контакта, институты государственного управления, политической воли и надзора, рискуют утратить свою истинную сущность, превращаясь в чистую симуляцию, которая замещает живое общение на коммуникацию с «цифровыми» посредниками. Актуализируется вопрос об ответственности за ошибки посредников, подготавливающих, принимающих или выносящих решения [5]. Это требует не просто технического, но и глубокого философско-правового осмысления категорий свободы и ответственности в новых условиях.

Третий блок вызовов – вопросы информационной безопасности и социальной стабильности. Переход к цифровой экономике и экономике данных обостряет проблему информационных войн и с новой силой актуализирует вопросы кибербезопасности. Государство должно не только отстаивать свои границы в киберпространстве, но и противостоять информационно-психологическим интервенциям – попыткам переписывания истории и манипуляции общественным сознанием посредством цифровых платформ, социальных сетей и новостных сообщений в мессенджерах [6]. Ослабление аналитических способностей населения в результате формирования клипового мышления через постоянное взаимодействие с цифровым контентом, снижает устойчивость общества к

внешним манипулятивным воздействиям, что становится прямой угрозой и вызовом национальной безопасности.

Переход к постинформационному обществу на базе шестого технологического уклада знаменует собой глобальную трансформацию цивилизационной парадигмы. Государство как ключевой политический институт является одновременно субъектом и объектом данной трансформации. Оно сталкивается с необходимостью одновременно выступать драйвером технологического развития (поддерживая технологические инновации) и гарантом сохранения гражданской идентичности, социальной справедливости и национального суверенитета.

Новая государственность в условиях шестого технологического уклада больше не может оставаться в положении использования архаичных бюрократических моделей, также как не может полностью заменить себя «цифровым двойником». Речь идет о формировании адаптивной – цифроантропоцентричной модели, основанной на возможностях GovTech и экономике конвергентных технологий, которая сохраняет гуманистическое измерение власти и несет ответственность за долгосрочные последствия принимаемых решений. Соответственно, ответ на вызовы шестого технологического уклада располагается не в плоскости отрицания технологий, а в плоскости их ценностного освоения, подчинения интересам человека и общества, что невозможно мыслить без укрепления правовых основ и государственного суверенитета.

Библиографический список

1. Фурс В.А. Образ постинформационного общества в промышленной парадигме «Индустрия 5.0»: синергия человеко-машинных систем как экзистенциальная основа новой социальной реальности // Культура и безопасность. 2024. № 3. С. 28-38.

2. Васенкин А.В. Категория деятельности в условиях формирования постинформационного общества // Вестник Бурятского государственного университета. 2024. № 2. С. 53-61.

3. Roco M.C., Bainbridge W. S. Converging technologies for improving human performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science // URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/microsites/ostp/bioecon-%28%23%20023SUPP%29%20NSF-NBIC.pdf> (дата обращения: 21.02.2026).

4. Подольская Т.В., Ульбашева Ф.Д., Васюта Е.А. Тенденции и

перспективы применения технологий GovTech в процессе цифровизации государственного сектора // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 147-158.

5. Полякова Т.А., Камалова Г.Г. Правовое обеспечение технологической политики развития экономики данных и трансформации государственного управления: вызовы и перспективы // Правовое государство: теория и практика. 2025. Т. 21, № 4 (82). С. 59-65.

Ширганов А.В. Особенности шестого технологического уклада в разрезе трансформации экономической политики и государственного регулирования // Russian Economic Bulletin. 2024. Т. 7, № 3. С. 272-277.

УДК 316.722

Исторические корни и перспектива противостояния талассократии и теллурократии

А.Г. Головинский
кандидат технических наук

Философский клуб «Универсум», ООО Научно-производственное предприятие «Защита металлов», г. Нижний Новгород, Россия
e-mail: golanger@mail.ru

Historical Roots and Prospects of the Confrontation between Thalassocracy and Tellurocracy

A. G. Golovinsky
Candidate of Technical Sciences

Philosophical Club "Universum", Scientific and Production Enterprise "Protection of Metals", Nizhny Novgorod, Russia
e-mail: golanger@mail.ru

Аннотация. На основе анализа известных концепций общественного развития и экспериментальных фактов, разработана конспирологическая модель развития общества как глобального социологического эксперимента, в рамках которого становятся очевидным природа и сущность противостояния островной и континентальной цивилизаций.

Ключевые слова: островная цивилизация, континентальная цивилизация, теллурократия, талассократия, конспирологическая гипотеза, социологический эксперимент.

Abstract. Based on the analysis of the known concepts of social development and experimental facts, a conspiracy model of the development of society as a global sociological experiment is developed, within the framework of which the nature and essence of the confrontation between the island and continental civilizations become obvious.

Keywords: island civilization, continental civilization, tellurocracy, thalassocracy, conspiracy theory, sociological experiment.

Согласно терминологии русского философа А.Г. Дугина, Британия является типичной талассократией, иными словами, островной цивилизацией, поскольку «основывает свою силу на предпочтительном развитии ...“могущества посредством моря” ...и ...предполагает наличие метрополии и колоний...» [1, с. 267]. Подобного типа сообщества изначально формировалась в условиях практически полной изоляции, и им присущи однородность этнического состава, монокультура и крайне ограниченные природные ресурсы. В связи с скудными внутренними возможностями островные цивилизации в своем развитии обречены на экспансионистскую политику. Отсутствие следов на море делает грабеж наиболее эффективным и безопасным способом их существования, что вполне наглядно иллюстрируется многовековой историей Британии. Для островного психотипа дееспособными личностями признаются только представители своей общности. Личностная победа в данном контексте интерпретируется только как превосходство над ближним.

Согласно А.Г. Дугину, к талассократии можно отнести значительную часть Западной Европы. Это обусловлено не только географическим положением большинства европейских государств, характеризующимся высоким соотношением протяженности береговой линии к площади территории, но и историей развития региона. Основы талассократии заложили очевидные ее адепты – викинги, осуществившие в VIII – XI веках экспансию прибрежных территорий Западной Европы и островов Северной Атлантики. Экономическая и политическая эффективность таких типично островных цивилизаций, как Испания, Португалия и, в конечном итоге, Великобритания, привела к окончательному формированию европейской талассократической парадигмы. В результате ее доминирования вся история Европы представляет собой кровавый

сюжет «Игры престолов» с бесконечными интригами, грабежом и войнами. Альтернативой островной цивилизации является теллурократия – континентальная цивилизация, которая «основывает свою силу на предпочтительном развитии “могущества посредством суши” и обладает качеством территориальной непрерывности...» [1, с. 267]. Для теллурократии успешное взаимодействие с соседями экономически и политически более выгодно, чем грабительская экспансия. По мнению Дугина, наиболее типичным представителем такой цивилизации является Россия. Для континентального психотипа характерны восприятие любого разумного существа как равного, а наиболее значимой личностной победой становится успешная помощь ближнему. Экспансия Российской империи осуществлялась преимущественно посредством дипломатических, а не военных методов аннексии территорий, а большинство вооруженных конфликтов носили чисто оборонительный характер, при этом значительное число из них инициировалось именно западноевропейскими государствами.

Хочу отметить, что влияние протяженности береговой линии на особенности цивилизации, будь то островная или континентальная, можно наглядно продемонстрировать на примере США. Здесь четко наблюдается значительное различие в процентном соотношении голосов, отданных островные ценности демократов и за континентальные ценности Республиканской партии в зависимости от прибрежного расположения регионов.

В настоящее время конфронтация теллурократии и талассократии, изначально проявлявшаяся в политической и экономической сферах, постепенно трансформируется в экзистенциальную плоскость, создавая постоянную угрозу глобальной ядерной катастрофы. В чем причина и смысл этой эскалации, и какова дальнейшая перспектива таких взаимоотношений? Ответ на этот вопрос невозможен без обращения к одной из самых сложных и дискуссионных философских проблем – проблеме сущности прогресса человечества. Вполне понятно, что в настоящий момент она не имеет однозначного технического или научного решения и представляет, скорее, вопрос веры, поскольку больше связана с субъективными интерпретациями. Однако целый ряд эмпирических фактов позволяют выдвинуть гипотезы, помогающие приблизиться к пониманию этой проблемы.

Первое, что следует отметить, – отсутствие физического субстрата, который мог бы отвечать за хранение информации в мозге. Современные нейрофизиологические исследования не выявили структур, способ-

ных выполнять функцию долговременного сохранения данных [2]. Это может свидетельствовать о том, что мозг, возможно, служит лишь временным буфером для обработки и передачи информации.

Второе доказательство, подтверждающее эту гипотезу, связано с феноменами, которые известны как «ксеногlossия» и «криптомнезия» [3]. В некоторых ситуациях, под влиянием физического или психического стресса, люди внезапно начинают говорить на языках, которые им неизвестны, демонстрируют навыки игры на инструментах, которых ранее не имели, или проявляют художественные таланты, им ранее не свойственные. Эти явления можно трактовать как нештатный доступ к информации, хранящейся за пределами индивидуального сознания.

Третий факт основан на личных воспоминаниях таких корифеев от науки, как Коперник, Леонардо да Винчи, Ньютон и Менделеев [4]. Они утверждали, что все гениальные озарения приходили к ним в виде полностью готового решения во время сна, то есть тогда, когда человек находится в состоянии измененного сознания.

Факт четвертый связан с современными исследованиями электромагнитной активности мозга. Их результаты наглядно демонстрируют, что мозг не только постоянно генерирует собственное излучение, но и активно взаимодействует с внешними электромагнитными полями [5].

Все вышеперечисленные факты позволяют утверждать, что человеческий мозг представляет собой не автономное хранилище личной информации, а является, скорее, своеобразным интерфейсом, обеспечивающим постоянный двусторонний обмен информации с неким глобальным внешним хранилищем. Это предположение целиком и полностью объясняет феномены ксеногlossии, криптомнезии, а также появление готовых информационных пакетов во сне.

Данная гипотеза, хотя и требует дальнейшего эмпирического подтверждения, открывает новые перспективы для понимания природы человеческого сознания и прогресса человечества в целом. Она позволяет рассматривать мозг не как замкнутую индивидуальную систему, а как структурный элемент глобальной информационной сети, которую, в свою очередь, следует считать ключевым фактором в развитии нашей цивилизации. Однако остался нерешенным вопрос о местонахождении этого гипотетического внешнего хранилища информации. В качестве требований к такому серверу абсолютно бесспорны следующие: невероятный объем памяти, столь же безграничная энерговооруженность, физическая возможность хранения информации путем каких-либо фазо-

вых или других триггерных переходов, наличие постоянного прямого доступа и достаточно близкое расположение к Земле.

Вполне очевидным кандидатом на роль такого хранилища является наше Солнце. Оно имеет колоссальный физический объем, обладает неограниченной энерговооруженностью и постоянно находится в зоне прямой видимости. На Солнце происходят пять различных реакций протон-протонного цикла, что в принципе позволяет сохранять информацию гораздо эффективностью, чем в стандартной бинарной системе.

Далее, следующий факт. Вода, как известно, является основой жизни на Земле. В водной среде зародилась первая жизнь, и она по-прежнему играет важнейшую роль в метаболизме всех организмов, составляя от 60 до 99% их массы. Вода также является основным компонентом растений, в которых ее содержание варьируется от 80 до 95%. Недостаток воды вызывает необратимые физиологические нарушения, что, в конечном счете, приводит к гибели любого организма.

Уникальность воды проявляется в том, что ее твердая фаза (лед) имеет меньшую плотность, чем жидкая [6]. Это свойство, абсолютно не свойственное другим природным веществам, критически важно: если бы плотность льда была выше жидкой фазы, океаны и моря промерзли бы до дна, в результате жизнь на Земле стала бы невозможной. Это уникальное свойство воды вызывает особый интерес и наводит на некие конспирологические размышления о ее происхождении.

Факт шестой. В начале XX века ученые выяснили, что все континенты Земли можно геометрически без каких-либо зазоров совместить в шар, радиус которого примерно вдвое меньше современного диаметра планеты [7]. Существует гипотеза, что изначально этот более-менее ровный шар был покрыт равномерным слоем воды, поэтому следы морского дна присутствуют практически на всей земной поверхности [8]. Однако геофизикам не удалось объяснить, как Земля могла спонтанно увеличиться в размерах. Поэтому современная научная парадигма предполагает, что континенты возникли из единого протоматерика Гондваны в результате тектонического движения литосферных плит, которое привело к формированию современных очертаний земной поверхности. При этом общий диаметр планеты оставался неизменным.

Факт седьмой. В школьных учебниках «Природоведения» 1960-х годов в средних широтах России в качестве нормального атмосферного давления указаны 762 миллиметра ртутного столба. Современные метеорологические данные показывают, что сейчас нормальным считается

давление на уровне 748 мм рт. ст. Это свидетельствует о том, что за последние полвека планета заметно расширилась.

Логическое объединение всех этих вышеперечисленных фактов позволяет выдвинуть конспирологическую гипотезу о некоем глобальном социологическом эксперименте. Предположим, что на безжизненную планету, помещенную в зону обитаемости звезды на периферии галактики, была подана вода (не случайно, что следы океанического дна обнаружены на всех современных участках суши). Затем был запущен механизм планетарного расширения, в результате которого вода проникла в образующиеся трещины и формировала участки суши. Эти новые территории затем заселились растительностью и животными.

Вероятно, процесс заселения был запущен искусственно. Палеонтологические находки могут быть лишь частью искусственных декораций. Закачать в планету несколько сотен палеонтологических экспонатов даже в современных условиях не представляет значительной сложности. Кроме того, в недрах планеты могли быть искусственно размещены богатые энергией ископаемые, такие как уголь и нефть, чтобы обеспечить быстрое развитие экономики в будущем. Не случайно в древних угольных пластах обнаруживают современные предметы, такие как гайки, болты и транзисторы [9]. Это можно считать фактом номер восемь. В итоге, на подготовленную площадку помещается человек – конечный объект и результат эксперимента.

Вполне вероятно, что продолжительность жизни создателей эксперимента позволяет процессу развиваться естественно, без искусственного ускорения. Однако научный анализ хронологии исторических событий, выполненный при помощи математической статистики, астрономии, матриц связей и анкет-кодов методы, выполненный Г.В. Носовским и А.Т. Фоменко [10], позволяют утверждать, что продолжительность истории человечества составляет не десятки тысяч лет, а чуть больше одной. К аналогичным выводам абсолютно независимо пришли лингвисты [11] и искусствоведы [12]. Они утверждают, что все якобы древние тексты и произведения искусства созданы не позднее X века нашей эры. Аналогичных взглядов относительно якобы древних монет придерживаются и нумизматы.

Таким образом, эволюция человечества от первобытного состояния до современного уровня развития была стремительной, что обусловлено ускорением процесса когнитивного роста благодаря информационным пакетам, которые передавались выдающимся личностям в виде озарений. Однако для формирования из человечества достойного члена все-

ленского сообщества одного лишь обучения недостаточно, необходимо также воспитание. Именно в этот критический момент и возникает необходимость противостояния между островной и континентальной цивилизациями, каждая из которых представляет собой уникальный культурный и философский континуум, влияющий на глобальное развитие. Очевидно, что появление чего-то подобного талассократии в космосе невозможно, поскольку представляет угрозу существования самой Вселенной. Это подтверждается не только историей, агрессивным и эгоистичным психотипом такого общества, но и фантастическими сюжетами, созданными его представителями и описывающими перспективы человечества. В них предсказываются земной Апокалипсис, полуживотное существование обособленных социумов и бесконечные космические войны всех против всех.

Теллутократия, напротив, обладает потенциалом для интеграции во вселенское сообщество, однако для этого ей необходимо продемонстрировать свою состоятельность, полностью устранив из земного сообщества память об островных цивилизациях и получив своеобразную «прививку» от паразитного островного психотипа.

Противостояние островной и континентальной цивилизаций – многослойное явление, которое обусловлено географическими, экономическими, политическими и культурными аспектами. Будущее человечества в контексте этого противостояния представляет собой сложный и многообразный процесс, требующий всестороннего понимания и анализа всех факторов взаимодействия между этими двумя подходами. Только через детальное изучение и осмысление этих процессов можно разработать эффективные стратегии и методы, которые будут способствовать гармоничному развитию и процветанию человечества.

В завершение стоит задуматься о нашем месте во Вселенной, не ограничиваясь лишь пополнением числа разумных существ. Какую ценность мы несем этой грандиозной структуре, которую можно воспринимать как часть Божественного или Вселенского Разума? Безусловно, Вселенная обладает глубоким пониманием своих законов и принципов работы, поэтому наши попытки ее познать не имеют для нее особого значения. Отсюда возникает вопрос: для чего человечество нужно Вселенной, в чем состоит наша уникальность?

Наиболее очевидный ответ состоит в том, что помимо знаний люди генерируют эмоции, источником которых является сущностная дихотомия человека, состоящая в диалектическом единстве и борьбе двух противоположностей – телесной и духовной. Причем действие этого закона

провоцирует возникновение эмоций не только у самой личности, но и у окружающих ее других субъектов. Вполне позволительно предположение, что именно этот «продукт» необходим Вселенной (или, по-другому: Богу, Иисусу, Аллаху, Высшему разуму или Вселенскому Разуму), а человечество ценно лишь как генератор эмоций. Такую гипотезу в художественной форме прекрасно изложил Э.Ф. Рассел в своем коротком рассказе «Единственное решение» [13].

Второй вариант ответа представляется более обоснованным с практической точки зрения. Согласно этой гипотезе, человечество представляет собой экспериментальную группу, предназначенную для формирования новой разумной расы, обладающей уникальными психофизиологическими характеристиками. В целях обеспечения безопасности данного эксперимента, он был размещен на периферии нашей Галактики. Исходник для подобного эксперимента – планета Энцелад – недавно был найден вблизи Сатурна [14], а неудачным результатам по всей видимости, является Марс, выбитый из «зеленой зоны» Солнца космическим ударом, оставившим на его поверхности след, в виде долины Маринер [15]. Марсианские каналы, прекрасно видимые еще в начале прошлого века, сегодня практически полностью уничтожены песчаными бурями. Следует отметить, что практика создания изолированных колоний для проведения социо-моделирующих экспериментов является хорошо известной в истории человечества. Системные администраторы, занимавшиеся подобными исследованиями, часто создавали весьма экзотические модели, демонстрируя высокий уровень креативности и инновационности. Из гипотезы о генерации эмоций вытекает одна из возможных технологических интерпретаций библейского принципа «Мне отмщение и аз воздам». Легко предположить, что после смерти человек проходит через стадию, которую можно описать как «виртуальное чистилище». В этот период он переживает все эмоциональные последствия своих поступков по отношению к другим людям. Специалисты в области информационных технологий утверждают, что при наличии глобального информационного хранилища реализация такого программного сценария вполне элементарна.

Отсюда следует, что не только незаконное насилие над людьми, но и любая, в том числе, и легитимная деятельность, с ним связанная, крайне опасна для человека даже в том случае, если он не был непосредственным исполнителем, а был всего лишь наблюдателем во время акта насилия. Личность, не принявшая всех возможных мер к прекращению насилия, так же виновна, как и непосредственный насильник.

Вполне понятно, что единственным исключением из этого закона может быть только самооборона.

Ко всему вышеизложенному вполне можно отнестись, как к утопической фантазии. Однако следует помнить, что большинство современных передовых идей и технологий, таких, как атмосферные и космические полеты, подводные аппараты, автомобили, лазеры, мобильная связь, роботы и многое-многое другое тоже когда-то считалось несбыточной фантастикой.

Библиографический список

1. Дугин А.Г. Основы геополитики // URL: <https://ratnikjournal.narod.ru/zip/Dugin.Geopolitika.pdf> (дата обращения: 23.02.2026).
2. Где хранится наша память, как можно картографировать мозг и почему внимание – это фикция // URL: <https://knife.media/memory-and-attention/> (дата обращения: 04.03.2026).
3. Ксеногlossия: тайна говорения на забытых языках // URL: <https://dzen.ru/a/aGKxF-4Zhi0jNPj-> (дата обращения: 04.03.2026).
4. Таблица Менделеева. История открытия системы химических элементов // URL: <https://www.osnmedia.ru/1000/periodicheskaya-tablicza-mendeleeva/> (дата обращения: 23.02.2026).
5. Брусиловский Л.И. и др. Экспериментальные исследования микроволновой электромагнитной активности головного мозга человека // Журнал радиоэлектроники. 2020. № 2 // URL: <http://jre.cplire.ru/jre/feb20/2/text.pdf> (дата обращения: 04.03.2026).
6. Белов Д.А. Удивительные свойства воды // Сборник XXIV Международного конкурса научно-исследовательских и творческих работ учащихся «Старт в науке» // URL: <https://school-science.ru/24/23/60450> (дата обращения: 04.03.2026).
7. Scaler G. Roberto Mantovani (1854-1933) and his ideas on the expanding Earth, as revealed by his correspondence and manuscripts // Annals of geophysics. 2010. No. 52 (6). P. 615-649.
8. Haynes K. Ancient Earth may have been a “water world” with no dry land. March 6, 2020 // URL: <https://www.astronomy.com/science/ancient-earth-may-have-been-a-water-world-with-no-dry-land/> (дата обращения: 03.03.2026).

9. Самые уникальные находки, найденные в угольных пластах за последние 200 лет // URL: <https://dzen.ru/a/XZ8CFgSvHwCx7dQm> (дата обращения: 03.03.2026).

10. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Реконструкция всеобщей истории. Новая хронология. М.: Издательство «Деловой экспресс», 1999. 736 с.

11. Топпер У. Великий обман. Выдуманная история Европы. СПб.: Издательство «Нева», 2004. 320 с.

12. Жабинский А.М. Другая история искусства. М.: Издательство «Вече», 2001. 576 с.

13. Рассел Э.Ф. Единственное решение // Единственное решение: повести, рассказы / Пер. с англ. СПб.: Издательство «Северо-Запад», 1993. С. 5-6.

14. На спутнике Сатурна обнаружена жизнь? Человечество вот-вот вступит в новую эру // Комсомольская правда. 05.10.2025 // URL: <https://www.kp.ru/daily/27725.5/5152338/> (дата обращения: 03.03.2026).

15. Долина Маринера – древняя катастрофа Марса // Ufostation о науке, земле и космосе, 26 апреля 2020 // URL: https://www.ufostation.net/readarticle.php?article_id=2577 (дата обращения: 04.04.2026).

УДК 165.12

Третий Рим в свете диалектики идеального

Н.А. Журавлев

*Тверской философский клуб проф. В.Э. Войцеховича, г. Тверь, Россия
e-mail: n.zhuravlev@mail.ru*

The Third Rome in the Light of the Dialectics of the Ideal

N.A. Zhuravlev

*Tver Philosophical Club of Prof. V.E. Wojciechowicz, Tver, Russia.
e-mail: n.zhuravlev@mail.ru*

Аннотация. Новое понятие энергии мира идеального дает новое представление о диалектике идеального, что позволяет дать новое толкование законам

инфодинамики, модели сознания П. Анохина, свободной энергии Фристона, модели Филдса-Левина, показав, что в них есть общего. Показано, как работа рассмотренных моделей интерпретирует теория вероятностей в виде байесовского мозга, цепи и оболочки Маркова. Идиома «Москва Третий Рим» использована как иллюстрация сказанного.

Ключевые слова: кантианский переворот, инфодинамика, энергия мира идеального, свободная энергия Фристона, система Геделя-Гегеля, модель Филдса-Левина.

Abstract. The new concept of the energy of the ideal world gives a new understanding of the dialectic of the ideal, which allows us to reinterpret the laws of infodynamics, P. Anokhin's model of consciousness, Friston's free energy, and the Fields-Levin model show what they have in common. It is demonstrated by the author how the work of the models considered is interpreted by the probability theory in the form of Bayesian brain, Markov's chain and shell. The idiom "Moscow is the Third Rome" is used as an illustration of the above.

Keywords: Kantian revolution, infodynamics, energy of the ideal world, Friston's free energy, Gödel-Hegel's system, Fields-Levin's model.

Характеризуя человека, мы используем термин «энергичный», но наука в настоящее время мало что может сказать о той энергии, на существование которой указывает данный термин. На заседании Тверского философского клуба, состоявшегося 22 октября 2025 г., его бессменный председатель профессор В.Э. Войцехович в докладе на тему «Возможно ли искусственное сознание?» удивил слушателей оригинальной трактовкой понятия «искусственное сознание», поскольку оказалось, что это не сознание искусственного интеллекта, как можно было бы подумать, учитывая общественный интерес к модной теме.

Искусственное сознание в понимании Войцеховича – сознание, которое возникает в результате кумулятивного эффекта, когда отдельным носителям сознания удастся объединиться, направив питающую их сознание энергию в общее русло, в результате чего поток сознания становится кумулятивной струей, пробивающей преграды. Можно сказать, что профессор Войцехович открыл перед нами окно Овертона, в котором мы видим картину из своего будущего, если смотреть на сказанное с позиций социальной науки. В понимании Войцеховича получается, что возможное искусственное сознание, как цель, которую люди должны достичь – это искусственно сформированное общечеловеческое сознание. «Исюминка» доклада – метафизика, связанная с понятием

«энергия», но это не та энергия, с которой имеет дело физика, а энергия мира идеального (ЭМИ).

Ценность доклада Войцеховича – в постановке проблемы описания той энергии, которая питает наше сознание и рожденный им мир идеального, и это будет частный случай проблемы преодоления метафизики [1], связанной с новым пониманием той энергии, с которой у нас связаны такие метафизические понятия, как воля и сила воли, сила знания, дазайн, эгрегор, пассионарность. В данном случае преодолеть метафизику значит указать источник энергии и найти способы ее получения. Надо также описать, как эта энергия связана со знанием, являющегося материей мира идеального, описанию которого посвящена «Диалектика идеального» Э.В. Ильенкова.

По М. Хайдеггеру, метафизика преодолевается другой метафизикой: «Мы зря воображаем, будто предчувствие конца метафизики позволяет нам встать вне ее, ибо преодоленная метафизика не улетучивается – она возвращается видоизмененной назад и остается у власти в качестве продолжающего править отличия бытия от сущего» [2, с. 231]. Возникает закономерный вопрос: в чем тогда сущность преодоления? Покажем это на примере.

Если сравнить философские системы Гегеля и Шопенгауэра, на первый взгляд, совершенно разные, общее мы увидим в том, что за понятием «воля» у Шопенгауэра скрывается та же самая сущность, что и за понятием «сила знания» у Гегеля, которое можно считать комплексной характеристикой воли; кроме того, понятие «духа» у Гегеля – это воля в действии. В XX веке то, на что воля направлена, Хайдеггер выразил через понятие «дазайн» в своей теории интенциональности, которую изложил в книге «Бытие и время». Вся эта метафизика суммируется в метафизике понятия «энергия мира идеального», которое является преодолением метафизики, поскольку относится к рациональной философии, в которой понятия метафизики образуют цельную, согласованную систему научного знания. В нашем случае, ЭМИ стоит за действием законов инфодинамики [3] и является движущей силой сознания в том его виде, как оно представлено в его модели [4].

К сказанному можно еще добавить, что данная проблема раскрытия сущности энергии мира идеального – это еще одна грань трудной проблемы сознания Д. Чалмерса. Пока же мы можем сказать, что эта проблема связана с делом обретения свободы, так как свобода нам нужна для того, чтобы преодолеть преграды для ищущей выхода энергии нашего сознания – это тоже философское откровение, нуждающееся в

расшифровке. Ключ к ней нам дает новая работа американских ученых с подробным описанием универсальной модели для всех видов процессов, в которых можно усмотреть проявления разумности – модель Филдса-Левина (МФЛ), названная так в честь тех, кто внес основной вклад в ее создание [5].

В основе модели две идеи, дополняющих друг друга: идея ремаппинга и идея навигации. Итак, что же такое этот ремаппинг или, в переводе на русский, рекартирование? Здесь надо сказать, что кроме этого слова-кальки с английского термина для обозначения феномена, им отмеченного, в докладе используются также другие термины: перекартирование, реотображение, переименование. Этот лингвистический полиморфизм отражает многозначность термина, что связано с универсальным характером этой теории *когниции*. Таким термином авторы собрали в одну категорию все процессы, имеющие признаки разумности: «Эта концепция предлагает навигацию в проблемном пространстве (метаболическом, физиологическом, морфологическом или поведенческом для биологических систем, например) как инвариант для анализа когниции в различных воплощениях» [5]. Такая широта охвата не позволяет однозначно сказать, что же подвергается переделке в процессе рекартирования.

Ограничив многозначность только когницией в сознании, получаем подсказку от самого термина: переделке подвергается некая когнитивная карта (КК), но и этот термин нагружен разными смыслами. В нейрофизиологии он обозначает карту активности нейронов при выполнении определенных действий. В психологии КК – это последовательность действий, связанных с принятием решений, нужных для достижения определенного результата. Наконец, в философии КК можно считать тождественной понятию феноменологического жизненного мира, являющегося картиной объективной реальности, созданной самим сознанием. Именно эту когнитивную карту сознание периодически и подвергает ремаппингу, причем делает это, осуществляя диалектический синтез, теория которого была разработана Гегелем.

Однако, диалектика Гегеля – это идеализм, в котором ремаппинг – это нисхождение от высшего совершенства к чему-то низшему. К. Маркс и Ф. Энгельс осуществили ремаппинг гегелевской диалектики: в их диалектическом материализме диалектический синтез тождественен ремаппингу в МФЛ. Это тоже один из вариантов «когниции в различных воплощениях», благодаря которому осуществляется восхождение от низшего к высшему. Модель Филдса-Левина – это еще одна попытка

показать, как работает диалектика в природе. Модель сознания П. Анохина (МСА) показывает, как когниция работает в сознании. Можно сказать, что МСА – это «движок» для МФЛ.

Чтобы движок работал, ему нужна энергия. К. Фристон, начиная с 2005 года, разрабатывает теорию по обоснованию действия принципа свободной энергии (ПСЭ), который он тоже позиционирует как универсальный принцип когниции. Неудивительно поэтому, что свободная энергия Фристана (СЭФ) фигурирует и в модели Филдса-Левина.

Вникнув в суть понятия «свободная энергия Фристана», первое, что мы должны о ней сказать, – это вовсе не то, что мы привыкли понимать под словом «энергия»: «Принцип свободной энергии гласит, что любая самоорганизующаяся система, которая находится в равновесии с окружающей средой, должна минимизировать свою свободную энергию, противостоя естественной тенденции к беспорядку» [6]. Уже из названия феномена видны трудности, которые Фристон испытывал при прояснении его сути, поскольку про эту суть оно не говорит ничего. В данном случае, для понимания сути феномена СЭФ, необходимо преодолеть метафизику, скрытую в используемых Фристоном для описания действия СЭФ таких терминах как «неожиданность», «удивление», «ценность». Метафизика легко преодолевается, если принять, что СЭФ – это не что иное, как энтропия, но только это не та энтропия, которая действует в материальном мире как проявление действия второго начала термодинамики. Фристон активно привлекает ее для объяснения феномена свободной энергии, но не отождествляет ее и СЭФ, и правильно делает, чтобы не вносить путаницу, так как в материальном мире никакой другой энтропии нет. Но если привлечь для объяснения феномена свободной энергии инфодинамику, то надо признать, что в мире идеального в случае со свободной энергией мы имеем дело с другой энтропией, а именно с энтропией, «колеблющей» основы мира идеального, в чем проявляется действие второго начала инфодинамики (2ИД). Между энтропией, действующей в мире идеального, и свободной энергией Фристана мы можем смело поставить знак тождества.

Сам термин «свободная энергия» неявно подразумевает, что кроме этой энергии есть еще какая-то несвободная энергия, о которой в теории Фристана ничего не говорится, но об этом говорит второй закон инфодинамики, в соответствии с которым одновременно с рождающей хаос энтропией действует и созидаящая новый порядок негэнтропия, переход к которому и есть ремаппинг. За всем этим стоит работа ЭМИ – энергии мира идеального, которая, как и энергия в материальном мире,

тоже может как разрушать, так и созидать. Здесь все зависит от того, на что мы ее направим. Диалектика гласит, что одного нет без другого, поэтому и возможен ремаппинг как диалектическая переделка чего-то старого в нечто принципиально новое. Модель сознания Анохина описывает, как это происходит.

О причинах, вызывающих ремаппинг, Фристон пишет: «Принцип свободной энергии утверждает – системы меняются, чтобы уменьшить свою свободную энергию. ... Мотивация – противодействие тенденции к беспорядку» [6]. О том же самом говорит и второе начало инфодинамики, но помимо этого, 2ИД указывает, что к переменам в системе ведет действие негэнтропии, и это приводит к переходу системы в новое фазовое состояние. Синергетика такие переходы называет бифуркациями, которые совершаются под действием работы аттракторов. Однако, когда такую работу делают несколько аттракторов, то из итогов формируется фазовое пространство, с которым работает бритва Оккама, удаляя из него лишние сущности, что в целом дает нам странный аттрактор, функционирование которого приводит к бифуркации. Когда такой ремаппинг затрагивает всю систему в целом, то, по В. Турчину, происходит мета-системный фазовый переход системы в новое фазовое состояние. Синергетика такие бифуркации называет сингулярностями.

В модели сознания Анохина описанному процессу ремаппинга соответствует работа цикла Геделя-Гегеля. Следовательно, система, в которой такой цикл работает, будет системой Геделя-Гегеля. Именно такой системой является сознание. Фристон, описывая работу свободной энергии в сознании, использует другую модель, которая получила название «байесовский мозг» [7]. Это вычислительная система, в которой решения принимаются на основе исчисления вероятностей: делаем то, что с наибольшей вероятностью даст нужный результат, а любая новая информация повышает или понижает искомую вероятность. В системе Геделя-Гегеля все не так, поскольку решения принимаются на основе имеющейся модели мира. Новая информация, если она не вписывается в эту модель, игнорируется и копится до тех пор, пока ее не станет достаточно для того, чтобы в результате диалектического синтеза родилась новая модель, идеальная в смысле соответствия первой теореме Геделя о неполноте – она будет замкнута и непротиворечива. Так работает цикл Геделя-Гегеля, давший название системе.

Именно такую систему описывает МСА – модель сознания Анохина. Принципиальное ее отличие от байесовского мозга заключается в том, что байесовский мозг в ней – это только одна из подсистем, кото-

рая отвечает за работу странного аттрактора и формирование фазового пространства. Когда бифуркация подводит итог работы данной подсистемы, становится возможным ремаппинг той системы знания, которую феноменология назвала жизненным миром, а психология эту когнитивную карту называет туннелем реальности.

Новая реальность для сознания всегда новая идеальность, поэтому мир разума и является миром идеального. В момент ее рождения энтропия, она же свободная энергия Фристана, не просто минимизируется, как в модели байесовского мозга, а обнуляется после завершения работы цикла Гегеля-Гегеля. Уже в следующий момент времени этот цикл возобновляет свою работу, но на рожденную идеальность это не влияет, так как навигацию по созданной в момент бифуркации когнитивной карте мы осуществляем вплоть до момента следующего ремаппинга этой карты, что и порождает борьбу старого с новым, имеющую в человеческом социуме весьма трагические формы. Сознание при этом также является ареной борьбы, причем, самой важной, на которой решается исход. И подобно тому, как борьба за господство перекраивает границы в материальном физическом мире, в мире идеального идет своя борьба за господство с сопутствующим этой борьбе ремаппингом границ.

В результате ремаппинга мира идеального получается дискретно-непрерывный байесовский процесс, дающий нам череду эволюционных трансформаций, звенья которого образуют цепь Маркова. В качестве иллюстрации, показывающей конкретный пример такой цепи, воспользуемся известной идиомой «Москва – это Третий Рим». Фраза в своей основе имеет высказывание монаха Филофея из его послания великокняжескому дьяку Мунехину, написанного в первой половине XVI века: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать». Н.В. Спицина, автор монографии «Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)», считает, что концепцию надо трактовать широко: «Очевидно, что “Третий Рим” – это не только и даже не столько Москва, сколько царство, держава, функция которой – служить гарантом длительности земной истории человечества» [8].

В свете диалектики идеального, история человечества, помимо традиционной истории, включает в себя еще и историю мира идеального, Первый Рим в которой – мир дуализма с приматом идеализма, суть которого выражают слова Иисуса Христа: «Царствие Божие внутрь вас есть». На смену ему пришел Второй Рим в виде секулярных идеологий неоллиберализма и марксизма-ленинизма с дуализмом, в котором материальное стало довлеть над идеальным. Третий Рим увидеть сложнее.

Согласно теории вероятности, каждое звено в цепи Маркова имеет покрытие Маркова, которое еще называют покрывалом, одеялом, оболочкой или границей. Чтобы понять смысл, скрытый в этом понятии, лучше обратиться к теории систем, в которой покрывалу или границе Маркова соответствует понятие тектологической границы, которая является подсистемой в системе, отвечающей за взаимодействие с другими подсистемами в данной системе. В человеческом обществе этому соответствует система отношений, в которой определяющую роль в том, каким будет новое звено в цепи Маркова, играют отношения производственные. Ремаппинг отношений приводит к ремаппингу звена в цепи Маркова, которое добавляется к этой цепи как ее новое звено. Каким будет то звено, на котором вечно суждено стоять Третьему Риму, указывает основной закон политэкономии: «От общества, основанного на материальной собственности, мы должны перейти к обществу, основанному на собственности интеллектуальной, для чего она должна стать свободной, освободившись от оков отношений, характерных для собственности материальной; когда платить мы будем не за то, что приобретаем, а за то, что используем, выбирая из имеющегося на свободном рынке то, что нам лучше подходит».

Если второй закон инфодинамики соответствует истине, то уже в ближайшем будущем мы можем стать свидетелями того, как в сознании людей начнет действовать энергия мира идеального, рождая новый мировой порядок. На этот раз новый «Рим» будет царством пост-дуализма, в котором идеальное и материальное будут образовывать гармоничную пару, а место соперничества займет сотрудничество, образуя новое звено цепи Маркова в истории человечества.

Библиографический список

1. Журавлев Н.А. Кантианский переворот в обществознании как преодоление метафизики // URL: <https://revolin.livejournal.com/65273.html> (дата обращения: 30.03.2026).
2. Хайдеггер М. Что такое метафизика? Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академический Проект, 2013. 288 с.
3. Револин Н. (Журавлев Н.А.) Инфодинамика в инфодинамике // URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/4492418> (дата обращения: 30.03.2026).
4. Револин Н. (Журавлев Н.А.) Сознание и его модель // URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/4697845> (дата обращения: 30.03.2026).

5. Hartl B., et al. Remapping and navigation of an embedding space via error minimization: a fundamental organizational principle of cognition in natural and artificial systems // URL: <https://arxiv.org/abs/2601.14096> (дата обращения: 30.03.2026).

6. Friston K.J. The free-energy principle a unified brain theory // URL: <https://www.researchgate.net/publication/41001209> (дата обращения: 30.03.2026).

7. Чиверс Т. Предсказать все. Как теорема Байеса объясняет наш мир. М.: Individuum, 2026. 392 с.

8. Каплан В. Третий Рим (интервью с Н.В. Сенициной) // Фома. 2010. № 9 (89) // URL: <https://foma.ru/tretij-rim.html>
<https://pq.iphras.ru/article/view/8272> (дата обращения: 30.03.2026).

УДК 1(031):004.8

Дракон на взлете: развитие науки и технологий в современном Китае. Отражение самобытных культурных практик в создании передового ИИ

Н.П. Кнэхт

кандидат философских наук, доцент

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия*

e-mail: nataknekht@gmail.com

Ю.В. Лункина

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия*

e-mail: loonkina.jv@mail.ru

Dragon on the Rise: The Development of Science and Technology in Modern China. A Reflection of Distinctive Cultural Practices in Creating Advanced AI

N.P. Knekht

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: nataknekh@gmail.com*

Yu. V. Lunkina

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: loonkinajv@mail.ru*

Аннотация. Современный Китай за сравнительно короткое время разработал и распространил модели искусственного интеллекта, ненамного уступающие всемирно известным западным моделям, а по некоторым показателям превосходящие их. Достижение лидерства в развитии искусственного интеллекта объявлено в Китае стратегической задачей государственного уровня. Предпринимается попытка обосновать отличительные особенности китайских моделей искусственного интеллекта и подходов к их разработке культурными практиками и философскими традициями этой страны.

Ключевые слова: искусственный интеллект, коллективизм, прагматизм, инженерное мышление, Дао и Ци, Национальная стратегия в области искусственного интеллекта.

Abstract. Modern China in a relatively short time has developed and propagated artificial intelligence models almost as good as world-renowned Western models and even surpassing them in some aspects. China positions the achievement of leadership in artificial intelligence as its state-level strategic task. In this work, an attempt has been made to explain the specific traits of Chinese artificial intelligence models and approaches to their development by cultural practices and philosophical traditions of this country.

Keywords: artificial intelligence, collectivism, pragmatism, engineering thinking, Tao and Qi, national artificial intelligence strategy.

Современный Китай, подобно мифическому дракону, стремительно взмывает ввысь, становясь одним из ведущих мировых центров науки и технологий. Мы попытаемся раскрыть, что стоит за феноменом уникального «китайского пути», взлетом, который называют «чудом», что явилось триггером в создании передового искусственного интеллекта (ИИ). В 2023 году, выступая на конференции по ИИ в Шанхае, И. Маск произнес слова, которые оказались пророческими: «Я восхищаюсь мудростью и решимостью китайского народа. Если китайцы ре-

шают преуспеть в чем-то, у них это получается. С искусственным интеллектом будет так же» [1].

Китайская цивилизация имеет давнюю историю, в которой были и взлеты, и падения. Китай подарил миру разнообразные научные и технологические достижения: от пороха и компаса до книгопечатания и бумаги. Однако название этой страны долгое время было синонимом скорее изысканной древности, нежели высот технического прогресса.

Мы обращались к проблеме, поднятой знаменитым китаистом Дж. Нидэмом, и проанализировали три основные причины своеобразия китайского пути «от Великой стены к великой сети» [2, с. 124-125, 129-130; 3]. Нами была отмечена одна из стартовых точек этого пути: статья «Манифест культурного развития», авторы которой, китайские ученые первой трети XX века, заявили о «самостоятельности и способности современного Китая эффективно интегрировать западные технологии и науку без потери своих корней, самобытности своей культуры» [2, с. 130]. Еще одним программным документом стал «Манифест за переоценку китаеведения и реконструкцию китайской культуры» (1958). Он послужил важной отправной точкой для «нового конфуцианства», что привело современных китайцев к формированию общей идентичности и возрождению конфуцианской мысли в условиях нестабильного глобализирующегося мира.

Известны кардинальные различия между западной (греко-немецкой) и восточной (китайской) мыслью и цивилизацией. Ключевые точки расхождения: первая больше тяготеет к истине, тогда как вторая к морали. Анализ конфуцианства, даосизма и буддизма показывает, что, несмотря на все их различие, это моральные космотехники. Дао – добродетель, имманентная вещам, – предполагает определенную философскую культуру. Жить – значит поддерживать тонкое соучастие с Дао на интуитивном уровне [4]. Принципы гармонии и коллективного блага, унаследованные неоконфуцианством от традиционных китайских философских учений, нашли отражение в следующих чертах развития науки и технологий в КНР: 1) коллективизм и долгосрочное планирование; 2) прагматизм и адаптивность; 3) «инь» и «ян» в технологиях [5; 6].

Как известно, в конфуцианстве делается акцент на образовании, самосовершенствовании, коллективизме и прагматизме. В Китае сложилась эффективная система образования, основанная на уважении к знаниям и их носителям, стремлении к порядку, что способствовало развитию науки. Идеология даосизма, в основе которой лежит признание взаимосвязи всего сущего и поиск гармонии, неявно отразилась на

системном подходе к решению сложных задач в развитии ИИ. Кроме того, укорененные в культуре практические навыки и преемственность инженерного мышления помогают в реализации масштабных технических проектов. Оценивая шансы КНР на лидерство в «гонке генеративного ИИ» [7], эксперты А. Цуриков и С. Карелов подчеркивают прагматическую мотивацию органов государственной власти и компаний, непосредственно развивающих китайские модели ИИ.

Современный технологический прорыв Китая безусловно связан с целенаправленной государственной политикой, проводимой Коммунистической партией Китая (КПК). Наука, технологии, развитие ИИ – это стратегический приоритет для обеспечения экономического роста, национальной безопасности и глобального лидерства Китая. Осуществляются масштабные инвестиции в НИОКР, финансирование университетов и исследовательских центров. Программа «Сделано в Китае – 2025» направлена на переустройство китайской промышленности в области робототехники, биотехнологии, аэрокосмической промышленности и ИИ. В другом программном документе, «План развития ИИ нового поколения», КПК предполагает к 2030 году вывести Китай в мировые лидеры в области ИИ [8; 9]. Залогом успешности этих амбициозных проектов выступает отмеченный В. Малявиным соматический уклон китайского мировоззрения: «Не абстрактная идея, а качество жизненного опыта, создающее личностный стиль, лежит в основе китайской традиции» [10, с. 100], и далее: «...В китайской цивилизации <...> власть, мораль, богатство и здоровье составляют <...> нераздельное целое» [10, с. 105]. Итак, «дракон на взлете» – не просто метафора, а отражение целенаправленной государственной политики, колоссальных инвестиций и уникального китайского подхода к инновациям. Китайский путь в ИИ демонстрирует, что технологическое лидерство может быть достигнуто не только путем слепого копирования, но и через адаптацию глобальных трендов к собственной культурной матрице. Модель интеллекта, имплицитно заложенная в китайской философской традиции, и самобытные культурные практики, возможно, послужат основой для развития интеллектуальной интуиции в машинах и создания передового, более гуманного ИИ.

Библиографический список

1. Musk lauds China's AI prowess while warning of tech's dangers // Bloomberg. 2023 // URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023->

07-06/musk-lauds-china-s-ai-prowess-while-warning-of-tech-s-dangers (дата обращения: 30.03.2026).

2. Кнэхт Н.П. Вопрос о технике в Европе и Китае: на пути к согласию // *Философия в XXI веке: направления и тенденции развития. Материалы II Международной научно-практической конференции: в 3 частях.* Москва, Зеленоград – Красноярск, 12 апреля 2024. М.: МИЭТ, 2024. Ч. 1. С. 122-131.

3. Кнэхт Н.П., Пирогов А.И. Влияние неоконфуцианства на политику современного Китая: между традицией и модернизацией // *Власть.* 2025. Т. 33, № 6. С. 220-229.

4. Хуэй Ю. Вопрос о технике в Китае: эссе о космотехнике. М.: Ad Marginem, 2023. 320 с.

5. Johnson A.T. The yin and the yang of new technologies // *IEEE Pulse.* 2023 // URL: <https://www.embs.org/pulse/articles/the-yin-and-the-yan-of-new-technologies> (дата обращения: 30.03.2026).

6. Sodan A.C. Yin and yang in computer science // *Communications of the ACM.* 1998. Vol. 41, No. 4. P. 103-111.

7. Цуриков А., Карелов С. Стремительный тигр, мудрый дракон: проекты и перспективы Китая в гонке генеративного ИИ // *Skillbox Media.* 2023 // URL: <https://skillbox.ru/media/code/stremitelnyy-tigr-mudryy-dragon-proekty-i-perspektivy-kitaya-v-gonke-generativnogo-ii/> (дата обращения: 30.03.2026).

8. Игнатьева О.А. Современные исследования в области искусственного интеллекта в Китае: в борьбе за мировое лидерство // *Проблемы деятельности ученого и научных коллективов.* 2025. Т. 11. С. 151-162.

9. Выходец Р.С. Стратегия Китая в области искусственного интеллекта // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* 2022. Т. 16, № 2. С. 140-147.

10. Малявин В.В. О китайской цивилизации // *Российское китаеведение.* 2022. № 1. С. 95-111.

УДК 101.2

Жан-Люк Марион: дом «без бытия», или об истинах, идолах, горизонтах *cogito* и «белом» этосе человека

В.Л. Круглов
доктор философских наук, профессор

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, г. Красноярск, Россия
e-mail: vlk60cairos1808@inbox.ru*

*И.Н. Круглова
доктор философских наук, профессор*

*Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск,
Россия
e-mail: sinkina68@yandex.ru*

**Jean-Luc Marion: House “without Being” or about Truths, Idols,
Horizons of the Cogito and the “White” Ethos of Man**

*V.L. Kruglov
Doctor of Philosophical Sciences, Professor*

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev,
Russia, Krasnoyarsk
e-mail: vlk60cairos1808@inbox.ru*

*I.N. Kruglova
Doctor of Philosophical Sciences, Professor*

*Krasnoyarsk State Agrarian University, Law Institute, Russia, Krasnoyarsk
e-mail: inna_krug@mail.ru*

Аннотация. В докладе авторы анализируют генезис и развитие основных идей философии и теологической позиции в трудах Ж.-Л. Мариона, а также роль и место концепции французского мыслителя в истории современной гуманитарной мысли.

Ключевые слова: философия, метафизика, феноменология, богословие, творец, творчество, Бог, человек.

Abstract. The authors analyze the genesis and development of the main ideas of philosophy and theological position in the works of J.-L. Marion, as well as the role and place of the French thinker's concept in the history of modern humanitarian thought, in the report.

Keywords: philosophy, metaphysics, phenomenology, theology, creator, creativity, God, man.

Заявление о смерти Бога имеет целью обезглавить все, что претендует на главенствующее положение, а это значит – не только воскрешения и аромат христианских таинств, но и все, что притязает быть Последним Словом.

Капуто Дж.Д. Как секулярный мир стал постсекулярным

Речь идет о том, чтобы осознать ситуацию, в которой должен оказаться человек как Dasein, чтобы с ним приключилась «смерть Бога»?

Марион Ж.-Л. Идол и дистанция

Жан-Люк Марион (Jean-Luc Marion, 1946, Франция) – одна из резонансных и значимых фигур континентального дискурса последних десятилетий. Привлек к себе внимание на стыке 1980-90-х годов, иницировав своими ранними работами так называемый «теологический поворот» во французской философии [1]. Богослов и философ, ученик Даниелу, Бофре, Алькье и Деррида, тонкий критик практически всех «поворотных» философем эпохи, но при этом вникающий в «трансформации классики» аналитик, он умел найти такой угол зрения, в свете которого традиция оживала в новациях, а последние выступали «событием» развития хода истории. Однако, основные мотивы его исследований всегда, так или иначе, были *инверсивно вынужденно сопричастны* осознанию «ситуации с человеком как Dasein» (в состоянии «присутствия»), открывающего и созидającego наш «мир».

1. *О Боге, бытии и сущем: идолы и феномены.* Еще в 70-е годы прошлого столетия, когда усилия мыслителя, *примиряющего* в себе голоса философа и теолога, были сосредоточены на истории идиомы «смерти Бога» и *танатологической* интерпретации оснований философии – от Платона и Аристотеля до Ницше, Гуссерля и Хайдеггера (работы «С Богом или без него?» 1970, «О серой онтологии Декарта» 1975, «Идол и дистанция» 1977, «Бог без бытия» 1982), Марион, прежде всего, преследовал цель высвобождения и ревизии наследия «рациональности» Нового времени. Развивая идеи Фейербаха и Ницше о принципиальной соположенности Бога и Человека в отрезвлении «холодной водой естественного разума» [2, с. 221-222, 230], переосмысливая проективные установки Декарта, Спинозы и Хайдеггера о «субстанции»

мыслимого и мыслящего, ученый *как философ* объявляет о том, что «Метафизика [в том смысле, в каком раскрывает ее природу Хайдеггер, как *онто-теология* – В.К.] мыслит Бытие по своему произволу... и только исходя из сущего, за которым прячется Бытие». А «Бог» за призраками «Сущего» есть «не что иное, как идол, представляющий метафизически помышленное Бытие сущего» [3, с. 27, 32]. В то же время, опираясь на наследие христианской богословской традиции, в частности труды Аврелия Августина, Псевдо-Дионисия Ареопагита, Фомы Аквинского, Иоанна Дунса Скота, Франсиско Суареса и других, мыслитель уже *как богослов* стремится «произвести разметку теологической ситуации метафизики» [4, с. 41].

Как следствие, Марион заявляет не столько о «конце метафизики», сколько о задаче ее *феноменологического* преодоления: «Можно ли взглянуть на онто-теологию, исходя из того, что в христианстве могло бы ускользнуть от нее? ... «смерть Бога» не только не упраздняет вопроса о Боге или божественном, но решительно ставит вновь вопрос о встрече с Ним» [3, с. 35-37]. Нам «нужно научиться тому, как обрести такое понятие опыта, которое не стало бы вновь однозначным» [5, с. 168]. Исторический и сокровенно личный «опыт божественного» в человеке предшествует предметной рефлексии бытия. Присутствие «*благодати*» – бескорыстного дара Господнего, – тварной *данности* мира и *творческого* начала «в мире» открытых для нас к освоению и действительному обращению блага в «творении» есть путь к Истине: «Ты же был во мне глубже глубин моих и выше вершин моих» (Аврелий Августин, Исповедь, III, 6, 11). Продвигаясь от критики природы «метафизики» к признанию неустранимого в истории философии присутствия в ней теологического начала как «*дара*», расширяя понятие философского опыта к особым – «*насыщенным*», – феноменам *человеческого* опыта [6, с. 81-99] в переживании «дистанции» христианского откровения от обладания «сущим», Марион предлагает инверсивно поставить онто-теологию в ситуацию «безумия», «отправляясь от Христа и от христианства как от «безумной речи о Кресте», «чтобы осмыслить *не то, что дано*, а то, что дано некое «*дано*»...» [*Курсив мой* – В.К. 3, с. 35, 270].

2. *Между метафизикой и теологией: феноменология и откровение.* В одной из своих дальнейших статей, говоря о метафизике, мыслитель «следуя истории понятий... начиная с Суареса и заканчивая Кантом» определяет ее как «систему философии, единую науку одновременно и об универсальности общего сущего, и о сущем (или сущих) по преимуществу. Этот факт, зафиксированный текстуально,

неоспорим» [7, с. 125-126]. Однако при этом, ссылаясь на Э. Левинаса, философ замечает, что в ходе деструкции классической метафизики картезианское «Эго» лишилось своего главенствующего статуса как основания онтологии, «поставив в центр данное-сущее другого» – «лик, всякий раз уже открытый, данное, отданное другим», – и переместив его из границ мира предметно-понятийного «что» теоретической философии в *этику*, в первично-феноменальное разомкнутое пространство «как не-сущее» [7, с. 138]. И как *богослов* добавляет – в этом мире «Бога следовало бы определить как данное-сущее по преимуществу» [7, с. 140]. В результате, отличая Абсолют метафизики от «Бога феноменологии» Марион связывает последний «с Богом философов и ученых» и отождествляет его с «с Богом Авраама, Исаака и Иакова» [7, с. 141-142]. И как итог, *имплантируя в пространство между метафизикой и теологией рефлексию феноменологии и христианское откровение*, утверждает, что они вскрывают «явленность» феномена одного и того же «определенного типа»: «Граница между феноменологией и теологией проходит между откровением как возможностью и откровением как историчностью». На этом пути «рациональная идея Бога» оказывается «по меньше мере непротиворечивой» [7, с. 142-143]. Иначе: Откровение, как феномен Абсолюта в творении, есть суть возможность его свершения делами человеческими, но и актуализация Логоса в Слове (сознании) Человека – «И, однажды выпущенное, улетает слово безвозвратно». Таким образом, преодолевая метафизический мир «бытия и Сущего» («*cogito*» и «определения») и высвобождая мир «лика и Откровения» («дара» и «любви»), Марион открывает основание *данности* главных творческих персонажей мира – «*его*» и «*Бога*», – постигаемое *в свободе и исходной чистоте неопределенно-«явленного»*, насыщенного и спаянного в некое *двуединое «белое» целое* [см. эпиграф к «О белой теологии Декарта»: 5, с. 130] конечного и бесконечного, предельного и беспредельного, пограничного и безграничного, Человека и Абсолюта. «Двузначность указывает на возможную двойную идентичность основания, конститутивную анонимность которого она высвечивает» [5, с. 140].

3. *О творении и творцах: горизонты и границы. Между теорией и праксисом.* Новый феноменологический раскрой тварного «мира», *примиряя философию и теологию – Логос и Слово*, – позволил французскому мыслителю выстроить медиацию *эсхатона* (*ἔσχατον*) традиционных горизонтов и границ «познания» в свете постметафизического этоса исследований: «Речь идет не просто о метафизике, достигшей своего

предела, но о *метаметафизике*» [*Курсив мой* – К.В. См.: 7, с. 130]. «Мир» как пространство «знания», и «мир» как тоpos «действия» оказываются сцеплены в дистанции *при-сутствия* субъекта как *подлежащего* в основании, данного «логией» *творца в творении* [3, с. 215-217; 8, с. 85]. Слово как свидетельство, и Логос как его воплощение – теория и практика *в истине божественного*, – конституируют дискурс ученых из *откровения*, за-поведанного из прошлого к будущему: в инобытии неопределенного «настоящего», из античных мифопоэтических образов и учений о первоначалах существующего (ἀρχή, τέλος, θεολογία), любомудрия (φιλοσοφία), благолепия (ἡθική, ομορφιά), восхищения прекрасным (αἰσθησις) двигаясь к «радикальному эмпиризму» достоверности *факта* «творения» как «уже данного» (Gegebenheit) [4, с. 133-138] – «конечная суть, определенность феномена состоит не в том, чтобы быть, а в том, чтобы являться как данное» [9, с. 147]. Творец «блистает, ослепляя своим отсутствием», превращаясь в «отданность» в «лике милосердия» [7, с. 141-143] – «лицем к лицу» (1 Кор. 13, 12). Установление же истины («facere veritatem») делает истину *событием и частным испытанием* для субъекта, который в явлении творения конституируется, преобразуется, «творится» посредством истины как «истины обо мне» – в радикальном единстве «делания» как «τέχνη», свободного *мастерства* и *искусства* – праксиса как участия в деле теозиса (θεώσις) [10, с. 176-179]. Соответственно, мир *человеческий* – *дом без «бытия сущего»*, – обретает очертания и становится не деянием просвещенного cogito, но исполнением творческого потенциала Творения по образу и подобию: тварь, но тварь мыслящая и творящая, «не деятель, а получатель, так что изначальная пассивность субъективности есть возможность, радикальная возможность, деконструировать трансцендентальную амбицию Я» [9, с. 162]. Однако необходимо признать, что «осознание ситуации» в интерпретации субъекта как «одаряемого» (l'attributaire), и его радикализация в понятии «принимающего» порой «ставит больше вопросов, чем дает ответов» [11, с. 72]. Акцентируя внимание исследований на проблемах теории и практики, а шире – на конституировании диалога философии и теологии, – Марион невольно способствует *экспансии религиозного опыта современного человека в традиционные* регионы cogito, все более размывая его границы, но тем самым наращивая методически инструментальное, умозрительно спекулятивное отношение к сокровенным аспектам этоса веры. В свете поиска «нового» способа говорить о Боге – высвобождая уже *мысль* «догматическую» *философ* невольно вновь *возвращает* ее к идиоме «ancilla

theologiae) (лат. служанки богословия), просто превращая в «феноменологический опыт» *теолога, дабы вновь интегрировать его в «науку», опосредующую* диалог Человека и Бога. На деле новые таинства Слова и Логоса как топос «личного» общения, в «белом» свете эсхатологических ожиданий и настроений современного мира всё более погружает человека в *мировоззренческую пустошь* этоса модернизма, провоцируя не столько к созиданию и ответам на вызовы времени, сколько к разрыву и охоте на «истинные» основания опустошенных временем веры и философии – к радикальной этике перемен культуры и истории. *Что же это за «новый человек» в наши – уже постсекулярный, – век?*

Вместо заключения. Ж.-Л. Марион (1981): «...перед мыслью историка философии стоит тройное событие; ...сформулируем его следующим образом: *преемственность, закрытие и открытие*» [5, с. 136]. В поэмке «пост»-оборотов рефлексии современная философская мысль перманентно находится в серии «переосмысления заново» всех *ключевых* посылок своей метафоры «истории», в *perpetuum mobile* «новизны» которых с удивлением *обнаруживая* нечто уже знакомое, *без чего невозможно* было бы оправдать «радикализм» своих открытий: «ключ открывает, но едва открытие состоялось, он теряет для нас всякое значение» [5, с. 132]. В зеркалах же масок Клио *откровения* любомудрия и *философемы* откровения нередко затемняют друг друга, задавая не только атмосферу диалога, но и диссонируя во времени. Из откровений профессионального опыта Мариона (1999): «я разочарую вас, сказав, что как раз сейчас, на данном этапе моей работы, меня не интересуют дар и его религиозный смысл» [9, с. 146].

Невольно вспоминаются еще одни откровения: «Что Афины – Иерусалиму? что Академия – Церкви? ...Да запомнят это все, кто хотел сделать христианство и стоическим, и платоническим, и диалектическим. В любознательности нам нет нужды после Иисуса Христа, а в поисках истины – после Евангелия» (Квинт Тертуллиан, «О прескрипции (против) еретиков», Глава 7).

Библиографический список

1. Janicaud D. Le Tournant théologique de la phénoménologie française // Archives de sciences sociales des religions. 1994. No. 88 // URL: https://www.persee.fr/doc/assr_0335-5985_1994_num_88_1_1473_t1_0121_0000_2 (дата обращения: 20.03.2026).

2. Ростова Н. Идея смерти Бога с точки зрения антропологии // *Философская антропология*. 2016. Т. 2, № 1. С. 221-245.
3. Марион Ж.-Л. Идол и дистанция. Пять этюдов. Пер. с фр. Г.В. Вдовиной // *Символ / Институт философии, теологии и истории св. Фомы*. 2009. № 56. 290 с.
4. Марион Ж.-Л. От «смерти Бога» к божественным именам: теологический путь метафизики (пер. Сергея Ермакова) // *ESSE: Философские и теологические исследования*. 2016. Т. 1, № 1 (1). С. 40-64.
5. Марион Ж.-Л. О белой теологии Декарта. Введение / Пер. Г.В. Вдовиной // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2007. Т. 8, вып. 2. С. 129-141.
6. Марион Ж.-Л. Насыщенный феномен. Пер. с французского В.В. Земсковой и Г.Б. Юдина // *(Пост)феноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. и ред. С.С. Шолоховой и А.В. Ямпольской. М.: Академический проект, 2014. С. 63-99.*
7. Марион Ж.-Л. Метафизика и феноменология – на смену теологии // *Логос: философско-литературный журнал*. 2011. № 3 (82). С. 124-143.
8. Солонченко А.А. Богословский метод Ж.-Л. Мариона: между Г.У. фон Бальтазаром и Э. Левинасом // *Богословский вестник*. 2022. № 1 (44). С. 76-87.
9. О Даре: Дискуссия между Жаком Деррида и Жан-Люком Марионом // *Логос: философско-литературный журнал*. 2011. № 3 (82). С. 144-171.
10. Фуко М. Слова и вещи. М.: Прогресс, 1977. 487 с.
11. Докучаев Ф.А. Феномен и его субъект. Проблема «принимающего» в философии Жана-Люка Мариона // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2020. № 1. С. 61-73.

УДК 2: 165

**Религиозная рациональность и специфика стиля мышления
в кросс-культурном контексте**

Е.А. Круподеря

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск,
Беларусь
e-mail: helen.24.09@mail.ru*

Religious Rationality and Specifics of Thinking Styles in Cross-Cultural Context

E.A. Krupoderya

*Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
Belarus*

e-mail: helen.24.09@mail.ru

Аннотация. Показана фундаментальная метафизическая дихотомия в теистических и нетеистических культурах и обусловленные ей различия в стиле мышления западных и восточных традиций. Основной контраст в стиле мышления формируется между западным аналитическим, линейным и индивидуалистическим мышлением, глубоко укоренившимся в классическом теизме и рационалистических концепциях, и восточными холистическими, диалектическими и реляционными способами познания под влиянием конфуцианства, буддизма и даосизма. Специфика эпистемологических доминант (таких, как религиозная рациональность, методология познания, трактовка причинности и агентности, моральные парадигмы) формирует интеллектуальные траектории развития религиозности, философии, этики и социальных институтов.

Ключевые слова: стиль мышления, религиозная рациональность, эпистемологические предпочтения, западная и восточная традиции, теистические и нетеистические культуры.

Abstract. The report highlights the fundamental metaphysical dichotomy between theistic and non-theistic cultures and the resulting differences in the thinking styles of Western and Eastern traditions. The main contrast in cognitive styles is drawn between Western analytical, linear, and individualistic thinking, deeply rooted in classical theism and rationalistic concepts, and Eastern holistic, dialectical, and relational modes of cognition influenced by Confucianism, Buddhism, and Taoism. The specific nature of epistemological dominants (such as religious rationality, methodology of cognition, interpretation of causality and agency, moral paradigms) shapes the intellectual trajectories of the development of religiosity, philosophy, ethics, and social institutions.

Keywords: thinking style, religious rationality, epistemological preferences, Western and Eastern traditions, theistic and non-theistic cultures.

Феномен веры имеет особое значение для различения теистических и нетеистических культурно-мировоззренческих систем. Развитие теизма в чистом виде – монотеизм как его квинтэссенция – проявилось в

русле генетически взаимосвязанных, т.н. авраамических религий – иудаизма, христианства и ислама, в которых парадигма религиозной онтологии определяется как диалогическое партнерство Бога и человека – исходя из библейского образа встречи Авраама с Богом. Западный (авраамический) теизм излагает доктрину личного Бога, Творца, трансцендентного миру, и Промыслителя, имманентного миру, а основополагающим событием выступает «акт коммуникативного откровения, устанавливающий связь между Богом, человеком и миром и задающий базовую ориентацию людям, доверяющим Богу, который вступает с ними в отношения именно таким образом» [1, с. 57]. В противоположность этому, в нетеистических религиозно-философских системах вроде конфуцианства, буддизма, даосизма и различных мистических учений абсолют представляется как безличная или сверхличная полнота бытия, которую можно духовно созерцать, экстатически растворяться в ней, но с которой нельзя вести личный диалог.

Это кардинальное расхождение в метафизических основах – персональный трансцендентный Бог против безличных первичных реальностей – формирует стиль мышления и эпистемологические предпочтения в теистических культурах (здесь подразумеваются культуры авраамической традиции, представленной иудаизмом, христианством и исламом) и нетеистических (здесь подразумеваются культуры, разделяющие традиции конфуцианства, буддизма и даосизма, в большую очередь из Восточной Азии и синосферы). Там, где метафизика задает путь (дао, дхарма, Небесный Путь), акцент делается на прямое, часто мистическое или медитативное переживание как высшую форму познания и на методику – практику, ритуал, самовоспитание – как способ познания. Там, где метафизика устанавливает личную коммуникацию с персонализированным трансцендентным, предполагается прочувствованная вера в Божественное откровение, которое выступает исходным источником для познания, а религиозное знание подразумевает соответствие доктрине и богословскому толкованию.

Таким образом, формируются две разные парадигмы рациональности: знание, которое предшествует опыту, и знание, которое рождается из опыта. Западная и восточная традиции мышления используют совершенно разные «языки» для описания истины: для первой истина – это сообщение, которое нужно услышать и выполнить; для второй истина – это опыт, который нужно пережить, прямое переживание реальности. Эта фундаментальная дихотомия формирует в теистических и нетеистических культурах различия в эпистемологических доминантах

(таких, как нормативно-догматическая или контекстуально-практическая религиозная рациональность, аналитический или холистический когнитивный стиль, трактовка причинности и агентности, моральное рассуждение, траектории религиозной и образовательной практики и др.), что определяет логику развития их философии, этики и социальных институтов.

Религиозная рациональность. Авраамические религии (иудаизм, христианство, ислам) строят свою эпистемологию вокруг авторитета божественного откровения (Тора, Библия, Коран), которое является исходным и окончательным, высшим в иерархии источников знания. «Все в религиозной практике и теоретическом осмыслении, в богослужебной жизни и этической ориентации, которую она предлагает, зависит от того, что Бог вступает в общение с людьми и дарует им прозрение в Свою сущность и природу, в Свою цель и волю по отношению ко всему творению и особенно к человеческим существам... Это – предпосылка доверия Богу, исполнения Его воли и, следовательно, вовлечения в деятельность, соответствующую Божественным целям» [1, с. 57]. Такой эпистемический приоритет создает модель рациональности, где человеческий разум играет подчиненную роль, его функция – не открывать новую истину, а доказывать разумность уже существующего откровения, систематизировать его догматы и защищать от ересей, что требует глубокого доверия к авторитету священных текстов и учителей, которые их толкуют. В то же время, это не ограничивает эпистемическую сферу, которая зиждется на откровении, но устанавливает ей онтологический фокус: поскольку автор откровения считается основанием, смыслом и целью всей реальности, значит, всё должно пониматься в его отношении к Богу и все может стать средством и носителем Божественного откровения [1, с. 58].

В нетеистических контекстах (буддизм, даосизм, конфуцианство) эпистемический приоритет смещается с внешнего откровения на внутренний опыт, соответственно, религиозная рациональность часто связана с прагматикой поведения, методами самокультуры и соответствием ритуалу или пути, а рациональность познания является результатом духовной или моральной практики, а не только логической дедукции.

Таким образом, в теистических контекстах религиозная рациональность часто включает обоснование веры на основе авторитетных текстов, доктрин и богословских аргументов, но вера и оправдание разумом сосуществуют в рамке, где личный Бог служит критерием смысла и нормы; в восточной парадигме рациональность направлена на то,

чтобы помочь индивиду достичь прямого эпистемического опыта, структурировать его и применить на практике для самосовершенствования и освобождения.

Когнитивный стиль и методологические траектории. Универсальная структура акта деятельности в западных и восточных культурах осмысливается с разной акцентировкой: «для западных культур характерен акцент на субъектной составляющей деятельности, для восточных – на объектно-предметной» [2, с. 6].

Это определяет соответствующие акценты и в дифференциации религиозного знания, которое выражает двоичный религиозный опыт: «то, что можно описать» и «то, что надо пережить». Теологии авраамических религий и связанная с ними европейская религиозно-философская мысль используют и рассуждения с логической аргументацией, и личный мистический опыт, визионерство, но привилегия вербализованного обоснования в них более выражена. Нарративное измерение является весьма существенным для теистических религий: в священных писаниях Бог идентифицируется и описывается посредством повествований, в которых Он вступает в отношения с людьми разными способами и проявляет Свою могущественную деятельность. Религиозный опыт же, хоть и может варьироваться в формах от исторического до мистического, но именно опыт Божественного обращения к людям и миру в словах и событиях образует рамку для всех прочих человеческих переживаний, определяя их значимость и ценность через соотнесение с этой сакральной коммуникацией [1, с. 58]. Традиции, ориентированные на буддийскую, даосистскую и конфуцианскую практику, выводят на первый план индивидуальный опыт, склонны ценить непосредственное восприятие, контекстуальное мышление и проявляют более сильное уважение к интуитивному пониманию и нематериальным, противоречивым формам знания (озарение, невежество, «действие без усилий»). В теистических религиях же внутреннее озарение получателя откровения конвергирует с его манифестацией в чувственно воспринимаемом мире – внешним проявлением Бога в объективной реальности. Западная традиция чаще поощряет аналитическое выделение и категоризацию, восточноазиатские традиции – холистическое, контекстуальное восприятие; это коррелирует с эпистемологическими приоритетами в тех же культурах [3; 4]. В иудейской, христианской, исламской культурах язык выступает как средство передачи божественного слова, а священные тексты как основа веры, предмет постоянного и глубокого толкования. В конфуцианской, буддийской, даосистской культурах язык

воспринимается как ограниченный и искажающий инструмент, признается ценность «учения без речи», а священные тексты хоть и являются важными ориентирами, но рассматриваются скорее как указания на путь, а не как окончательные догматы [5].

Теологии авраамических религий развивают преимущественно дедуктивные и систематические методы рассуждения; восточные религиозно-философские системы демонстрируют большую гибкость, предлагая широкий спектр методологических подходов, от строгой формальной логики, диалектики и сомнения (буддийские школы) до интуитивизма, иррационализма (даосизм), до прагматической семантики и этической практики (моизм, конфуцианство). В результате, школы богословской рационализации в Европе способствовали развитию интеллектуальной традиции, ориентированной на доказательства и систематизацию и формированию раннемодерной науки. Образовательные институты в Восточной Азии часто фокусировались на моральной культуре, ритуалах, истории учителя и практике самосовершенствования, что влияло на методы обучения и социализации мышления, в том числе обуславливая их контекстуальность, непрерывность знания и действия и выход за рамки познания посредством языка [5].

Восприятие агентности и причинности. Каузальная атрибуция в теистических культурах с провиденциальным акцентом событий интерпретируется через преднамеренную агентность (воля Бога, провидение) и дополнения из обеспечительных причин; тогда как в нетеистических культурах причинность рассматривается как сеть взаимозависимых процессов или как исполнение кармических/ритуальных принципов, эти механизмы работают автоматически, без личного творца-промыслителя. Теистические рамки усиливают восприятие роли официальных агентов (Бог, святые) в контексте сверхъестественных событий, религиозной коммуникации и в целом миропорядка; буддийско-даосские схемы склонны к снижению центральности личностной агентности, подчеркивая действие безличных законов или «пустоту / процесс» и принцип недеяния (следования естественному порядку).

Эпистемические цели и моральные парадигмы. В авраамических религиозных традициях целью познания является понимание воли Бога, следование закону, что приводит к достижению спасения, вечной жизни в раю. В восточноазиатских культурах эпистемическая цель – достижение просветления, освобождения от страдания, гармонии с реальностью. Эпистемологические различия, связанные с определением истины и цели, определяют и различия в этических системах. В конфессиях с

теистической онтологией мораль соотносится с повиновением божественному закону и индивидуальной ответственностью человеческой личности, имеющей уникальный особый онтологический статус. В нетеистических системах моральное рассуждение тесно связано с социальной ролью, отношениями, достижением социальной или космической гармонии, моральным или практическим совершенствованием как внутренним процессом трансформации личности; при этом предпочитают партикуляристские способы рассуждения (отсутствие универсальных общих принципов, которые могли бы дать готовые ответы, лучшие правила теряют свою применимость в необычных обстоятельствах, выбор правильной модели решения во многом зависит от ситуации), что приводит к контекстуальной этике [6].

Согласно современным кросс-культурным исследованиям, в западных контекстах религиозность традиционно связана с такими чертами, как доброжелательность, добросовестность и честность/смирение, но не коррелирует с нейротизмом, открытостью опыту (иногда даже отрицательно) и экстраверсией. Связь между религиозностью и доброжелательностью действительно универсальна, однако в восточноазиатских культурах положительная связь с добросовестностью выражена слабее, зато открытость опыту слегка положительно коррелирует с индивидуальной религиозностью. Восточноазиатская (в отличие от христианской) религиозность и религиозные концепции ассоциируются с более высокой терпимостью к противоречиям [7].

Таким образом, в теистических традициях идея персонализации трансцендентного дает эпистемологии телеологический и антропоцентричный уклон: знание часто интерпретируется через намерение, откровение и моральную ответственность личности перед Богом. В нетеистических восточных концепциях понимание первичных реальностей (Дао, дхарма, пустота, Небо) как порядка, процессов, закономерностей или отрицательно описываемых состояний способствует менее антропоморфному, более децентрализованному представлению познания и этико-космической трансцендентности, меньшей опоре на личностную агентность при обращении к трансцендентному. Основной контраст в стиле мышления формируется между западным аналитическим, линейным и индивидуалистическим мышлением, глубоко укоренившимся в классическом теизме и рационалистических концепциях, и восточными холистическими, диалектическими и реляционными способами познания под влиянием конфуцианства, буддизма и даосизма. Теистическая рациональность решает экзистенциальные проблемы через установле-

ние личной связи с трансцендентным авторитетом, тогда как нетеистическая – через внутреннее самоуглубление, освобождение от иллюзий, моральное или практическое совершенствование. Обе эти системы, однако, придерживаются высоких этических стандартов, провозглашая любовь, сострадание, прощение и справедливость как универсальные ценности и обладают тонкими когнитивными особенностями, которые могут дополнять друг друга, а не противоречить. Поэтому специфику их стилей мышления стоит рассматривать не в ракурсе столкновения противоположностей, а в контексте потенциально плодотворного взаимодействия, в котором различия в ценностной ориентации, эпистемологических целях, этической направленности, религиозных и образовательных практиках становятся предметом диалога и возможностью для межкультурного совместного конструирования смысла.

Работа выполнена в рамках проекта БРФФИ №Г24-041 «Эпистемологические доминанты в контексте стиля мышления социума».

Библиографический список

1. The Concept of Revelation in Judaism, Christianity and Islam / Key Concepts in Interreligious Discourses. Vol.1 / Ed. G. Tamer. Berlin, Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2020. 222 p.
2. Можейко М. А. Дифференциация традиционных культур Востока и Запада: детерминанты и параллели // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4, № 1. С. 5-10.
3. Buchtel E. E., Norenzayan A. Thinking across cultures: Implications for dual processes // In two minds: Dual processes and beyond. J.S.B.T. Evans, K. Frankish (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 217-238.
4. Nisbett R. Culture and Systems of Thought: Holistic Versus Analytic Cognition / R. Nisbett, K. Peng, I. Choi, A. Norenzayan // Psychological Review. 2001. Vol. 108, No. 2. P. 291-310.
5. Zhu Y. Rethinking Ignorance Through Confucianism and Daoism: Propriety, Transcendence, and Their Educational Implications // ECNU Review of Education. 2023 // URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20965311231180219> (дата обращения: 20.01.2026).
6. Comparative Philosophy: Chinese and Western // Stanford Encyclopedia of Philosophy // URL:

<https://plato.stanford.edu/entries/comparphil-chiwes/> (дата обращения: 20.01.2026).

7. Clobert M. East versus West: psychology of religion in East Asian cultures // Current Opinion in Psychology. 2021. No. 40. P. 61-66.

УДК 02:41.01. 343.1

**Социальная философия в контексте трансформации
отечественного уголовного судопроизводства: синтез традиций
и инновационных подходов**

С.М. Курбатова
доктор юридических наук, доцент

*Красноярский государственный аграрный университет, Красноярский
государственный медицинский университет, г. Красноярск, Россия
e-mail: ksm-2024@mail.ru*

**Social Philosophy in the Context of the Transformation of Domestic
Criminal Justice: A Synthesis of Traditions and Innovative Approaches**

S.M. Kurbatova
Doctor of Law Sciences, Associate Professor

*Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk State Medical University,
Krasnoyarsk, Russia
e-mail: ksm-2024@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрен ряд вопросов, касающихся роли и значения социальной философии для развития науки уголовного процесса уголовно-процессуального законодательства. Обращено внимание, что трансформация отечественного уголовного судопроизводства в современных условиях требует глубокого осмысления не только правовых, но и социально-философских аспектов. Отмечено, что социальная философия акцентирует внимание на необходимости гуманизации уголовного судопроизводства, как уголовно-процессуального законодательства, так и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: социальная философия, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, трансформация, инновации.

Abstract. The report discusses a number of issues related to the role and significance of social philosophy for the development of criminal procedure science and criminal procedure legislation. It emphasizes that the transformation of domestic criminal proceedings in modern conditions requires a deep understanding of both legal and socio-philosophical aspects. The report highlights the importance of social philosophy in emphasizing the need for humanization of criminal proceedings, both in terms of criminal procedure legislation and law enforcement.

Keywords: social philosophy, criminal proceedings, criminal process, transformation, innovation.

Уголовное судопроизводство – одна из сфер правового регулирования, где особенно важны социально-философские начала, учитывая ее специфику, а также повышенные риски нарушения прав и свобод человека. Это особенно актуально в настоящее время, в условиях все более распространяющегося процесса цифровизации и тех угроз конституционным ценностям личности, которые, в том числе, в нем присутствуют [1; 2]. При этом, идеи гуманизации, заложенные в правовые системы современных государств, также продолжают развиваться. На них оказывают влияния те изменения, которые происходят в обществе и государстве. Эти процессы взаимосвязаны. И в данном случае концепция социальной философии может способствовать выявлению и установлению данных взаимосвязей. Однако, и прежде всего именно это важно учитывать, в формировании институтов отечественного уголовно-процессуального права и законодательства изначально заложены дух и идеи социальной философии.

Так, в основе самого преступления лежит его социальная сущность [3]. Под общей целью уголовного судопроизводства на протяжении десятилетий большинство ученых понимают установление истины по уголовному делу. Тогда как категория истины является изначально философской [4; 5]. Принципы уголовного судопроизводства, закрепленные во второй главе «Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», представляют собой его социально значимые начала, что отражено в их формулировках, например: уважение чести и достоинства личности, свобода оценки доказательств, презумпция невиновности и другие [6]. Это же касается и других процессуальных институтов – участников уголовного судопроизводства [7], доказывания [8], судебных решений [9], условно-досрочного освобождения от отбывания уголовного наказания [10; 11] и других.

Социальная философия акцентирует внимание на необходимости гуманизации уголовного судопроизводства, как уголовно-процессуального законодательства, так и правоприменительной деятельности. Современная модель правосудия должна быть ориентирована на создание условий для успешной ресоциализации правонарушителей, минимизацию рецидива преступлений и выстраивание конструктивного диалога между всеми участниками процесса. Сугубо формализованный подход законодателя и правоприменителя без учета социально-философских ценностей и воззрений будет ограниченным по своей сущности, цели и результатам. Он не принесет того эффекта в уголовное судопроизводство, который ожидается обществом от уголовно-процессуальной деятельности, а именно – установление истины и торжество справедливости. Поэтому трансформация уголовного судопроизводства должна быть основана не только на правовых, но и на социально-философских концепциях.

Библиографический список

1. Ницита С.А. Права и свободы человека в условиях глобальной цифровизации: основные угрозы и пути их преодоления // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 1, № 9 (21). С. 109-116.
2. Габараева А.А., Бурнацева З.М. Угроза правам человека в условиях цифровизации // Бюллетень Владикавказского института управления. 2025. № 71. С. 231-238.
3. Семченков И.П. Философия мотивации и уголовное право: социальная сущность преступления. Калининград: Калининградский ЮИ МВД России, 2010. 82 с.
4. Колесник В.В. Размышления об истине в философии и уголовном процессе // Global and Regional Research. 2025. Т. 7, № 2. С. 77-81.
5. Корнакова С.В. Об установлении истины в уголовном судопроизводстве России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 142-152.
6. Газетдинов Н.И. Понятие, сущность и социальная ценность принципов уголовного судопроизводства // Российский судья. 2007. № 10. С. 27-30.
7. Раджабов Р.О. Социально-правовая обусловленность института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Мир юридической науки. 2017. № 5. С. 34-40.

8. Иванов П.И. К вопросу о процессе доказывания в уголовном судопроизводстве (сущностно-содержательная характеристика) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 469-474.

9. Качалова О.В. Судебные решения в уголовном судопроизводстве и социальные запросы общества // Судья. 2020. № 8 (116). С. 57-60.

10. Капинус О.С. Христианские основы института освобождения от уголовной ответственности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 12. С. 78-84.

11. Жуковский В.И., Довголюк Н.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: поиск оптимальной модели в свете модернизации и гуманизации уголовного законодательства // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2018. № 4 (48). С. 17-22.

УДК 140.8 + 177.4 + 159.9

**Проблема устойчивости личности в ситуации нарастания
неопределенности в высокотехнологичном обществе**

С.А. Михайлина
кандидат философских наук, доцент

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: mikhaylina-s@mail.ru*

**Problem of Personal Stability in a Situation of Increasing Uncertainty
in the High-tech Society**

S.A. Mikhailina
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: mikhaylina_s@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается влияние новых технологий на личностную устойчивость в связи с риском утраты идентичности, нарастанием тревожности. Целостность личности обусловлена в том числе устойчивостью и рациональностью целеполагания, ориентацией на будущее, которая сопрягается с заботой об

общем благе, ответственностью и сосредоточенностью на настоящем с позиций самоконтроля, самоограничения. Освоение информационных потоков требует гибкой ментальности, интуитивности, в то время как самоидентификация личности связана с ценностной устойчивостью, с привязанностью к социуму с его нормами, своему жизненному делу, назначению как долгому проекту. Экзистенциальные кризисы в условиях высокотехнологичного общества порождают потребность в междисциплинарных исследованиях антропологических смыслов.

Ключевые слова: личность, самоидентификация, неопределенность, устойчивость, цифровая культура, потребительство, гедонизм.

Abstract. The influence of new technologies on personal resilience is considered in connection with the risk of loss of identity and increasing anxiety. Personal integrity is determined among other things by the stability and rationality of goal-setting, an orientation toward the future, which is combined with concern for the common good, responsibility, and a focus on the present from a position of self-control and self-restraint. Mastering information flows requires a flexible mentality and intuitiveness, while self-identification is associated with value stability, an attachment to society with its norms, personal lifework, and man's purpose as a long-term project. Existential crises in the context of a high-tech society generate the need for interdisciplinary research of anthropological meanings.

Keywords: personality, self-identification, uncertainty, sustainability, digital culture, consumerism, hedonism.

Технологизация общества, изменение социо-техно-антропосферы приводит к разного рода кризисным явлениям, рискам, в том числе, личностного характера, которые вызывают необходимость осмысления социально-антропологических смыслов: подлинности интересов, ценностей, особенностей психологических проблем человека в цифровом мире. Осмысление влияния новых технологий на человека сводятся к амбивалентным оценкам. С одной стороны, благодаря технологиям появляются новые возможности развития личности, с другой стороны, отмечается возникновение новых ограничений, возрастание социальных проблем. Социогуманитарное знание характеризует личность как устойчивую целостность общественно значимых черт, как субъект деятельности, коммуникации и познания. Устойчивость личности может быть рассмотрена по аналогии с идеями, сформулированными в теоретическом конструкте «устойчивого общества». «Устойчивое развитие» определяется, в первую очередь, как модель развития, при котором до-

стигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения без лишения такой возможности будущих поколений. Забота о будущем (планеты, человечества, цивилизации) объявляется основой нормообразования для различных областей экономики, политики, повседневности. Устойчивость и целостность личности связана с такими нравственно-поведенческими принципами, как ориентированность на будущее, которая сопрягается с заботой об общем благе, с ответственностью, сосредоточенностью на настоящем с позиций самоконтроля и самоограничения. В социологии и психологии личностная устойчивость (или нестабильность, хрупкость) связываются с внутренним содержанием экзистенции и самоидентичностью человека.

В цифровом пространстве повседневности идентичность личности подвергается испытаниям, т.к. специалистами по технологиям влияния здесь культивируются иррациональные интенции с целью активации потребительских запросов. «Мы согласились на условия договора. Бесплатные технологии в обмен на персональные данные и возможность с их помощью влиять на наше мнение и зарабатывать на нас» [1, с. 70]. В условиях господства консьюмеризма культура социальных сетей побуждает личность к избыточному потреблению, навязывая гедонистические установки. Как отмечает Славой Жижек, в наше время разрешение «ты можешь наслаждаться» превращается в формулу-приказ: «ты должен наслаждаться» [2]. Потребительство рассматривается как форма обязательной социальной нормы. Арсенал доступных информационных ресурсов, включая нейросети, снижает потребность в самостоятельном мышлении, порождает психологию пассивного, некритичного потребления информации и интерпретаций, возможность делегировать искусственному интеллекту ответственность за принятие решений. Массовое сознание становится как бы индифферентным правде, оперирует игровыми симулякрами, модными стереотипами, текучими партикулярными ценностями. Наблюдается девальвация научного знания как процесса и продукта теоретического мышления при одновременном развитии операционных навыков субъективного управления информацией у пользователя-потребителя. Социальное пространство и время фрагментируются так, что в фокусе внимания человека оказываются сиюминутные ожидания и планы. Социологический опрос представителей поколения Z [3] показал и короткий горизонт планирования, и ориентацию на конкретные, легко достижимые цели, которые связаны с комфортом, благополучием, спокойствием, семьей. Вероятно, краткосрочность целей вызвана также ситуацией нарастания неопределенностей в связи с вы-

сокой динамикой технологических инноваций. В «обществе риска» возникает ситуация принципиальной непредсказуемости последствий передовых биомедицинских, цифровых технологий.

Сложность меняющегося мира, невозможность оценить изменения приводят к нарушению устойчивости и целостности личности, провоцируя разлом как в восприятии жизни, так и самоидентичности. Поэтому энергия, возникающая при изменениях повседневности, часто направляется человеком не на саморегуляцию, а на агрессию по отношению к обществу. Обладая психологической устойчивостью, высоким потенциалом к самоизменениям даже в кардинальных ситуациях социального слома, личность сохраняет свою устойчивость и идентичность. Т.Д. Марцинковская на основе способа восприятия и обработки поступающей информации выделяет три вида информационной идентичности: нормативная (выбор привычного), диффузная (выбор нового и актуального) и собственно информационная (выбор в соответствии с собственными интересами, ценностями). Как же соотносятся разные стили информационной идентичности с хрупкостью личности, тревожностью и удовлетворенностью жизнью? Эмпирические данные демонстрируют противоречивость этой зависимости в изменчивом цифровом мире. С одной стороны, диффузный и даже частично нормативный стили позитивно связаны с эмоциональной стабильностью жизни в привычном мире. Информационный стиль, напротив, часто приводит к повышению тревожности и хрупкости личности [4 с. 127].

Следует отметить иррациональное тяготение человека в мире социальной турбулентности к разного рода ориентирам, которые воспринимаются крайне некритично (популярность «инфоцыган» разного рода, коучей, полупрофессиональных психоаналитиков, симпатичных блогеров и активных домохозяек). Эти образы и практики коммуникации дают иллюзию личностной наполненности, не формируя подлинной целостность. В то время как философия на протяжении многих веков создавала блестящие образцы идей и ориентиров, которые позволяют снимать личностную тревожность, обретая устойчивость. Начиная с античности: скептицизм (Пиррон, Секст Эмпирик), стоицизм (Сенека, Марк Аврелий и др.) и даже классический гедонизм Аристиппа; философы обращались к личности с позиций гуманной мудрости, здравого смысла, моральной твердости, необходимого самоконтроля, не обременяя сложными теоретическими конструкциями. Интроспекция, позволяющая управлять желаниями, «становится неотъемлемым инструментом гедониста, ...выстраивая гармоничное отношение как с

собственными желаниями, так и с социальным контекстом» [5, с. 135]. Мысли мудрецов этих школ способны преодолевать дистанцию между человеком массовой культуры, целостность которого подвергается опасности под воздействием разнообразных, фрагментарных образов этой культуры, и глубоким духовным наследием философского содержания.

Этически жизнеспособной философии, например, Аристиппа, противостоит позиция радикального гедонизма, разделяя которую, личность идет по пути саморазрушения на телесном, когнитивном и социальном уровнях. Практика обладает деструктивным для личности потенциалом в случае отказа от самоконтроля, от разумного (умеренного) потребления, а также в формате жизни исключительно настоящим (вне долгосрочного планирования). Радикальный гедонизм приводит к замкнутости субъекта на самом себе, к утрате социальных связей, часто к эстетизации смерти как предельного наслаждения. Эскапизм сопровождается, как правило, правовым нигилизмом. В психологическом аспекте заточенность на внутреннее аффективное состояние превращается в единственный регулятив поведения человека, разрушается диалог, наполненный смыслами, в формате коммуникации «лицом к лицу», страдает эмпатия, сопереживание. Происходит замещение рационального познания аффективной непосредственностью, рефлексии – ощущениями, что делает данную жизненную установку (радикальный гедонизм) неуязвимой для внешней критики. А это, в свою очередь, логически оправдывает путь саморазрушения [6].

Негативная оценка такого рода выбора жизненных установок может встретить возражения. Ведь современная массовая культура плюралистична, в том числе в значении терпимости к разнообразным формам самовыражения, к выбору поведенческой программы и жизненных ценностей. «В современном культурно-политическом контексте термин плюрализм употребляется в значении представленности различных социальных групп и слоев общества» (Х. Арндт, Ю. Хабермас), а значит равноправия их интересов, верований и мнений» [7, с. 73]. Целостность и устойчивость мировоззрения обеспечивается неким синтезом или согласованностью многообразия. Подобный сплав различий и множественности (или снятие противоречия деятельностного и «феноменологического» подходов в том числе) достигается обращением к творческому началу активного человеческого бытия, к твердым гуманистическим ориентирам. Освоение «турбулентных информационных» потоков требует гибкой ментальности, интуитивности, в то время как

самоидентификация личности связана с ценностной устойчивостью, с привязанностями к социальному сообществу (группе) с его нормами и субкультурой, своему жизненному «Делу», назначению как долгому проекту. Экзистенциальные кризисы в условиях высокотехнологичного общества порождают потребность в междисциплинарных исследованиях антропологических смыслов, возрастает значимость программ социальной экологии, включающих био-медицинско-психологические и правовые дисциплины для оценки рисков для человека и их предотвращения.

Библиографический список

1. Фрай Х. Hello World. Как быть человеком в эпоху машин. М.: Издательство АСТ, CORPUS. 2021. 317 с.
2. Жижек С. Суперэго и акт // Лекции. Август 1999 // URL: <https://zizek.livejournal.com/1101.html> (дата обращения: 30.03.2026).
3. Исследования Сбербанка: 30 фактов о современной молодежи, 2017 // URL: <https://adindex.ru/news/researches/2017/03/10/158487.phtml> (дата обращения: 30.03.2026).
4. Марцинковская Т.Д. Целостность и хрупкость личности в современном цифровом мире // Вопросы философии. 2025. № 11. С. 124-131.
5. Мартынова Н. Интроспективность гедонизма // Социология. 2025. № 2. С. 132-136.
6. Псху Р.В. КБЕЗАРА М. Секст как лекарство от тревоги: Чему мы можем научиться у философов-скептиков // Вопросы философии. 2025. № 6. С. 215-217.
7. Михайлов И.А. Изобретение плюрализма // Вопросы философии. 2025. № 11. С. 67-79.

УДК 165; 316.74; 001.1; 167

Социально-философский анализ роли сильной программы социологии научного знания для развития идей системного исследования научной коммуникации¹

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова

*Н.Н. Погожина
младший научный сотрудник*

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
e-mail: nat60089784@yandex.ru*

**Socio-Philosophical Analysis of the Role of the Strong Program in the
Sociology of Scientific Knowledge in the Development of Systemic
Research of Scientific Communication**

*N.N. Pogozhina
Junior Research Fellow*

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: nat60089784@yandex.ru*

Аннотация. В докладе анализируется наследие Эдинбургской школы (сильная теория в социологии науки (Д. Блур, Б. Барнс) и ее основные принципы) в контексте системного подхода к анализу научной коммуникации и, в частности, теории аутопойезиса Н. Лумана. Утверждается, что предложенный в сильной программе принцип симметрии находит свое последовательное развитие в отказе от каузального объяснения научного знания в системной теории. Положение о развитии позиций сильной программы (симметрии и каузальности) в системно-коммуникативном подходе обосновывается через обращение к идее Н. Лумана о замене поиска социальных детерминант функциональным анализом: наука как самовоспроизводящаяся система коммуникации требует симметричного описания любых ее операций, что позволяет радикализировать исходный замысел симметрии без обращения к вненаучным основаниям.

Ключевые слова: наука, научная коммуникация, принцип симметрии, строгая социология, сильная программа, системный подход, социальная наука.

Abstract. The report analyzes the legacy of the Edinburgh School (the strong program in the sociology of scientific knowledge (D. Bloor, B. Barnes) and its main principles) in the context of the systemic approach to the analysis of scientific communication and, in particular, N. Luhmann's theory of autopoiesis. It is argued that the symmetry principle proposed within the strong program finds its consistent development in the rejection of causal explanations of scientific knowledge in systems theory. The thesis about the development of the strong program's tenets (symmetry and causality) within the systemic-communicative approach is substantiated by reference to Luhmann's idea of replacing the search for social determinants with function-

al analysis: science as a self-reproducing system of communication requires a symmetrical description of all its operations, which allows the original idea of symmetry to be radicalized without recourse to extra-scientific foundations.

Keywords: science, science communication, the symmetry principle, the strong sociology, the strong program, systems approach, social theory of science.

В истории философии науки и социальной теории науки второй половины XX века особое место занимает дискуссия о границах социального объяснения научного познания. Классическая мертоновская традиция, заложившая основы институционального анализа науки, исходила из жесткого разделения факторов, влияющих на развитие знания. Согласно этой модели, существуют внутринаучные (методологические, логические, предметные) детерминанты, которые подчиняются автономной логике исследования, и внешние (экономические, политические, идеологические) обстоятельства, способные задавать тематику и направления работы ученых, но не затрагивающие саму структуру рационального знания. Такое различие воспроизводило классическую эпистемологическую иерархию, в которой истина оказывалась самодостаточной, а заблуждение требовало «внешнего» объяснения. Подобное различие лежало в основе противопоставления «внутренней» и «внешней» истории науки, получившего широкое распространение в послевоенной эпистемологии (И. Лакатос, Л. Лаудан). При этом истинные утверждения и успешные теории рассматривались как продукт исключительно имманентного развития науки, тогда как ошибки, заблуждения и ложные гипотезы нуждались в дополнительном, чаще всего социальном, объяснении. Такая асимметрия стала главным объектом критики со стороны представителей Эдинбургской школы.

Д. Блур, Б. Барнс и С. Шейпин предложили альтернативную исследовательскую программу, получившую название «сильной» [1]. Ее суть заключалась в требовании распространить каузальный анализ на любые формы научного знания, независимо от их эпистемического статуса. Четыре методологических принципа – *каузальность, беспристрастность, симметрия и рефлексивность* – задавали новый формат социологического объяснения. В отличие от «слабой» программы Р. Мертона [2], где социальные причины привлекались лишь для объяснения отклонений от нормы, эдинбургские авторы настаивали на единообразии объяснительных схем: одни и те же типы причин должны выявляться как для истинных, так и для ложных убеждений. Принцип симметрии становился, таким образом, инструментом преодоления эпистемологи-

ческой привилегированности науки. Одновременно принцип рефлексивности требовал распространить данный подход и на само социологическое знание, сделав его объектом аналогичного причинного анализа. Тем самым сильная программа не просто предлагала новую методологию, но и подрывала саму идею внесоциального гаранта истины, перенося вопрос обоснованности из плоскости трансцендентальных норм в плоскость эмпирического исследования коллективных практик.

Важным шагом в обосновании сильной программы стало переосмысление онтологических оснований теории познания. Базовой точкой для рассуждений Д. Блура выступает трехмировая концепция К. Поппера, включающая физический мир, область ментальных состояний и сферу объективных сущностей [3]. Однако Блур подвергает эту структуру существенному переосмыслению, причем логика его хода сопоставима с известной операцией, проделанной Л. Фейербахом в отношении теологии. Сохраняя общую архитектуру соотношения уровней реальности, Блур производит замену: место мира рациональных сущностей теперь занимает мир социальный. В результате такого сдвига объективное знание утрачивает привязку к метафизическим основаниям. Оно предстает не как отсылка к потустороннему гаранту истины, а как характеристика, поддающаяся эмпирической фиксации в рамках деятельности коллективных образований: идет ли речь о научных сообществах, дисциплинарных матрицах или конкретных институтах. Роль медиатора, связующего звена между природой и обществом, здесь отводится индивидуальному сознанию. Примечательно, что само общество, будучи результатом человеческих действий, получает в этой схеме возможность обратного воздействия на ментальные процессы. Подобная онтологическая конфигурация дает возможность уйти от натуралистической иллюзии «чистого опыта», избегая при этом скатывания в релятивизм: социальная составляющая здесь не аннулирует реальность природы, а перестает функционировать как нечто внешнее и ограничивающее, превращаясь в конститутивное условие познавательного акта. В итоге происходит демистификация самого концепта знания, которое теперь рассматривается как неотъемлемый элемент социальных практик.

Следующий этап эволюции идей сильной программы связан с апелляцией к наследию позднего Л. Витгенштейна [4; 5]. Выдвинутый им тезис о коллективной природе следования правилу, равно как и указание на неразрывность значения и конкретного употребления в языковых играх, позволяют трактовать научное знание в качестве особой формы институциональной деятельности. В рамках такого подхода со-

циальный институт функционирует как система с самореференцией: правила и стоящие за ними практики не ищут обоснования вовне, поскольку взаимно полагают друг друга. Именно в этой точке прорисовывается теоретическая связка с системно-коммуникативной аналитикой. Если у Витгенштейна институциональность укоренена в принципиальной неразличимости правила и его применения, то Н. Луман переводит данную интуицию на язык операциональной замкнутости, описывая систему как нечто, воспроизводящее саму себя через непрерывное приложение собственных различений. Это, в свою очередь, лишало науку какого-либо исключительного эпистемологического статуса, ставя ее в один ряд с иными культурными механизмами производства и обращения знания. Сколь бы радикальными ни казались эти методологические ходы, стоит признать: глубинная приверженность каузальной парадигме в рамках сильной программы никуда не исчезала. Поиск социальных детерминант оставался ее центральной задачей. Однако в рамках системно-коммуникативной теории Н. Лумана, предложившей иной способ описания социальной реальности, исходные интуиции сильной программы получают дальнейшее преломление. Н. Луман отказывается от причинного объяснения в пользу функционального [6]. Наука рассматривается им не как поле борьбы внешних влияний, а как аутопойетическая подсистема общества, воспроизводящая коммуникацию на основе бинарного кода «истина/ложь». Операции системы не имеют внешних причин в классическом смысле; они замкнуты на себя, и любое наблюдение за наукой должно учитывать эту операциональную замкнутость. Более того, Н. Луман предлагает различать социальную систему и ее окружение, отказываясь от прямой причинной связи между ними. Вместо этого вводится понятие структурной сопряженности, позволяющее описывать, как система избирательно реагирует на раздражения извне, сохраняя автономию своих операций. Этот концептуальный ход позволяет сохранить симметрию (истинное и ложное одинаково конституируются внутрисистемными операциями), но без редукции к внешним социальным причинам.

В свете такого подхода принцип симметрии трансформируется в методологическое требование к самому наблюдателю. Социальный теоретик обязан симметрично описывать все операции системы, независимо от того, ведут ли они к признанному открытию или к ошибочному результату. Внешняя реальность (природа, социальное окружение) перестает рассматриваться как причина, а становится лишь коррелятом, который система сама конструирует в своих различениях. Здесь систем-

ная теория одновременно наследует и преодолевает рефлексивный принцип сильной программы: если Д. Блур требовал применять каузальный анализ к самой социологии, то Н. Луман делает следующий шаг, утверждая, что любое описание социальной реальности уже является внутрисистемной операцией, а потому не может претендовать на внешнюю позицию абсолютного наблюдателя. Так, Н. Луман радикализирует идею симметрии, не прибегая к каузальному анализу, а перенося акцент на самовоспроизводство смысловых структур. Научная коммуникация предстает при этом не как производное от внешних факторов, а как автономный процесс, который может быть адекватно описан только через внутренние операции различения истинного и ложного. Для системного исследования научной коммуникации это означает смену исследовательской оптики: вместо поиска причин, лежащих за пределами коммуникации, аналитик сосредоточивается на том, как сама научная система конструирует свою связь с миром, с политикой, с экономикой, оставаясь при этом операционально закрытой.

Подводя итог, следует зафиксировать: именно сильная программа в версии Эдинбургской школы выступила тем интеллектуальным ресурсом, который позволил поставить под вопрос устоявшуюся эпистемологическую асимметрию и подготовил почву для ее ревизии. Системно-коммуникативная теория Н. Лумана, со своей стороны, дает возможность не просто углубить исходные интуиции симметрии, но и придать им иное звучание. Здесь мы видим принципиальный отказ от поиска внешних детерминант в пользу анализа функциональной логики, управляющей самовоспроизводством научной коммуникации. В этом смысле системный подход не выступает простым дополнением к наследию Д. Блура и его коллег; он именно трансформирует это наследие. Требования симметричности и рефлексивности не отбрасываются, но смещается сама оптика их применения: с языка каузального объяснения мы переходим на язык описания того, как устроены и поддерживаются самоорганизующиеся смысловые порядки. Сложившийся теоретический синтез, на наш взгляд, высвечивает дополнительные эвристические возможности для анализа науки как специфического модуса социального взаимодействия. Истина и ошибка мыслятся теперь как элементы, одинаково встроенные в имманентную логику системной эволюции, а не как явления разного онтологического ранга. Дальнейшее продвижение в указанном направлении видится нам связанным с апробацией предложенной методологической рамки на конкретном эмпирическом материале, например, в ходе разбора реальных научных дискуссий. Та-

кой анализ позволил бы проследить, каким именно образом автономная логика кода «истина/ложь» сопрягается с иными функциональными кодами социума, не растворяясь в них и сохраняя операциональную самостоятельность.

Библиографический список

1. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5-6 (35). С. 162-185.
2. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. Пер. с англ. Е.Н. Егоровой и др.; науч. ред. З.В. Коганова. М.: АСТ, Хранитель, 2006. 873 с.
3. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
4. Bloor D. Wittgenstein, Rules and Institutions. New York: Routledge, 1997. 190 p.
5. Bloor D. Wittgenstein: A Social Theory of Knowledge. N.Y.: Columbia University Press, 1983. 213 p.
- Luhmann N. Die Wissenschaft der Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. 732 p.

УДК 355.01

Феномен войны: философско-богословский анализ

И.Ю. Привалова
кандидат философских наук, доцент

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: privalova912@rambler.ru

Т.Д. Зазулин, А.В. Привалов

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: Ssstdzsss@gmail.com, aflopo321@gmail.com

Phenomenon of War: Philosophical and Theological Analysis

I.Yu. Privalova

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

e-mail: privalova912@rambler.ru

T.D. Zazulin, A.V. Privalov

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

e-mail: Ssstdzsss@gmail.com, aflopo321@gmail.com

Аннотация. В докладе исследуется метафизическая причина войн. Показывается, что с философско-богословской точки зрения этой причиной может являться грехопадение человека, акт сепарации человека от Бога. В качестве антитезы войны в философско-богословском дискурсе предлагается использовать не понятие «Мир», а понятие «Любовь». Такое понимание позволит восстановить утраченную связь с Богом и, как следствие, гармонизировать миропорядок. В докладе делается вывод о том, что война – не случайность, а симптом глубокого духовного кризиса человечества, преодоление которого требует не только политических решений, но и нравственного преображения человека и общества.

Ключевые слова: война, Ветхий Завет, Новый Завет, богословие, теодицея, этика, противоречие, «порядок, основанный на правилах».

Abstract. The report examines the metaphysical cause of wars. It is shown that from a philosophical and theological perspective this cause may be the fall of man as the act of separation of humanity from God. As an antithesis to war in philosophical and theological discourse, it is proposed to use not the concept of «Peace», but the concept of «Love» This understanding would make it possible to restore the lost connection with God and, as a consequence, to harmonize the world order. The report concludes that war is not an accident, but a symptom of a deep spiritual crisis of humanity. Its overcoming requires not only political solutions, but also the moral transformation of both the individual and the society.

Keywords: war, Old Testament, New Testament, theology, theodicy, ethics, contradiction, “rules-based order”.

В настоящее время мы являемся свидетелями эскалации множества вооруженных конфликтов. Трагические события российско-украинского противостояния, война на Ближнем Востоке и многие другие международные конфликты вновь актуализируют необходимость осмысления феномена войны. В рамках данной статьи предпримем попытку философско-богословского анализа данного явления.

Христианское богословие, текстуально запечатленное в книгах Ветхого и Нового Завета, предлагает нам весьма неоднозначную трактовку этого феномена. Ветхозаветные тексты, например, описывают множество конкретных примеров божественного поощрения войн между народами, в то время как в Новом Завете нагорная проповедь Христа провозглашает миротворчество в качестве одной из заповедей блаженств. Новозаветные идеи прощения обидчиков и любви к врагам сложно непротиворечиво согласовать с этическими регулятивами Ветхого Завета, в которых даются «нормы» мести [1].

Согласно Ветхому Завету, первый человек отпал от Бога, совершив грехопадение в Раю. Вкушение запретного плода от Древа жизни, нарушение человеком Божественного установления, по сути, означало вступление человека в открытое противостояние с Богом – войну. Все последующие войны в истории человечества можно считать логическим последствием той первой войны с Творцом.

Здесь мы тоже имеем дело с неким парадоксальным феноменом – Бог наградил человека свободной волей, но одновременно с этим ввел запрет на вкушение определенных плодов. Очевидно, что установление любых запретов – это всегда факт ограничения свободы. Как возможно разрешение этого парадокса? Здесь следует принять во внимание то обстоятельство, что человек был сотворен Богом из любви, а любовь немыслима без свободы. Поэтому Бог наградил человека свободной волей. Однако по замыслу Творца человеку должно было вызреть прежде, чем его свобода обретет полноту. Подобно тому, как любящий родитель ограничивает доступ своего возлюбленного чада к опасным предметам пока тот еще совсем мал, чтобы уберечь его от опасности, так и Господь вводит временное ограничение на вкушение опасных плодов в Раю, дабы не повредить своему возлюбленному творению, пока тот еще совсем юн для принятия «твердой пищи». Под твердой пищей здесь понимается полнота самостоятельно приобретенного знания. Человек призван Богом к определенному послушанию (ограничениям) до времени духовного созревания, означающего готовность к принятию полноты знания. До этого момента Творец, оберегая свое

возлюбленное творение от опасностей, предлагает человеку свободно согласиться с несением этого послушания. Однако человек свободно избирает путь непослушания Господу, тем самым обрекая себя на будущие скорби и смерть. И эти скорби отнюдь не являются проявлением мести Бога в отношении провинившегося человека, а представляют собой закономерные последствия свободного человеческого выбора в пользу непослушания вселюбящему Богу, нарушения его постановлений, исключительно инспирированных любовью. Нарушение человеком заповедей любви означает вступление на путь войны с Творцом, сущностно и являющимся любовью. Свободно сделанный человеком выбор не в пользу Бога означает отмежевание, сепарацию человека от любви. Как известно, одно из имен верховного падшего ангела – разделяющий. Добровольно вкусив духа разделения, человек обрекает себя на страдание. И это страдание Господь не в силах остановить до тех пор, пока человек не направит свою свободную волю ко Творцу, не возопит о помощи в страданиях. Эта дилемма хорошо описывается христианской теодицеей, согласно которой всемогущий и вселюбящий Бог не может нарушить свободную волю человека, дарованную ему при сотворении по причине любви.

Исследуя феномен войны с точки зрения христианского богословия, мы видим, что причины всех будущих войн человечества кроются в свершении первой войны – войны человека с Богом. «Война человека с человеком – плод войны человека с Богом» [2; 3]. Человек, вступив на путь греха, добровольно отрекся от Бога и тем самым уклонился от любви и мира. Поражения в войне человека с человеком всегда есть результат греха отступления человека (народа) от Бога. Возвращение же на истинный путь, воссоединение с Богом через благочестие, явленное в соблюдении божественных заповедей, приводят человека (народ) к победам и миру. И именно в этом смысле следует понимать слова Святых Отцов о том, что в конечном итоге исход каждой войны решает Бог. Человек становится победителем и достигает мира ровно в той степени, в которой он совершает возвращение к Богу, воссоединение с ним. В философской и светской этике антонимом войны считается мир, но с точки зрения христианского богословия антонимом войны является любовь [4]. Христианский Бог, понимаемый как любовь, являясь творцом и пантократором мира, создает мир по законам любви. Порядок, основанный на любви, представляет собой некий остов тварного мира. И в той мере, в какой происходит нарушение этого вселенского закона любви, в мир приходит хаос и война.

Современная геополитика оперирует конструктом «Rules-based Order» (RBO) («порядок, основанный на правилах»), зачастую вкладывая в него весьма специфическое содержание, гибко меняющееся в зависимости от сложившейся геополитической конъюнктуры. Этот порядок по происхождению человеческий и часто полностью рассогласован с порядком, привнесенным в мир Богом. Здесь мы имеем дело с подменной понятий, производимой отдельными геополитическими акторами. Последние, в свою очередь, ангажированы субъектами, движимыми мотивами укрепления власти и финансовыми интересами.

Феномен «Rules-based Order» во многом идет вразрез даже с установленными нормами международного права. В сегодняшней геополитике RBO можно понимать, как заговор коалиции западных стран, которые преследуют исключительно свои интересы, зачастую презирая интересы других акторов геополитики (например, России, стран Востока, Азии, Африки, Латинской Америки и др.). RBO сущностно во многом противоположен не только божественным этическим нормам, но и порядку, установленному в 20 веке решениями Организации Объединенных Наций. По нашему мнению, миссия и решения ООН в середине прошлого столетия были в достаточной степени приближены к нравственному императиву Христианства в разрезе своего миротворческого компонента. Таким образом, «соскальзывание» совокупного человечества с «рельс» любви и мира на «обочину» войны обусловлено, по нашему мнению, именно подменой порядка божественного на порядок человеческий.

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. М.: Российское Библейское общество, 2010. 1376 с.
2. Николай Сербский. Война и библия. М.: Сибирская Благовонница, 2023. 286 с.
3. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М.: Сретенский монастырь, 2012. 352 с.
4. Привалова И.Ю. «Дорога в рай»: философские, синергетические и теологические аспекты // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2014. № 3-4. С. 65-68.

**Право на тайну: философско-антропологические основания
метафизического опыта**

М.П. Романов

*Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск,
Россия
e-mail: Oglobon@mail.ru*

**Right to Mystery: Philosophical and Anthropological Foundations
of Metaphysical Experience**

M.P. Romanov

*Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
e-mail: Oglobon@mail.ru*

Аннотация. В докладе раскрывается фундаментальная открытость человека трансцендентному как сущностная черта его бытия. На материале исихастского спора XIV века анализируется напряжение между двумя антропологическими установками: пониманием доступа к сакральному через интеллектуальное посредничество и через непосредственную причастность. В контексте постсекулярной эпохи вводится понятие «права на тайну» – онтологического иммунитета личности, защищающего человека от тотальной рационализации и выступающего условием свободы и достоинства.

Ключевые слова: философская антропология, открытость, трансцендентное, тайна, постсекулярная эпоха.

Abstract. The report reveals the fundamental openness of the human being to the transcendent as an essential feature of existence. Drawing on the 14th-century Hesychast controversy, it analyzes the tension between two anthropological stances: understanding access to the sacred through intellectual mediation versus through direct participation. Within the context of the post-secular age, the concept of the “right to mystery” is introduced as an ontological immunity of the person, protecting against total rationalization and serving as a condition for freedom and dignity.

Keywords: philosophical anthropology, openness, the transcendent, mystery, post-secular age.

Философская антропология являет собой развернутый вопрос, который кажется простым лишь на первый взгляд: что делает человека человеком? Разум, свобода, труд, язык, способность к символизации – эти ответы множатся на протяжении истории мысли. Однако есть феномен, который плохо укладывается в антропологические концепции, при этом неизменно сопровождает человеческое существование во всех известных культурах и эпохах. Этот феномен – сакральное. Оказывается, что человек не только производит, мыслит и говорит, но еще и ищет встречи с тем, что его превышает, поклоняется, приносит жертвы, вопрошает о безусловном. Это происходило несмотря на то, что западная мысль долгое время находилась под влиянием идей Просвещения, рассматривая эту сторону человеческого бытия как абсурдный пережиток прошлого, который наука и рациональность должны преодолеть. Предполагалось, что по мере роста знаний потребность в сакральном отомрет сама собой. Несмотря на это, XX век, начавшийся с провозглашения «смерти Бога», окончился осознанием парадокса: сакральное не исчезло. Несомненно, изменились акценты, теперь оно обнаруживало себя в политических культах, потребительских ритуалах, эстетических экстазах и в бесчисленных формах индивидуального духовного поиска. Человек постсекулярной эпохи все еще не может жить без тайны, но при этом не знает, где и как эту тайну искать.

Следовательно, мы наблюдаем проблему: с одной стороны, традиционные формы опосредования сакрального, такие как религиозные институты, догматы и ритуалы потеряли свою самоочевидность и больше не воспринимаются как единственно возможные источники опыта трансцендентного. С другой стороны, оставшаяся потребность порождает множество суррогатных форм, от фундаментализма до коммерческой духовности (с высокой долей произвольного эклектизма). В заданной ситуации, необходимо прояснить статус сакрального: является ли оно временным или сущностным и если верно второе, то как возможен доступ к реальности, превышающей человека?

В данном докладе будет показано, что сакральное, как открытость к трансцендентному, укоренено в фундаментальной структуре человека, что позволяет увидеть в многообразии современных практик не хаос, а выражение в неустранимой потребности к тайне. Это будет сделано, исходя из решения двух задач. Во-первых, экспликации открытости к трансцендентному как сущностной характеристике человека. Во-вторых, на конкретном примере исихатского спора XIV века будет по-

казано, как можно понимать открытость и ее способы опосредования, которые воспроизводятся по сей день уже в постсекулярном обществе.

В начале необходимо прояснить статус сакрального как открытости к трансцендентному. Человек – не самодостаточный субъект, полностью прозрачный для самого себя, так как в самой структуре его существования заложено постоянное превышение наличного. А именно, мы всегда выходим за границы того, что непосредственно дано, и вопрошаем о том, чего нет в наличии, всегда открыты. В познании мы не удовлетворяемся единичными фактами, но ищем их связи, причины, основания, стремимся к истине, которая не сводится к сумме наблюдений. В нравственном поле мы всегда соизмеряемся с представлением о должном, которое не выводится из эмпирических обстоятельств и не может быть вполне реализовано. Язык всегда превышает конкретную ситуацию употребления, отсылая к общим смыслам, не вмещающимся в единичный контекст. Эту фундаментальную характеристику человеческого бытия М. Хайдеггер в «Бытии и времени» обозначил как экзистенциал понимания, показывая, что бытие всегда уже есть нечто большее, чем то, что оно фактически есть, «бытие всегда уже есть вперед себя самого» [1, с. 191-192].

Особенно заметна открытость в способности задавать вопросы о справедливости, смысле страдания, смерти, существовании. Такие вопросы не имеют раз и навсегда данного решения, постоянно требуя нового осмысления. Сама их неисчерпаемость указывает на то, что человек живет в измерении бесконечного ответа. Здесь, несомненно, важным является то, что эта открытость – не какая-то «религиозная одаренность» или мистический дар, доступный лишь избранным, а базовая, родовая характеристика человека. Вполне можно быть атеистом, но жить в жажде истины, в стремлении к справедливости, превышающей отдельно взятого индивида. Сама способность выходить за пределы наличного – не удовлетворяться частным, искать то, что превышает данность, делает человека человеком.

Философская антропология XX века уловила эту интуицию, выражая ее на разный манер. Так, М.Хайдеггер говорил о бытии, которое всегда уже понято человеком, хотя и не схвачено в понятиях, о *Dasein* как бытии-в-мире, которое никогда не совпадает с самим собой. Г. Марсель писал о тайне как о том, во что человек вовлечен, что не может быть отделено от него самого и что не поддается объективирующему познанию. Тайна – онтологическая, это реальность, в которую я проникаю не путем мышления о ней, а путем бытия в ней, «тайна есть нечто,

во что я вовлечен» [2, с. 86]. Левинас настаивал на том, что отношение к другому не укладывается в горизонт познания, но требует этического ответа, который всегда превышает любую норму [3, с. 285]. При всех различиях этих мыслителей, общая интуиция одна: человек не замкнут в себе, он всегда уже в отношении к тому, что его превышает, и это отношение конститутивно для его бытия. В самом устройстве человеческого существования заложена открытость к трансцендентному, которая проявляется в способности вопрошать о безусловном, не удовлетворяться конечным, выходить за пределы наличного. Эта открытость не есть доказательство трансцендентного, но она есть условие возможности восприятия обращения. Данную позицию, в персоналистической манере, развивает С.Л. Франк в своем главном философском труде «Непостижимое». Он показывает, что реальность открывается человеку не как внешний объект, а как «живое знание», как внутренне переживаемое и укореняющее нас в Абсолютном. Человек, по Франку, есть образ непостижимого именно потому, что он сам причастен этой непостижимости через глубину своего внутреннего опыта [4].

Если открытость к трансцендентному составляет фундаментальную характеристику человека, то следующий вопрос касается того, как эта открытость реализуется, через какие формы человек вступает в отношение с тем, что его превышает. История культуры и мысли дает нам множество примеров, но в них можно выделить два полярных направления понимания того, как возможен доступ к сакральному.

Первое можно назвать направлением опосредованности, таким доступом к реальности, превышающей человека, который всегда требует посредников. Ими могут быть священные тексты, ритуалы, институты, рациональные процедуры, интеллектуальная компетенция. Трансцендентное само по себе недоступно, но оно может быть представлено, символизировано, осмыслено через те формы, которые доступны человеку. Задача заключается в том, чтобы овладеть этими формами, научиться правильно с ними обращаться, войти в традицию либо усвоить методы. Сила опосредованности заключается в защите от произвола, субъективизма, иллюзий «непосредственного знания», которые часто оборачиваются самообманом. Она требует дисциплины, обучения, вхождения в исторически сложившиеся формы. Но в ней таится и опасность, если трансцендентное полностью отождествляется со способами его опосредования, возникает риск подмены: посредники начинают восприниматься как сама реальность, а доступ к ним становится привилегией тех, кто владеет методами и языком. Сакральное приватизирует-

ся элитой: жрецами, учеными, интеллектуалами. Остальным остается довольствоваться упрощенными формами или вовсе быть исключенными. Второе направление заключается в непосредственном опыте. Оно исходит из того, что встреча с трансцендентным возможна помимо любых посредников, в прямом контакте, в переживании, которое не нуждается в дополнительной интерпретации. Мистики разных традиций описывают такой опыт как выход за пределы обыденного сознания, как слияние с абсолютным, как прикосновение к реальности, невыразимой в словах. Сила этого способа в ее радикальности. Она напоминает о том, что никакие посредники не могут заменить самой встречи, что все формы и институты имеют смысл только как подготовка к ней, а не как ее замена. Но здесь также есть опасность. Опыт, лишенный критериев подлинности, легко может оказаться самообманом, проекцией собственных желаний или, хуже того, манипуляцией. Чистая непосредственность, не опосредованная никакой традицией, никаким различием, рискует раствориться в пустоте. С точки зрения метода философской антропологии, как ее понимал, например, О.Ф. Больнов, такое выделение полярных направлений является не произвольной конструкцией, а способом выявления экзистенциальных структур, лежащих в основе различных культурных и исторических феноменов. Больнов подчеркивал, что подлинное понимание человека достигается не через абстрактные определения, а через анализ конкретных способов его существования и самоистолкования [5, с. 113].

Напряжение между данными направлениями проходит через всю историю человеческой культуры. Одну из самых ярких его манифестаций мы находим в Византии XIV века. Исихастский спор между Григорием Паламой и Варлаамом Калабрийским интересен нам не как частный эпизод церковной истории, а как парадигматическое столкновение двух антропологических установок, двух ответов на вопрос о том, как человеку возможен доступ к реальности, его превышающей.

Варлаам Калабрийский представляет направление интеллектуального опосредования, исходя из абсолютной недоступности Божественной сущности: между Творцом и тварью непроходимая пропасть, а знание о Боге возможно лишь через символы и умозаключения. Опыт непосредственного созерцания для него есть суеверие, отсюда вытекает социальное следствие: доступ к истине требует компетенции, делая сакральное привилегией интеллектуальной элиты [6]. Григорий Палама, напротив, защищает возможность непосредственного опыта, не отрицая трансцендентности, но уточняя ее через различие сущности и энергий:

Свет Фаворский есть сам Бог, реально сообщаемый человеку. Антропологический смысл этого учения заключается в том, что способность к причастию иному коренится не в особых дарованиях или статусе, а в самом устройстве человеческого существа, и реализуется через доступное каждому очищение всего человека в аскезе и молитве [7, с. 285-286]. Здесь перед нами две антропологии. Для Варлаама Калабрийского доступ к сакральному опосредован интеллектом и образованием, он приватизируется элитой. Для Григория Паламы он остается открытым каждому, потому что коренится не в социальных договоренностях, а в онтологическом устройстве человека. Достоинство человека определяется не тем, что он знает или имеет, а тем, что он есть.

Этот спор не завершился в XIV веке. Сегодня, в постсекулярную эпоху, он воспроизводится в новых формах. Ч. Тейлор показывает, что секуляризация не есть просто исчезновение религии, а трансформация самого режима верования [8, с. 4]. В современном мире вера становится одной из опций, требующей рефлексивного обоснования. Традиционные формы опосредования сакрального, такие как институты, догматы, ритуалы, утрачивают свою самоочевидность. Они больше не воспринимаются как единственно возможные пути к трансцендентному. Но потребность в таком пути остается. Отсюда парадоксальный взрыв интереса к непосредственному опыту, к духовности вне институций, к практике, а не доктрине. Этот взрыв принимает разные формы, каждая из которых по-своему воспроизводит напряжение между опосредованием и непосредственностью. Фундаментализм ищет непосредственность через предельное опосредование авторитетом. Коммерциализация предлагает иллюзию непосредственного опыта, жестко опосредованного рынком. Индивидуализация делает индивида единственным посредником, стирая критерии подлинности. Эстетизация ищет непосредственность в чувственном переживании, не выходящем за горизонт искусства. Все эти формы свидетельствуют об одном: человек постсекулярной эпохи ищет то, что можно назвать правом на тайну. Тайна здесь понимается не как загадка, которую можно разгадать, и не как проблема, которую можно решить. Загадка имеет ответ, проблема имеет решение. Тайна же это то, что принципиально не подлежит окончательной расшифровке, что сохраняет глубину при любом приближении, что остается иным даже будучи познанным.

Г. Марсель проводил различие между проблемой, которая находится перед субъектом и может быть решена, и тайной, в которую субъект вовлечен и не может обозреть со стороны. В свете этого различия

проясняется суть спора: Варлаам Калабрийский превращал Бога в проблему (пусть и неразрешимую), отсюда элитаризм экспертов; Григорий Палама возвращал человека в измерение тайны, где Бог есть реальность, преобразующая самого человека. Право на тайну, понятое таким образом, есть онтологический иммунитет человека, его неустраняемая защищенность от тотальной рационализации и контроля, ибо в нем всегда остается нечто, ускользающее от определений. В контексте защиты этого иммунитета показательной является позиция Н.А. Бердяева, утверждавшего личность как «экзистенциальный центр», не подлежащий полной детерминации извне, где тайна личности есть фундамент свободы и достоинства [9, с. 20-21]. В основе человеческого бытия лежит фундаментальная открытость к трансцендентному, проявляющаяся в способности вопрошать о безусловном и не удовлетворяться конечным. На примере исихастского спора, мы продемонстрировали как эта открытость становится предметом борьбы между различными направлениями понимания опосредования сакрального той борьбы, которая в новых формах воспроизводится и в современной постсекулярной ситуации. Человек есть существо, нуждающееся в тайне не меньше, чем в ясности. Право на тайну – неотчуждаемо. Оно есть условие нашего существования как существ, способных к трансцендированию, способных к любви, способных к смерти, способных к Богу. Защитить это право, значит, защитить человека. В этом значение исихастского спора для философской антропологии и его обращенность к нам, людям постсекулярной эпохи, начинающим понимать, что тайна – не враг мысли, а ее необходимое условие и вечный горизонт.

Библиографический список

1. Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: AdMarginem, 1997. 452 с.
2. Марсель Г. Быть и иметь. Пер. с фр. И.Н. Полонской; примеч. О.А. Сердюкова. Новочеркасск: Агентство САГУНА, 1994. 159 с.
3. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. Пер. с фр. И.С. Вдовиной, Б.В. Дубина, Н.Б. Маньковской, А.В. Ямпольской. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.
4. Франк С.Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. М.: Правда, 1990. 560 с.
5. Bollnow O.F. Neue Geborgenheit. Das Problem einer Überwindung des Existenzialismus. Stuttgart; Köln: Kohlhammer, 1960. 247 S.

6. Васина М.В. Спор Варлаама Калабрийского со св. Григорием Паламой о Боговидении и русская религиозная философия // Начало. СПб., 1999. № 8. С. 248-252.

7. Григорий Палама свт. Триады в защиту священно-безмолствующих. Пер., послесл. и коммент. В. Вениаминова. М.: Канон, 1995. 384 с.

8. Тейлор Ч. Секулярный век. Пер. с англ. А. Васильева, Л. Колкера, А. Лукьянова; под ред. А. Бодрова. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея (ББИ), 2017. 967 с.

9. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.

УДК 316.422

**Синергетический подход к анализу инновационного процесса
в социальном развитии**

А.И. Саиткасимов
доктор философских наук, профессор

*Джизакский государственный педагогический университет, г.Джизак,
Узбекистан
e-mail: saitkasimov71@gmail.com*

**Synergetic Approach to Analyzing the Innovation Process in Social
Development**

A.I. Saitkasimov
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

*Jizzakh State Pedagogical University, Jizzakh, Uzbekistan
e-mail: saitkasimov71@gmail.com*

Аннотация. В данном докладе представлены научные идеи о динамичном росте роли и значимости инноваций на фоне глобального социального развития, о влиянии инноваций на развитие научного мышления в человеческом обществе и производство продуктов, важных для людей в общественной жизни. Также научно обосновано, что этот процесс связан с производством инновационного богатства, направленного на удовлетворение постоянно растущих потребностей человека. Показано, что синергетический подход к анализу инновационных

процессов рассматривает инновации в социальном развитии не как линейный самоорганизующийся, а как открытый процесс. Обозначено, что он позволяет внедрять инновации на основе новых знаний, используя аттракторы для формирования различных инфраструктур, что позволяет управлять переходом общества от хаоса к порядку.

Ключевые слова: общество, инновация, социальное развитие, научное мышление, общественная жизнь, производство, потребность, аттрактор, бифуркация, самоорганизация.

Abstract. The report presents scientific ideas concerning the dynamic growth of the role and significance of innovations due to the global social development. It discusses the influence of innovations on the development of scientific thinking in human society and the production being important to people in their social life. It is also scientifically substantiated that this process is linked to the production of innovative wealth aimed at satisfying ever-growing human needs. The report demonstrates that the synergetic approach to analyzing innovation processes considers innovations in social development not as a linear, self-organizing process, but as an open one. It also demonstrates that this approach enables the implementation of innovations based on new knowledge, using attractors to form various infrastructures and, through this process, managing society's transition from chaos to order.

Keywords: society, innovation, social development, scientific thinking, social life, production, need, attractor, bifurcation, self-organization.

На фоне глобального социального развития роль и значение инноваций динамично растут с каждым днем. Инновации достигают своего пика с развитием научного мышления человеческого общества и появлением целей, направленных на производство продуктов, жизненно важных для людей в общественной жизни. Этот процесс является реальностью, связанной с производством инновационного богатства, направленного на ускорение темпов экономического роста и удовлетворение постоянно растущих потребностей людей.

Реализация инноваций в общественной жизни также характеризуется совершенствованием инновационного образа мышления человека. Сочетание рационального мировоззрения с инновационными взглядами отражает эпистемологические аспекты подъема культуры цивилизации. В этом процессе увеличение эмоционального и творческого потенциала человека и улучшение качества жизни человека определяют сущность инноваций как явления, воплощающего созидательные принципы.

В результате совершенствования общество развивается, каждая сфера претерпевает свои значительные изменения, проявляется переход формы и содержания отдельных элементов от одной стадии к другой. Появление новых форм, в свою очередь, создает важные прогрессивные ценности в непосредственной изменчивости и динамичном развитии всех сфер жизни общества. Это создает позитивный баланс в общем развитии, начинает наблюдаться стабильность в функционировании систем. Повышение эффективности или научных результатов, расширение позитивных производственных процессов, основанных на тесном детерминизме и трансформационных условиях между объектом и субъектом отражают инновационное совершенствование. По мнению В.С. Капустина, «ключевым направлением современного мирового экономического и социального развития, безусловно, является активизация инновационной деятельности и широкое распространение инновационных технологий, продуктов и услуг. В настоящее время в мире около 70% прироста валового внутреннего продукта приходится на долю новых знаний, воплощаемых в инновационных технологиях производства и управления» [1].

С социально-философской точки зрения, присущая человеку творческая деятельность, направленная на улучшение экономических условий общества, получение научных результатов в ходе своей деятельности, порождает созидательные традиции. Люди с рациональным мировоззрением принимают этот подход как аксиому. Получение результатов от своей научной деятельности приводит к организации социально-экономических отношений в совершенно новом порядке.

Развитие общества характеризуется различными противоречиями, конфликтными ситуациями, хаосом, турбулентности, нестабильными процессами и незначительными тенденциями развития, каждая из которых имеет свои синергетические принципы объяснения. В этом процессе инновации, демонстрирующие творческий потенциал человека, также выполняют конструктивную функцию в переходе от порой нестабильного состояния общества к стабильному. С точки зрения синергетического подхода, этот процесс также является механизмом инновационной самоорганизации общества, где инновации также выполняют функцию аттрактора. По мнению Н.Т. Арефьевой, «синергетика представляет собой науку о саморазвивающихся сложных системах, основанную на определенных принципах познания реальности. В частности, синергетика исходит из положения, что научное по-

знание направлено на изучение систем с различной степенью сложности и уровнем организации» [2, с. 28].

Инновация как аттрактор – это явление, при котором инновации выступают движущей силой для продуктивного использования материальных ресурсов, развития научного персонала и создания новых инноваций, преобразуя хаотичную экономическую или социальную систему в новое устойчивое состояние. В направлении синергетики этот процесс уменьшает энтропию и направляет развитие к новому устойчивому равновесию: «Самоочевидность множественности трансформаций создает иллюзии, во-первых, накопленного опыта в способах управления инновациями, применимого в современной действительности, и, во-вторых, существующей возможности для внедрения практически любой новации при условии сопряженности появления нового знания, воли к его реализации и ясного предъявления образа хорошего будущего, достижимого на основе этих новых идей» [3, с. 148]. Следовательно, существование и развитие инноваций в обществе иногда имеет «нелинейный» характер, включая такие особенности, как чередование, случайные изменения и нестабильность. Это объясняется тем, что в динамике инновационного развития общества иногда наблюдаются ухудшения, незначительные эффекты, стагнация, «шоковые» процессы.

Синергетический подход к анализу инновационных процессов рассматривает инновации в социальном развитии не как линейный процесс самоорганизации, а как сложный, управляемый и многомерный процесс. В нем даже очень небольшие воздействия могут привести к масштабным качественным изменениям (бифуркациям), что позволяет создавать инновации на основе новых знаний, используя аттракторы для формирования различных социально-экономических инфраструктур и посредством этого процесса управлять переходом общества от хаоса к порядку. По мнению Е.В. Поляковой, «с позиций синергетики инновационное общество можно представить в виде нелинейной, неравновесной, динамически развивающейся во времени самоорганизующейся системы, которая представляет собой совокупность субъектов, объектов, факторов и принципов развития» [4, с. 41]. Инновации также рассматриваются как процесс перехода от различных систем управления к гибким, спонтанным изменениям социально-экономических процессов. В таком случае инновационная деятельность происходит не извне, а благодаря наличию научных ресурсов и кадрового потенциала внутри системы.

Синергетические особенности инновационной деятельности связаны с процессами саморазвития и имеют большое значение при их моделировании и проектировании. Именно поэтому они могут быть использована в социально-экономической сфере с целью ее инновационного развития. По мнению В.А. Буланичева и Л.А. Серкова, «синтез и анализ синергетических моделей управления социально-экономическими системами становится в последнее время особенно актуальным. Это происходит вследствие того, что все социально-экономические объекты являются открытыми системами и обладают способностями к самоорганизации и адаптации. Поэтому представляется перспективным подход к управлению этими объектами через распознавание, анализ, прогнозирование и управление процессами самоорганизации» [5, с. 116]. Функции инноваций, направленных на регулирование социально-экономических процессов в обществе, также играют важную роль в деятельности, направленной на устранение различных социальных проблем. Принцип самоорганизации является важной особенностью в исследовании и анализе сложных социальных проблем в обществе, создании современных научных концепций. Кроме того, синергетика воплощает в себе социально-философские особенности, которые дают понимание теорий человеческого общества и законов общественного развития. Например, введение инноваций служит развитию регионов на основе научных достижений. По мнению И.А. Поплавской, «инновационная политика и инновационная система, в свою очередь, также может влиять на все подсистемы общества, меняя их структуру, направленность, качество и интенсивность связей, в результате чего исчезают старые и появляются новые отношения в этом обществе, которые приобретают новый потенциал развития» [6, с. 88].

Можно заключить, что общество как сложная система постоянно претерпевает изменения и обновления. Инновационные преобразования происходят в каждой из его областей. Инновации, как самоорганизующийся механизм, считаются очень значимым процессом для перехода от нестабильной ситуации к устойчивому развитию общества.

Библиографический список

1. Капустин В.С. Синергетика социальных инновационных процессов // URL: <https://spkurdyumov.ru/forecasting/sinergetika-socialnyx-innovacionnyx-processov/> (дата обращения: 28.03.2026).

2. Арефьева Н.Т. Синергетика как методология социокультурного прогнозирования // Вестник МГУКИ. 2009. № 6 (32). С. 27-32.
3. Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В. «Семиотический аттрактор»: концепт для решения дилеммы инновационного управления // Вестник ТГПУ. 2015. № 5 (158). С. 147-153.
4. Полякова Е.В. Инновационное общество: синергетический подход. // Инновации. 2010. № 3 (137). С. 41-45.
5. Буланичев В.А., Серков Л.А. Самоорганизация экономических систем с детерминированным хаосом // Математическое моделирование. 2007. Т. 19, № 4. С. 116-126.
6. Поплавская И.А. Специфика инновационного развития России: культурные предпосылки и социально-исторические условия формирования // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 88-97.

УДК 316.42:130.2:316.75

Охотники каменного века в обществе достижений и идеология саморазвития

Е.Д. Филиппов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

*Научный руководитель: Б.К. Кнорре
кандидат философских наук, доцент*

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия
e-mail: wineeyedsea@gmail.ru*

Stone Age Hunters in the Society of Achievements and Ideology of Self-development

E.D. Philippov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

*Scientific Supervisor: B.K. Knorre
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor*

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
e-mail: wineeyedsea@gmail.ru*

Аннотация. В докладе предлагается развитие концепций идеологии общества потребления Б. Стиглера и П. Слотердайка. Идеология определяется как эволюционно сформированный механизм, снижающий недовольство культурой через изобретение иллюзорного идеологического дара. Развитие идеологии объясняется как утрата значения идеологического ритуала в снижении недовольства культурой в условиях возрастания роли развития мастерства как способности производить новые формы культуры. Идеологией современного общества платформенного капитализма называется саморазвитие, культ мастерства, имеющий патологические ритуализованные формы.

Ключевые слова: идеология, эволюционная психология, интерпелляция, недовольство культурой, саморазвитие.

Abstract. The report proposes a development of the concepts of ideology of consumer society formulated by B. Stiegler and P. Sloterdijk. Ideology is defined as an evolutionarily shaped mechanism that reduces a discontent with culture through the invention of an illusory ideological 'gift'. The development of ideology is explained as a decline in the significance of ideological ritual in alleviating this discontent under the conditions where the role of skill development as the capacity to produce new forms of culture is increasing. The ideology of contemporary platform capitalism is identified as self-development, a cult of mastery that acquires pathological and ritualized forms.

Keywords: ideology, evolutionary psychology, interpellation, discontent with culture, self-development.

Б.-Ч. Хан считает, что человек общества достижений утрачивает способность к созерцанию и приближается к состоянию животного, которое не может отвлечься от пожирания добычи и совокупления, поскольку испытывает постоянных страх за свою безопасность [1, с. 68-69]. С точки зрения Хана, внимание современного человека приковано к объектам потребления, задачам и дедлайнам. Можно ли объяснить эпидемию психопатологий в современной цифровой цивилизации утратой досуга и недостаточным вниманием к созерцанию природы? Развитие психики человека отстает от развития технологий: современный чело-

век остается носителем психологических механизмов, сформированных в охотничьих обществах, и инстинктов, сформированных в течении всей эволюции млекопитающих. Мы являемся в каком-то смысле охотниками каменного века, вынужденными жертвовать сном и физической активностью для того, чтобы достичь больших достижений в виртуальном мире социальных сетей и производства контента. С точки зрения философского исследования, современная идеология является несовершенной формой культуры, которой противопоставляется идеальное интеллектуальное или материальное состояние: автономное мышление или приостановка жизни. Автономное мышление противопоставляется идеологии само-эксплуатации у Б.-Ч. Хана [1] и Б. Стиглера [2]. Одновременно развитие философии подразумевает постепенный отказ от поиска совершенного начала: оно ускользает на границу бытия и ничто, как смысл у Ж. Делеза [3] или различие Ж. Деррида [4]. Чем меньшее значение для философского поиска играет это совершенное начало, тем большее значение приобретает совершенствование самого мира. Философия получает тем большую объяснительную силу, чем больше внимания она уделяет условиям этого движения к совершенству, этой эволюции природы. Делез указывает на высвобождение желания как на условие формирования капиталистической экономики [3], Б. Стиглер пишет об изобретении техники как условии индивидуации человека [2], П. Слотердайк объясняет развитие религии и идеологии как эволюцию практик развития мастерства [5]. Современные концепции идеологии общества достижений указывают на несовершенство, лежащее в основе человеческой реальности: психика человека содержит принципы и влечения, сформировавшиеся до возникновения культуры и цивилизации. Но в современной литературе не раскрыты условия совершенствования культурных практик, условия эволюции идеологии.

Чем вызвано недовольство культурой, которое снижают идеологические ритуалы? С точки зрения З. Фрейда, недовольство культурой вызвано сопротивлением запретам на неограниченное насилие, которому человек склонен предаваться от природы [6]. Но кроме запретов идеология также содержит предписания, она указывает ее носителю, в каких культурных практиках он должен участвовать. Эта сторона идеологии восполняет неудовлетворенность, которую испытывает человек в процессе труда: сам процесс труда не сопровождается удовлетворением потребностей, необходимо искусственно стимулировать желание создавать культуру. Труд может сопровождаться регистрацией достижения, схожим по уровню удовлетворения с физическим удовольствием от ре-

ализации инстинктов тогда, когда сам процесс сопровождается чем-то, что можно считать достижением. Таким достижением является развитие способности создавать новые формы культуры. Чем ниже развитие мастерства, уровень просвещения и экономическая выгода от развития способностей, тем выше необходимость в искусственной стимуляции желания оставаться в культурном состоянии. Субъект идеологии навязывает желание создавать культуру носителю идеологии, этот процесс Л. Альтюссер называет интерпелляцией, превращением человека в носителя культуры через «клик» субъектом культурного порядка, то есть через превращение этого субъекта в фигуру поощрения и наказания [7]. Стимуляции желания осуществляется при помощи дара, воображаемой выгоды от подчинения субъекту интерпелляции, которая регистрируется как достижение здесь и сейчас и вызывает необходимое для снижения недовольство культурой удовлетворение. Наконец, получение этого дара подразумевает осуществление ритуала, непроизводительного спектакля, который либо разыгрывает культурные практики, либо является актом дара, жертвоприношения или поклонения. Магический ритуал охотников направлен на получение материального дара: удачи на охоте, повышения фертильности общины и защиты от хищников. Сам ритуал разыгрывает желанный результат, но является экономически бессмысленным. Субъектом идеологии является отцовская фигура, но она скрывается в образе тотема, то есть культурный порядок навязывается предком общины, но он является человеком только наполовину.

Магический ритуал сам по себе опасен для развития экономики, поскольку предотвращает стимуляцию желания производства культуры через совершенствование мастерства. Высшие классы неолитических обществ создают законодательство, которое поддерживает кооперацию и торговые связи. Ритуал политеистических религий первых классовых обществ одновременно является антипродуктивным спектаклем, но спектаклем политическим: жертвоприношения в Теночтитлане доказывали устрашающую мощь ацтекской машины войны, возведение пирамид IV династии демонстрировало всемогущество фараонов. Грамотность и военная выучка аристократии предполагали медленное развитие экономики: увеличение роли рабовладения и распространение металлов в качестве универсального товарного эквивалента. Создатель культурного порядка должен быть носителем мастерства, поэтому субъект идеологии становится более антропоморфным, происходит интериоризация субъекта интерпелляции. Боги политеизма покровительствуют сословиям, потому что поклонение богам должно одновременно прино-

сить магический дар божественной заботы и культурный дар желания производства, которое одновременно подразумевает подчинение классовому порядку. Монотеистические религии распространяются в классовых обществах, в которых возникает необходимость концентрации экономических благ в едином политическом центре, что подразумевает разрушение рабовладельческого или родового порядка. Субъект идеологии здесь интериоризируется, превращаясь в пророка или богочеловека. Культурный дар становится менее магическим: святость, бессмертие являются отражением в религиозном сознании овеществления культурного дара, бессмертие творца культуры. Ритуал идеологии теряет антипродуктивный характер и превращается в практики самодисциплины, ту или иную форму коллективной молитвы, то есть воспроизводство главной идеи монотеизма: необходимости развития способности к дару. Желание, которое производит монотеизм, это безусловная любовь, готовность к дару.

Индустриализация становится возможной в результате Просвещения, распространения научных и технических знаний. Производство желания осуществляется через вовлечение в экономический рост, который возможен только при условии технического прогресса. Исчезновение репрессивного начала монотеистической идеологии, в которой главным источником желания производства культуры было желание идеологического дара, например, получение гарантии бессмертности души, приводит к высвобождению экономических потоков, перенаправлению этих потоков в сторону инновационных и финансовых рисков. Идеология становится точкой зрения на успех в этом предпринимательстве: наиболее успешные цивилизации развивают идеологию статусного потребления, развитые, но отстающие – национализма, а развивающиеся становятся сценами социалистических ритуалов. Национализм и социализм предлагают короткий путь к высвобождению экономических потоков, но путь иллюзорный, поскольку на деле направляют эти потоки не на стимуляцию желания производства, а на классовое или империалистическое насилие.

В постиндустриальных обществах с возрастанием значения человеческого капитала распространяется идеология потребления: идеологическим даром здесь является бренд, иллюзорный маркер принадлежности к высшим классам, тем классам, которые являются в обществе потребления создателями новых видов товаров и инициаторами маркетинговых манипуляций. Таким образом, недовольство культурой в обществе потребления снижается до такого уровня, на котором для произ-

водства желания труда, не сопровождающегося развитием способностей или творчеством, достаточно создать иллюзию доступности знаков социального статуса, указывающих на принадлежность к стратам, которые свободны от такого одномерного труда. В обществах платформенного капитализма идеология потребления играет такую же роль, какую магия играла в ранних классовых обществах: это идеология низших слоев общества, которые сохраняют идеологические атавизмы, поскольку не затронуты эволюцией человеческого капитала. Наиболее ценной формой стоимости в современных обществах развитого капитализма, согласно Б. Пайну и Дж. Гилмору, являются трансформации: превращения самого потребителя, улучшение его физической формы и развитие навыков на платных курсах [8]. Возникает идеология саморазвития, в которой непродуктивные ритуалы граничат с практиками самодисциплины и тренировок. Развитие мастерства становится настолько фундаментальным условием успеха в мире личных брендов и монетизации контента, что почти любое культуросозидающее усилие сопровождается саморазвитием. Болезненной стороной идеологии саморазвития являются не психопатологии, которые, как пишет Б.-Ч. Хан, сопровождают неудачи, а непродуктивные формы практик саморазвития: перетренированность, ритуализация режима и не основанные на медицинской необходимости эксперименты с диетой.

Таким образом, условием эволюции идеологии является развитие способности носителя этой идеологии развивать навыки создания новых форм культуры. Идеология охотничьих обществ является необходимой основой культурного порядка, носит характер «машины желания», которая обеспечивает снижение недовольства культурой. В неолитических обществах идеология навязывает ритуалы, в которых принятие культурного кода обменивается на магический дар. В индустриальных обществах Просвещение приводит к ослаблению роли непродуктивных ритуалов в производстве желания. Идеология, как форма культуры, превращается из основы человеческой реальности в способ преодоления ошибки или неудачи, в момент восстановления психики от чрезмерного напряжения самоэксплуатации.

Библиографический список

1. Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. Пер. с нем. А.С. Салина. М.: Издательство АСТ, 2023. 160 с.

2. Stiegler B. The Lost Spirit of Capitalism: Disbelief and Discredit. Vol. 3. Cambridge; Malden, MA: Polity Press, 2014. 240 p.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. Пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 896 с.
4. Деррида Ж. Письмо и различие. Пер. с фр. под ред. В. Лапицкого. СПб.: Академический проект, 2000. 432 с.
5. Sloterdijk P. You must change your life: On anthropotechnics. Transl. W. Hoban. Cambridge; Malden, MA: Polity Press, 2013. 510 p.
6. Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. Будущее одной иллюзии. Тотем и табу. Моисей и монотеизм. Неудовлетворенность культурой. М.: «Фирма СТД», 2008. 608 с.
7. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 77 (3). С. 186-205.
8. Pine B.J., Gilmore J.H. The Experience Economy. Boston: Harvard Business Review Press, 2011. 256 p.

**Секция 6. Трансформация культуры и общества
в высокотехнологичном поликультурном мире:
тенденции и перспективы развития**

УДК 316.42

**Глобальные информационно-коммуникационные сети и их
влияние на духовный мир молодежи**

А.Х. Амонлаев
кандидат философских наук, доцент

*Джизакский государственный педагогический университет, г.Джизак,
Узбекистан
e-mail: saitkasimov71@gmail.com*

**Global Information and Communication Network and Their Influence
on Youth's Spiritual World**

A.Kh. Amonlaev
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

*Jizzakh State Pedagogical University, Jizzakh, Uzbekistan
e-mail: saitkasimov71@gmail.com*

Аннотация. В докладе рассматривается текущая ситуация, в которой стремительное развитие информационных технологий и Интернета ослабляет стремление молодежи к познанию национальной духовности и универсальных человеческих ценностей, а также исследуются способы предотвращения этого явления. Обосновано, что неограниченный и неконтролируемый поток информации представляет определенные риски, поскольку некоторые идеи, распространяемые в Интернете, материалы, пропагандирующие насилие, или поверхностные проявления массовой культуры оказывают негативное влияние на умы молодежи.

Ключевые слова: глобализация, телевидение, информационные технологии, Интернет, национальная духовность, ценности.

Abstract. The report examines the current situation in which rapid technological advancement of information technologies and the Internet is weakening the youth's

desire to understand national spirituality and universal human values. The author researches the ways to prevent it. It is substantiated that the unlimited and uncontrolled flow of information poses certain risks as certain ideas disseminated online, materials promoting violence, or superficial manifestations of popular culture have a negative impact on the minds of young people.

Keywords: globalization, television, information technologies, the Internet, national spirituality, values.

В современную эпоху глобализации Интернет и социальные сети стали естественной и неотъемлемой частью образа жизни молодежи. Цифровая среда перестала быть просто источником информации и превратилась в уникальное социальное пространство, где формируются мышление, мировоззрение, ценности и духовные взгляды человека. Однако неограниченный и неконтролируемый поток информации также таит в себе определенные риски. Некоторые идеи, материалы, пропагандирующие насилие, или поверхностные проявления массовой культуры, распространяемые в виртуальном пространстве, могут негативно влиять на умы молодежи. В некоторых случаях «массовое мнение», сформированное в социальных сетях, снижает способность молодежи к самостоятельному наблюдению и побуждает их к слепому подражанию. В результате возможно нарушение баланса в духовных критериях и появление безразличия к национальной идентичности и ценностям.

Именно поэтому приоритетным направлением государственной политики является внимание к развитию национальных традиций и ценностей, углубленное изучение научного наследия великих ученых и мыслителей, а также воспитание молодежи как любящего, научно образованного, интеллектуально зрелого поколения. Как подчеркнул Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев, «сегодня наши дети осваивают передовые направления и опережают время. Если мы поддержим их, обеспечим качественное образование и условия для развития, они добьются еще более высоких результатов»[1].

Важнейшей характеристикой современной мировой цивилизации является стремительное проникновение научно-технических достижений в жизнь человека. Это привело к росту интереса людей к науке и технике. Такая ситуация также обусловила изменение традиционной парадигмы воспитания, существовавшей в условиях, необходимых для формирования личности как независимого индивида. Еще одной причиной углубления этого процесса в определенном

смысле является усиление технологического прогресса, ослабление стремления людей, находящихся под бременем интенсивного информационного потока из Интернета, к познанию национальной духовности и универсальных человеческих ценностей.

Роль Интернета в развитии экономической, политической, социальной и духовной сфер общества огромна. Не может быть и речи о признании или непризнании его колоссальной мощи. Не отрицая преимуществ глобальной сети, необходимо также говорить об опасностях, которые она представляет для духовности человечества. Сегодня молодежь использует Интернет в основном для чтения новостей, поиска материалов для курсовых и рефератов, общения с друзьями, поиска новых друзей и получения информации. Однако поток информации, поступающей из виртуального пространства, настолько велик, что не каждый человек способен отличить, какая информация полезна, а какая вредна. По мнению ученых, «в Интернете существует множество источников, оказывающих крайне негативное влияние на духовное развитие общества, мировоззрение и идеологическое воспитание личности, особенно молодежи, чье сознание еще не сформировано. Потому что ускорение информационного потока и возникновение такой сложной, противоречивой ситуации, как жизнь в море информации, напрямую приводят к резкому изменению мышления и мировоззрения человека». [2, с. 846].

Почему мы начали наши размышления о роли примера в формировании духовной идентичности с влияния современных информационно-коммуникационных технологий? Количественные изменения, то есть рост в системе информационных технологий, вызывающий этот процесс, также подтверждают наше мнение. Согласно актуальным данным, на февраль 2026 года «аудитория социальной сети Facebook значительно превышает 2,5 миллиарда. На текущий момент платформа насчитывает 3,07 миллиарда ежемесячно активных пользователей (MAU). Ежемесячно активные пользователи (MAU): 3,07 млрд человек по всему миру. Ежедневно активные пользователи (DAU) около 2,11 млрд человек, что составляет примерно 68,7% от всей ежемесячной аудитории. Ожидается, что к концу 2026 года число ежемесячных пользователей может достичь 3,15 млрд». [3].

В современном менталитете некоторых молодежи наблюдается безразличие к национальным ценностям, традициям и общечеловеческим принципам. Это категория молодежи, чьи цели не очень ясны, которая далека от стремления к получению какой-либо профессии. Но

если изучить причины этой проблемы, ее корни можно проследить к семейному воспитанию. Часто встречаются люди, которые не могут принять новые взгляды в обществе и имеют негативное отношение, оказывающее отрицательное влияние на умы молодежи. В результате у молодежи появляется безразличие к духовным и социальным процессам: «Влияние старшего поколения на детей снижается, остается без запроса накопленная за долгие годы жизненная мудрость и жизненный опыт, богатый наблюдениями» [4, с. 44].

Следует подчеркнуть, что этот процесс неразрывно связан с нашим национальным менталитетом. Решение проблемы необходимо искать в психологии человека, особенно молодежи, в ее поведении, а также в стереотипах в мышлении, ставших обыденными в повседневной жизни. Сегодня в мире и в развитии национальных обществ происходят парадигматические изменения и реализуются конкретные реформы. В частности, приоритетной задачей определена адаптация молодежи к новым социально-экономическим и духовным условиям. Ведь в эпоху глобальных перемен мировоззрение, образ мышления и модель деятельности молодого поколения определяют будущее общества.

В условиях быстро меняющегося общества трудно решать новые проблемы старыми подходами и традиционными методами. Хотя прошлый опыт в определенной степени важен, в современных условиях он может оказаться недостаточно эффективным. Поэтому особое внимание уделяется внедрению в государственную политику инновационных подходов, современных механизмов управления и передовых образовательных технологий. Это будет способствовать повышению конкурентоспособности, интеллектуального потенциала и социальной активности молодежи. Одновременно с этим происходят и определенные парадигматические изменения в национальном менталитете. Сохраняя традиционные ценности, их необходимо обогащать современным содержанием. В этом процессе инновации должны проявляться не только в сфере технологий, но и в мышлении и духовности. По мнению А. Ковалева, «стремительный образ жизни современного человека, поддерживаемый с помощью использования последних технологий, может порождать усталость, депрессию, приводить к утрате интереса к традиционным ценностям и идеалам, лежащим в основе национального менталитета» [5, с. 67]. В заключение следует отметить, что глобальные информационные сети являются фактором, оказывающим значительное влияние на духовность молодежи. Рационально используя их позитивные возможности, обеспечивая гармонию национальных и универсаль-

ных ценностей и укрепляя воспитательную ответственность семьи и системы образования, можно превратить цифровое пространство в средство духовного развития.

Библиографический список

1. Мирзиеев Ш. Каждый успех нашей молодежи приумножают нашу силу. 30.06.2025 // URL: <https://president.uz/ru/lists/view/8277> (дата обращения: 28.03.2026).
2. Абдуллоева А.А., Ахророва М.У., Бурнашев Р.Ф. Информационно-психологическая безопасность в открытых информационных системах // Science and Education. 2023. Vol. 4, No. 5. P. 845-856.
3. Naveen K. Facebook Users Statistics // Global Data&Growth Trends. 2026 // URL: <https://www.demandsage.com/facebook-statistics/> (дата обращения: 28.03.2026).
4. Джумаева Г., Атаева А. Семейное воспитание у молодого поколения. // Международный научный журнал «Символ науки». 2023. № 6. С. 43-44.
5. Ковалев А.А. Технологии XXI века: влияние на национальный менталитет и культурное наследие // Вестник Поволжского института управления 2023. Т. 23, № 6. С.64-74.

УДК 130.2:316.7

Парадоксы цифровой трансформации городской музыкальной культуры

С.М. Гришко

*Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
e-mail: s.grishko2012@yandex.ru*

*Научный руководитель: В.И. Кудашов
доктор философских наук, профессор*

*Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
e-mail: vkudashov@mail.ru*

Paradoxes of Digital Transformation in Urban Musical Culture

S.M. Grishko

*Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
e-mail: s.grishko2012@yandex.ru*

*Scientific Supervisor: V.I. Kudashov
Doctor of Philosophy, Professor*

*Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
e-mail: vkudashov@mail.ru*

Аннотация. В докладе представлен социально-философский анализ процессов цифровизации музыкальной среды крупных региональных центров (на примере Красноярска). Обосновывается тезис о том, что в условиях исходного институционального дефицита внедрение цифровых технологий не приводит к качественной трансформации музыкальной культуры, а способствует консервации и усилению существующих структурных ограничений. Рассматриваются феномены «алгоритмической гомогенизации» и парадокс «доступности-невидимости». На основе концепции индустрии культуры Т. Адорно выявляется противоречие между технологической доступностью инструментов музыкального производства и фактической включенностью локальных авторов в социокультурное пространство города.

Ключевые слова: музыкальная культура, цифровизация, городская среда, индустрия культуры, алгоритмическая гомогенизация, культурная идентичность.

Abstract. The report presents a socio-philosophical analysis of the digitalization processes in the musical environment of large regional cities (on the example of Krasnoyarsk). The author argues that under conditions of initial institutional deficit, the introduction of digital technologies does not lead to a qualitative transformation of musical culture, but rather contributes to the preservation and intensification of existing structural constraints. The report examines the phenomena of “algorithmic homogenization” and the paradox of “accessibility-invisibility”. Based on T. Adorno’s concept of the culture industry, a contradiction is revealed between the technological accessibility of music production tools and the actual inclusion of local authors in the socio-cultural space of the city.

Keywords: musical culture, digitalization, urban environment, culture industry, algorithmic homogenization, cultural identity.

Исследование городской музыкальной культуры (на примере Красноярска) демонстрирует закономерность: специфика локальной идентичности обусловлена столкновением традиционных институциональных структур и цифровых трендов. В данном контексте цифровизация выступает не фактором трансформации, а механизмом консервации институционального дефицита, воспроизводя существующие противоречия. Эмпирическую базу исследования составили полуструктурированные интервью (2022-2025 гг., Красноярск) с экспертами локальной музыкальной индустрии: руководителями профильных площадок (А. Печкунов, МТБЦ «Пилот»), независимыми продюсерами (Б. Бородушкин, А. Надеяев) и представителями академической среды, интегрированными в независимые проекты (А. Шестопалов, Красноярская краевая филармония). Центральная проблема заключается в том, что техническая доступность средств создания и трансляции музыки (DAW, нейросети, стриминги) не приводит к формированию устойчивой городской музыкальной культуры. В этих условиях цифровая трансформация маскирует существующие разрывы. Как показал анализ региональной инфраструктуры, локальная среда изначально находится в состоянии инерционного производства, где музыка становится «средством вместо цели, фетишем» [1, с. 273]. Положение локального музыканта, существующего вне индустриальной инфраструктуры, обнажает разрыв между технической доступностью производства и дефицитом механизмов его социального включения в городское пространство.

Социология музыки. Философской базой анализа служат теории Т. Адорно, анализирующего музыку как социально опосредованное явление. В «Социологии музыки» он указывает, что индустрия культуры навязывает стандартизацию, где «мелодия и стихи шлягера должны неукоснительно следовать строгой схеме» [2, с. 31]. Чтобы продать продукт, используется «ложная индивидуализация» – создание видимости оригинальности там, где все подчинено шаблону [2, с. 36]. Для современного регионального мегаполиса этот тезис обретает особую остроту в контексте феномена кавер-музыки.

Доминирование в общественных пространствах подобного материала превращает музыку в «декорацию пустого времени» [2, с. 48], лишая культурный опыт авторской уникальности. Спрос на кавер-исполнение формируется, среди прочего, из-за ориентации аудитории на уже знакомый материал, а также стремления организаторов снизить риски: использование проверенных хитов позволяет быстрее и надежнее насытить программу, удерживающую внимание аудитории. Как

отмечает А. Печкунов, «нет желания (исполнять авторский материал), потому что на запрос отвечают...», в результате чего музыкальная среда все чаще выполняет обслуживающую роль, а не выступает как пространство для создания авторского культурного продукта.

В этой связи можно выделить первый уровень отчуждения: институциональные и рыночные механизмы фактически подменяют авторское высказывание стандартизированными формами. Однако к этому добавляется еще один уровень – технологический. Здесь стандартизация уже проникает в сам процесс работы со звуком. Возникает особая цифровая среда, в которой алгоритм выступает как инструмент, и как скрытый соучастник, формируя процесс алгоритмической гомогенизации.

Цифровая надстройка и алгоритмическая гомогенизация.

Цифровая трансформация проявляется в виде надстройки – внешнего технологического слоя, который накладывается на региональную сцену. Ключевым инструментом здесь выступают Digital Audio Workstations (DAW). Формально DAW демократизируют творчество, однако на практике способны привести к эффекту гомогенизации. Композиции разных авторов начинают звучать схоже из-за использования идентичных библиотек VST-плагинов и алгоритмов обработки.

Исследователи отмечают, что современные системы интеллектуального производства музыки (IMP) часто создают определенные «стабильно средние результаты» в микшировании и эквализации, что спровоцировано следованием жестким правилам [3, с. 126]. Под этим эффектом следует понимать алгоритмическую гомогенизацию музыкального продукта – процесс, при котором системные ограничения и стандартизированные наборы данных приводят к утрате культурного разнообразия и формированию усредненного звучания [4]. Это актуально также и для городской музыкальной культуры, что подтверждается мнением А. Надеяева, который фиксирует в региональной среде «дефицит осмысленного, творчески обоснованного применения инструментов», когда технология замещает субъективный поиск автора. В результате характер звучания музыкального продукта в эпоху цифровой надстройки вступает в конвергенцию с принципами Т. Адорно: теперь не только рыночный формат, но и сам программный алгоритм принуждает мелодию и звуковую фактуру следовать строгой схеме. Таким образом, логика индустрии культуры распространяется уже не только на массовый продукт, но и на область независимого производства. Сами по себе технологии (IMP, VST) нейтральны – ряд жанров (Vaporwave, Glitch) конституируется исключительно ими. Проблемой становится

характер их применения: в условиях дефицита компетенций и отсутствия культурного запроса технологии используются не как средство художественного поиска, а как механизм воспроизводства шаблонов.

Предельным выражением этой тенденции становится генеративный интеллект (например, Suno). В профессиональной среде такие инструменты характеризуются как «музыкальный клипарт» [5]. Генерация выступает механизмом окончательного отчуждения: предельно стандартизированный контент колонизирует рыночные ниши, вытесняя живого исполнителя за счет создания алгоритмически выверенного «шлягера», а не художественного превосходства. По оценкам представителей индустрии, к 2026 году доля сгенерированных треков в отечественных чартах может достигать порядка 15% [6]. Данная статистика требует осторожной интерпретации. В отсутствие обязательной маркировки мы имеем дело не с эстетическим выбором слушателя, а с эффективностью алгоритмической логистики. Генеративный интеллект выигрывает не в субъективном качестве музыкального продукта, а в скорости заполнения пустот аудиопотока. Для регионального автора это создает ситуацию двойного отчуждения: он вынужден конкурировать не с другими смыслами, а с безликой массой усредненно звучащего контента, который делает локальную идентичность окончательно невидимой в цифровом шуме.

Парадокс «доступности-невидимости» трактуется нами как структурное рассогласование между технической возможностью производства контента и отсутствием его социальной артикуляции. Так, именно этот парадокс стал ключевой чертой цифровой трансформации в регионах: техническая доступность рассогласована с социальным эффектом. Статистика подтверждает взрывной рост: доля стриминга в аудио потреблении выросла с 6,7% в 2012 году до 62% в 2020 году [7]. Однако этот рост не конвертируется в развитие локальной сцены и авторского творчества. Причиной этого является институциональный дефицит, вызванный «серьезным отставанием отечественных информационных технологий, отсутствием необходимого оборудования, программного обеспечения и собственно самого контента, которые требуются для масштабного развертывания процессов цифровизации в сфере культуры» [8, с. 62]. Возникает асимметрия: доступ слушателя контрастирует с изоляцией автора из-за слабого институционального обеспечения. Современные исследователи подчеркивают: «Своевременность и качество институционального обеспечения создают условия, способствуют более целенаправленной цифровой трансформации» [9, с. 41].

Музыкант в региональном центре оказывается в ситуации «симулякра»: инструменты для записи и дистрибуции есть, а реального влияния на городское пространство нет. Городская музыкальная сфера атомизируется, распадаясь на изолированные цифровые микросреды, которые не формируют общего коммуникативного поля. В итоге слабое взаимодействие учреждений культуры с независимыми музыкантами делает регионального автора социально невидимым. В текущих реалиях цифровизации, авторская музыка остается парадоксальным и закрытым явлением, которое «предстает подчеркнуто индивидуализированной практикой, как в стационарной, так и в портативной форме: она состоит из множества частных музыкальных пространств, составляющих облик коллективного урбанистического» [10, с. 36].

Успешная интеграция цифровых технологий наблюдается преимущественно на академическом уровне (например, «Всероссийский виртуальный концертный зал» или цифровые архивы локальных учреждений культуры), что обусловлено целевой государственной поддержкой и исторической устойчивостью институтов. Однако подобная система остается герметичной и изолированной от «городского» уровня музыкальной культуры, что лишь подчеркивает системную фрагментацию. Подходы, используемые в академической среде, следует рассматривать как кейсы, которые при учете запроса целевой аудитории способны уменьшить озвученный нами парадокс.

Концептуальные модели проектирования среды. Резюмируя результаты социально-философского и эмпирического анализа, можно выделить два ключевых барьера, препятствующих развитию городской музыкальной сцены в условиях цифровизации.

Во-первых, фиксируется проблема дисфункциональной интеграции цифровых технологий. В условиях институционального вакуума они внедряются фрагментарно, воспроизводя эффект технологического и творческого разрыва между институциями и независимыми авторами. На эту проблему прямо указывают представители локальной индустрии. Как отмечает А. Шестопалов, оценивая уровень взаимодействия учреждений и музыкантов в контексте цифровизации: «(Уровень) ниже среднего, нет свободного доступа в работе с профессионалами начинающим музыкантам, и, на мой взгляд, отсутствие взаимодействия учреждений с музыкантами в целом». Таким образом, вместо создания единой экосистемы технологии часто существуют изолированно от тех, кому они потенциально могли бы служить.

Во-вторых, прямым следствием этой дисфункции становится парадокс «доступности-невидимости». Автор, обладая инструментами создания контента, парадоксальным образом остается выключенным из социального пространства города. При этом изначальный потенциал цифровой среды как инструмента фиксации локальной культуры часто игнорируется или реализуется неравномерно. А. Надеяев, рассуждая о влиянии технологий на развитие культуры, справедливо подчеркивает: «(Цифровые технологии) позволяют точно и быстро фиксировать проявления культуры... и складывать их в копилку человеческой культуры». Однако на практике, как отмечает Б. Бородушкин, инициативы по фиксации независимой сцены часто остаются разовыми: «На нашем же красноярском фестивале эти музыканты (независимой сцены) еще ни разу не выступали. И вот это реальность, в которой мы сейчас живем».

Концептуальным решением проблемы институционального дефицита выступает теоретическая модель региональной цифровой экосистемы (творческая лаборатория и цифровой архив), реализуемая через два вектора:

1. Преодоление технологической предзаданности (инструментальный аспект). Вместо упрощенной генерации контента, предлагаемой массовыми программно-аппаратными решениями, деятельность лаборатории фокусируется на деконструкции стандартных цифровых паттернов. Взаимодействие автора с программной средой (DAW, VST) переводится из потребления шаблона в сознательный процесс освоения технологических ограничений. Это придает музыкальному производству характер осознанного творческого действия: технология здесь не подменяет автора алгоритмической логикой, а выступает как среда, с которой приходится работать, интерпретировать ее и согласовывать с собственным замыслом.

2. Цифровой архив и региональная идентичность. Данный ресурс в виде онлайн-платформы реализует функцию архива и стриминга региональной музыки. Фиксация актуальной обстановки музыкальной среды (записи выступлений, локальные жанровые трансформации, независимые инициативы) становится процессом сохранения региональной идентичности. Таким образом, решается обозначенный нами парадокс «доступности-невидимости»: авторский продукт в музыкальной культуре получает устойчивый статус средствами цифровых технологий. Это определяет цифровизацию не как фактор редуцирования локального своеобразия, а как технологическую базу для формирования идентичности региона.

Социально-философский анализ показывает, что цифровая трансформация в условиях регионального мегаполиса носит амбивалентный характер. С одной стороны, она демократизирует доступ к инструментам творчества, с другой – способствует алгоритмической гомогенизации и социальной атомизации. В ситуации инерционного производства городской музыкальной культуры, цифровизация остается надстройкой, а не инструментом преодоления актуальных проблем. В результате формируется разрыв между технической доступностью производства и фактической невозможностью встроиться в культурное пространство. В этом контексте корректнее говорить не о полноценной цифровой трансформации, а скорее о ее имитации – ситуации, когда внешние признаки развития присутствуют, но не сопровождаются реальными внутренними изменениями. На наш взгляд, в этом и проявляется парадокс цифровой трансформации городской музыкальной культуры.

Библиографический список

1. Адорно Т. Философия новой музыки. Пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. 352 с.
2. Адорно Т. Избранное: Социология музыки. Пер. с нем. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 448 с.
3. Moffat D., Sandler M. Approaches in Intelligent Music Production // Arts. 2019. Vol. 8, No. 4. P. 125-138.
4. Algorithmic Homogenization // URL: <https://prism.sustainability-directory.com/term/algorithmic-homogenization/> (дата обращения: 28.03.2026).
5. Reedy D. Suno is clip art for music // Production Expert. 2024 // URL: <https://www.production-expert.com/articles/suno-ai> (дата обращения: 25.03.2026).
6. Сколько в российских чартах ИИ-треков // Национальная служба новостей. 2026 // URL: <https://nsn.fm/music/produser-kraev-nazvalchislo-ii-trekov-v-muzykalnyh-chartah> (дата обращения: 29.03.2026).
7. Цифровые тренды музыкальной индустрии // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 2022 // URL: <https://issek.hse.ru/news/682320829.html> (дата обращения: 12.02.2025).
8. Музычук В.Ю. Основные направления цифровизации в сфере культуры: зарубежный опыт и российские реалии // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 5. С. 49-63.

9. Логачева Н.М., Тихонова О.К. Институциональное обеспечение цифровой трансформации регионов Российской Федерации // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2024. Т. 26, № 2. С. 39-52.

10. Гольденцвайг Г.Д. Феномен «музыки-в-облаке» в российских реалиях: проблематика ценности // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2014. № 3. С. 26-38.

УДК 005.095

**Современные тенденции развития корпоративных медиа
в российских компаниях**

П.В. Ерусланкина
кандидат педагогических наук, доцент

Н.А. Козелов

*Московский автомобильно-дорожный государственный технический
университет, г. Москва, Россия
e-mail: polinafursova@yandex.ru*

**Current Trends in the Development of Corporate Media in Russian
Companies**

P.V. Eruslankina
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

N.A. Kozelov

*Moscow Automobile and Road Construction State Technical University,
Moscow, Russia
e-mail: polinafursova@yandex.ru*

Аннотация. В докладе исследуются современные тенденции развития корпоративных медиа в российских компаниях в условиях цифровой трансформации бизнеса. На основе анализа научной литературы и практик ведущих отечественных организаций, уточнены понятие, функции и классификация корпоративных медиа, проанализирована трансформация их форматов от традиционных печатных изданий к мультимедийным платформам. Особое внима-

ние уделено развитию корпоративных подкастов, интеграции медиа в единые цифровые экосистемы, а также процессам кооперации и импортозамещения в медиаинфраструктуре. Результаты исследования показывают, что корпоративные медиа в России эволюционируют от информационного канала к стратегическому инструменту управления персоналом и формирования корпоративной культуры. Приведены практические примеры успешных корпоративных медиа крупных российских компаний.

Ключевые слова: корпоративные медиа, корпоративные коммуникации, внутренние коммуникации, цифровая трансформация, мультимедийные платформы, корпоративные подкасты, экосистемный подход.

Abstract. The report examines current trends in the development of corporate media in Russian companies amidst the digital transformation of business. Based on an analysis of scientific literature and the practices of leading Russian organizations, the concept, functions, and classification of corporate media are clarified, and the transformation of their formats from traditional print publications to multimedia platforms are analyzed. Particular attention is paid to the development of corporate podcasts, the integration of media into unified digital ecosystems, and the processes of cooperation and import substitution in the media infrastructure. The study's results demonstrate that corporate media in Russia are evolving from an information channel to a strategic tool for HR management and the development of corporate culture. The report provides practical examples of successful corporate media at large Russian companies.

Keywords: corporate media, corporate communications, internal communications, digital transformation, multimedia platforms, corporate podcasts, ecosystem approach.

В последние годы российские компании все активнее используют корпоративные медиа для взаимодействия с сотрудниками, формирования корпоративной культуры и укрепления внутренних коммуникаций. Это связано с глубокими изменениями в экономике, вызванными цифровизацией производственных и управленческих процессов, а также с растущей потребностью бизнеса в эффективных инструментах управления персоналом. Традиционные формы корпоративных изданий – многотиражные газеты и журналы – постепенно уступают место новым форматам, интегрированным в единые информационные системы компаний. Одновременно с этим возрастает роль корпоративных медиа как средства повышения вовлеченности и лояльности сотрудников, что делает их важным объектом научного и практического интереса. По данным исследования, проведенного Н.В. Рубцовой, в 2022 году был со-

ставлен рейтинг лучших корпоративных изданий России, включающий такие компании, как Объединенная двигателестроительная корпорация, КАМАЗ, «Газпром нефть», «Росатом» и другие [1]. Это свидетельствует о том, что крупные российские компании уделяют серьезное внимание развитию собственных медиа, рассматривая их не как вспомогательный, а как стратегически значимый инструмент управления. Вместе с тем, как отмечают Р.П. Баканов, В.С. Майоров и Д.В. Туманов, современные корпоративные медиа вынуждены осваивать интернет-пространство и искать новые методы работы с аудиторией, поскольку традиционные форматы перестают быть достаточными для эффективной коммуникации [2]. Это подтверждается и выводами М.В. Евсеева, который на основе анализа деятельности двух промышленных корпораций Уральского федерального округа показал, что наиболее актуальным способом организации медиапроизводства становится кросс-медийный подход, объединяющий различные каналы и форматы [3]. В современной научной литературе понятие «корпоративные медиа» рассматривается как многогранный феномен, занимающий особое место в системе управления организацией. Д.А. Мурзин определяет корпоративную прессу как «периодические печатные издания, выпускаемые коммерческими и некоммерческими организациями для достижения уставных целей и задач, преимущественно для внутренней аудитории» [4]. Более широкое определение предлагает Ю.В. Чемякин, который рассматривает корпоративные СМИ как «систему периодических информационных изданий, выпускаемых компаниями для внутренней и внешней аудитории с целью формирования благоприятного имиджа, укрепления корпоративной культуры и обеспечения эффективных коммуникаций» [5].

Н.В. Рубцова, обобщая существующие подходы, предлагает следующее определение: корпоративные медиа – это «совокупность каналов коммуникации, находящихся в ведении организации и используемых для целенаправленного воздействия на внутреннюю и внешнюю аудиторию с целью формирования корпоративной идентичности, управления репутацией и повышения лояльности стейкхолдеров» [1]. В научной литературе выделяются следующие ключевые функции корпоративных медиа: информационная – оперативное информирование сотрудников о событиях в компании, изменениях в организационной структуре, достижениях и планах развития; коммуникативная – обеспечение обратной связи между руководством и персоналом, создание платформы для горизонтальных коммуникаций между сотрудниками; идентификационная – формирование чувства принадлежности к органи-

зации, укрепление корпоративной идентичности и приверженности общим ценностям [6]; управленческая – трансляция стратегических решений руководства, разъяснение целей и задач, координация действий различных подразделений; воспитательная (социализирующая) – трансляция корпоративных норм и правил, формирование модели поведения сотрудников, соответствующей корпоративной культуре [7]. Классификация корпоративных медиа может осуществляться по различным основаниям. В зависимости от целевой аудитории выделяют внутренние корпоративные медиа (ориентированные на сотрудников организации); внешние корпоративные медиа (ориентированные на клиентов, партнеров, инвесторов); гибридные издания, работающие одновременно на внутреннюю и внешнюю аудиторию [8]. По формату и каналу распространения корпоративные медиа подразделяются на: печатные (газеты, журналы, бюллетени); электронные (рассылки, корпоративные порталы, интранет); аудиовизуальные (корпоративное телевидение, видеоролики); аудиальные (корпоративные подкасты, радио); мультимедийные (интегрированные платформы, мобильные приложения).

Таблица 1

Сравнительная характеристика традиционных и современных форматов корпоративных медиа

Критерий сравнения	Традиционные форматы (печатные издания)	Современные форматы (цифровые платформы)
Периодичность выпуска	Ежемесячная, ежеквартальная	Ежедневная, в режиме реального времени
Скорость распространения информации	Низкая (от дней до недель)	Высокая (от минут до часов)
Интерактивность	Отсутствует	Высокая (комментарии, обратная связь)
Возможность персонализации	Низкая	Высокая (адаптация под интересы пользователя)
Охват аудитории	Ограниченный тиражом	Широкий (доступ с любого устройства)
Измеримость эффективности	Сложная (опросы, тираж)	Простая (метрики просмотров, вовлеченности)
Затраты на производство	Высокие (печать, доставка)	Средние (разработка, поддержка)

Таким образом, представленные критерии позволяют утверждать, что цифровая трансформация корпоративных медиа – это не просто замена одного формата другим, а качественный переход к новой модели коммуникации, в основе которой лежат интерактивность, персонализация и возможность оперативного измерения эффективности. Переход от традиционных печатных изданий к мультимедийным платформам является одной из ключевых тенденций развития корпоративных медиа в России. Как отмечают Р.П. Баканов, В.С. Майоров и Д.В. Туманов, современные корпоративные медиа осваивают интернет-пространство, используя для взаимодействия с аудиторией 13 различных типов методов, среди которых – создание собственных сайтов и приложений, активное присутствие в социальных сетях, использование мессенджеров для рассылок и обратной связи [2].

Л.В. Минаева в своем исследовании эволюции корпоративных медиа выделяет переход от монологической модели коммуникации (издание информирует сотрудников) к диалогической модели, предполагающей активное взаимодействие и соучастие аудитории в формировании контента [9]. Этот переход связан с распространением корпоративных социальных сетей, где сотрудники могут не только получать информацию, но и обсуждать ее, предлагать свои идеи и участвовать в обсуждении стратегических решений. М.В. Евсеев на основе анализа деятельности двух промышленных корпораций Уральского федерального округа показывает, что наиболее актуальным способом организации медиапроизводства становится кросс-медийный подход, предполагающий создание единого контента для разных платформ с адаптацией под специфику каждого канала [3]. Это позволяет компании оптимизировать ресурсы на производство контента и одновременно обеспечивать присутствие во всех значимых для аудитории точках контакта.

Особое место в системе современных корпоративных медиа занимают корпоративные подкасты. Как показывают исследования, проведенные в рамках изучения коммуникационных практик банковского сектора, подкасты становятся эффективным инструментом продвижения бренда работодателя, формирования долгосрочного доверия с аудиторией и повышения репутации компании. Сбер, ВТБ, Газпромбанк, Т-Банк активно развивают собственные подкаст-проекты, используя их как для внешней, так и для внутренней аудитории. Анализ современных практик позволяет выделить несколько устойчивых трендов развития корпоративных медиа в России.

Тренд 1. Консолидация медиаплатформ в экосистемы. Вместо автономного развития и прямой конкуренции российские компании интегрируют собственные медийные активы. Примером служит «Газпром-Медиа Холдинг», объединивший RUTUBE, PREMIER и Yappy. Результатом становится не борьба за пользователя, а совместное использование контента и инфраструктуры.

Тренд 2. Импортозамещение в медиаинфраструктуре. Санкционные ограничения 2022-2025 годов ускорили отказ от западного программного обеспечения и хостингов. Организации массово внедряют российские системы для внутренних порталов (интранет) и внешних коммуникаций. Переход приобрел характер не добровольного выбора, а вынужденной меры.

Тренд 3. Персонализация контента. Унифицированные новостные ленты не учитывают профессиональные интересы разных групп сотрудников (например, инженеров, логистов, ИТ-специалистов). Современные корпоративные медиа используют рекомендательные алгоритмы, анализирующие должность, стаж, географию и историю просмотров пользователя для подбора релевантных материалов.

Тренд 4. Интеграция с HR-процессами. Корпоративные медиа перестают быть только каналом информирования. Они включаются в решение кадровых задач: привлечение соискателей (бренд работодателя), онбординг новичков, дистанционное обучение и мониторинг вовлеченности персонала.

Тренд 5. Рост популярности аудиального формата (подкастов). Подкаст не требует визуального внимания, что позволяет потреблять контент в транспорте или во время рутинных операций. Кроме того, живая речь топ-менеджеров воспринимается аудиторией как менее формальная и более доверительная по сравнению с письменными сводками. Этим объясняется увеличение числа корпоративных подкаст-проектов с участием руководства.

В основе выделенных трендов лежат три ключевых драйвера: 1) цифровизация бизнес-процессов. Она формирует технологический базис: организации, не обновляющие коммуникационные инструменты, теряют актуальность во внутренней информационной повестке; 2) усложнение организационной структуры крупных компаний. С ростом численности персонала и филиальной сети традиционные каналы коммуникации перестают обеспечивать охват всех сотрудников, что делает необходимым внедрение корпоративных социальных сетей, мессенджеров и порталов; 3) развитие HR-бренда. Корпоративные медиа (соци-

альные сети компании, подкасты, внутренние издания) становятся основным каналом трансляции ценностей работодателя. Регулярное освещение деятельности и достижений сотрудников напрямую влияет на их лояльность. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о комплексном характере трансформации корпоративных медиа в российских компаниях. Анализ теоретических подходов и практик ведущих организаций показал, что корпоративные медиа эволюционируют от информационного канала к стратегическому инструменту управления персоналом и формирования корпоративной культуры. Как показывают данные сравнительного анализа, наибольшую эффективность демонстрируют компании, которые рассматривают корпоративные медиа не как вспомогательный инструмент, а как неотъемлемую часть стратегии управления человеческими ресурсами. Объединение платформ в единые экосистемы, использование современных форматов (подкасты, видеоконтент, социальные сети) и активное вовлечение сотрудников в создание контента позволяют не только повысить эффективность коммуникаций, но и сформировать устойчивую корпоративную идентичность. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением влияния искусственного интеллекта на производство корпоративного контента, анализом эффективности различных моделей корпоративных подкастов, а также разработкой методик оценки экономической эффективности инвестиций в корпоративные медиа.

Библиографический список

1. Рубцова Н.В. Корпоративные медиа как инструмент внутренних и внешних коммуникаций в организации: понятие и классификация // Вестник Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32, № 3. С. 512-520.
2. Баканов Р.П., Майоров В.С., Туманов Д.В. Трансформация методов работы с аудиторией российских корпоративных медиа в интернет-пространстве // TURISMO-ESTUDOS E PRATICAS. 2019. Т. 2 // URL: https://repository.kpfu.ru/?p_id=220355 (дата обращения: 28.03.2026).
3. Евсеев М.В. Особенности развития корпоративных коммуникаций в сетевом обществе: мультимедиа, кросс-медиа и трансмедиа // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2025. Т. 25, № 4. С. 79-87.

4. Мурзин Д.А. Феномен корпоративной прессы. М.: Издательский дом «Хроникер», 2005. 188 с.
5. Чемякин Ю.В. Корпоративные СМИ: секреты эффективности. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс Пи», 2006. 184 с.
6. Гвозданская Н.В. К вопросу о жанровом разнообразии корпоративного медиадискурса // Наука и образование: современные тренды. 2020. № 4. С. 76-82.
7. Олтаржевский Д.О. Социальная роль корпоративных медиа // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 3 (116). С. 34-41.
8. Рыжикова Л.Н. Функции корпоративных изданий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 8. С. 39-43.
9. Минаева Л.В. Internal Press as Dialogue-Unison // RUDN Journal of Semiotics and Semantics. 2023. Т. 14, № 2. С. 524-538.

УДК 13.07.25

**Трансформация общественной культуры вследствие внедрения
искусственного интеллекта: угрозы современные и вероятностные**

В.А. Игнатенко

*Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск,
Россия
e-mail: ignatenko.well@mail.ru*

**Transformation of Public Culture due to the Introduction of Artificial
Intelligence: Current and Possible Threats**

V. A. Ignatenko

*Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
e-mail: ignatenko.well@mail.ru*

Аннотация. В докладе анализируются социальные угрозы, обусловленные внедрением искусственного интеллекта. Автор выделяет ряд факторов, влияющих на трансформацию общественной культуры. В их числе указаны искажение восприятия существующей реальности, снижение когнитивных функций у пользователей готовой информацией, получаемой от искусственного интеллекта.

та, трансформацию ценностей и сублимацию творческого начала личности для обогащения плодами своего труда общественной культуры. В заключении автор приходит к выводу, что реальность требует консолидированных усилий всего Человечества, чтобы приостановить процесс инволюции человеческой Цивилизации, связанный с бесконтрольным движением к «технологическому Раю».

Ключевые слова: общество, культура, искусственный интеллект, социальные угрозы, ценности, творчество.

Abstract. The report analyzes the social threats posed by the introduction of artificial intelligence. The author identifies a number of factors influencing the transformation of public culture. They include the distorted perception of the existing reality, a decline in the users' cognitive function of the ready-made information obtained from artificial intelligence, a transformation of values, and the sublimation of individual creativity to enrich the public culture with the results of our labour. The author concludes that reality requires the consolidated efforts of all humanity to halt the process of involution of the human civilization associated with the uncontrolled movement towards the "technological Paradise".

Keywords: society, culture, artificial intelligence, social threats, values, creativity.

В современной философии существуют различные концептуальные подходы для понимания такого феномена, как общество. В частности, Э.В. Островский рассматривает его не только «как самодостаточную социальную систему», но и как «продукт совместной деятельностью людей», создающий «условия для своего существования» [1, с. 394]. При этом деятельность человеческого общества не ограничивается исключительно производством материальных средств, необходимых для его существования, но и осуществляется для производства предметов религиозных культов и искусства, характеризующих человечество как совокупность духовных созданий. Также сама жизнедеятельность общества не ограничивается созданием предметов материального и духовного назначения, так как «она осуществляется одновременно как познавательный, нравственный, эстетический, религиозный, а затем, как политический и правовой процесс» [2, с. 146-147].

В свою очередь, вся система ценностей, создаваемых внутри человеческого общества, именуется «культурой» [3, с. 6-7]. Вследствие этого, мы вправе трактовать понятие «культура» как аксиологическую сторону жизнедеятельности человеческого социума. Здесь важно отметить, что сам «генезис культуры» осуществляется «как целостный процесс с

усвоением и сохранением ценностей прошлого, трансформацией и обогащением их в настоящем и передачей этих ценностей как исходного материала, для культуры будущего» [4, с. 51]. В свою очередь общественная культура «функционирует как живая система ценностей, как живой организм до тех пор, пока активно действует человек как творческое, созидающее ...существо» [там же]. Однако «в современном мире ...в условиях культурных расколов и социокультурных кризисов, растущей роли нестабильности, социальных процессов, столкновения и мутации культурных парадигм», все более «усугубляется катастрофизмом влияния на сознание человека информационных потоков» [5, с. 568]. В качестве одного из наиболее заметных социокультурных информационных факторов, влияющих на современное состояние общественной культуры, выделим создание и активное внедрение в повседневную жизнь искусственного интеллекта. Сразу следует оговориться, что в условиях, когда общество, отойдя от пути духовного развития, все более активно устремляется по пути технократии, вопрос о неизбежности создания такого «Голема» являлся уже предопределенным. Однако, памятуя еврейскую притчу о Големе и исходя из аналогии с искусственным интеллектом, следует констатировать, что он приносил своему создателю много пользы, пока не стал поступать по своему произволу, выбрав модель деструктивного поведения, вследствие утраты контроля над ним. Притча о Големе является предостережением для человечества: нельзя ждать благостей от того, кто лишен души, любви и гуманизма. Так, о реальности угроз, связанных с активным внедрением в нашу жизнь искусственного интеллекта, давно бьют тревогу представители научного сообщества и практикующие специалисты, например, С.И. Макаренко [6], А.Н. Завьялова, К.Р. Гордышев, Д.А. Рудых [7], И.А. Капунов [8], Е.С. Ларина, В.С. Овчинский [9], Л.В. Савин [10], И.В. Сурма [11], Н.С. Турсунбаева, Н.Б. Беккулов [12] и другие. Однако до настоящего времени в имеющейся совокупности научных трудов отсутствуют исследования, посвященные влиянию феномена «искусственный интеллект» на общественную культуру.

Анализируя уровень внедрения в жизнь современного общества искусственного интеллекта, следует выделить следующие угрозы, освещенные современными исследователями: 1) связанные с внедрением искусственного интеллекта *в области просвещения и образования* [13], включающие в себя, в том числе, угрозы для личности обучающихся, связанные с использованием искусственного интеллекта в процессе обучения [14], где особую угрозу представляет обучение посред-

ством нейросетей [15]; 2) обусловленные внедрением систем искусственного интеллекта *в производственный сектор экономики*, связанные со значительным высвобождением рабочих мест, в том числе, высококвалифицированных специалистов из интеллектуальной сферы экономики государства [16]; 3) угрозы при использовании искусственного интеллекта *в сфере управления*, включая управление персоналом, связанные как с ошибками при обучении нейросетей, вследствие чего полученные результаты не будут соответствовать целевым установкам, так и «искаженность информации» в результате системных сбоев и поломки системы. Помимо этого, следует отметить неспособность искусственного интеллекта рационально оценивать поступки людей, связанные с особенностями их психики и субъективными факторами, присущими каждой отдельной личности [17]; 4) *в области охраны общественного порядка и борьбы с преступностью*, возникающие с возрастающей ролью использования технологий искусственного интеллекта как инструмента преступной деятельности [18], включая «угрозы, создаваемые искусственным интеллектом: от глубоких фейков до автономных атак» [19]. Это, в первую очередь, обусловлено поведением самих пользователей сети, использующие технологии искусственного интеллекта и подвергающихся опасности утратить свои персональные данные и конфиденциальность [20]; 5) *в области кибернетической и национальной безопасности*, «в целом» [21, с. 266]. Так эксперты предсказывают скачкообразный рост количества и сложности кибернетических атак и «кибертерроризма» с использованием систем искусственного интеллекта, что делает их более целенаправленными и персонифицированными с учетом таких индивидуальных параметров объектов кибератак, «как пол, возраст, уровень дохода, сфера деятельности» [22, с. 279]; 6) самой значительной угрозой использование искусственного интеллекта является *сфера обороны* и, соответственно, использование данных технологий в ходе информационных [23] и других конвенциональных войн. Информационные войны, осуществляемые с применением искусственного интеллекта, наиболее остро проявляются в массовой генерации «фальшивого контента в целях дезинформации и пропаганды», где «недостовверная информация является одной из главных угроз обществу» [24, с. 332]. При использовании искусственного интеллекта в ходе военных действий выявлено, что алгоритмы действий искусственного интеллекта не поддаются человеческой логике и правилам, в них отсутствует моральная составляющая, связанная с гуманизмом, а также в расчет не берутся «огромные человеческие потери»

и сопутствующие жертвы среди гражданского населения [25, с. 473]. Помимо этого отмечается, что искусственный интеллект по стратегическим направлениям обороны государства функционирует как в сторону оптимизации деятельности «систем боевого управления», так и в сторону индивидуализации «бортовых систем управления конкретных средств доставки ядерного оружия» [26, с. 79]. Однако самой большой угрозой является фактор вывода человека из системы контроля над искусственным интеллектом, и эти технологии становятся «более опасными в сфере обороны» [27, с. 83]; 7) обусловленные *сущностью самого искусственного интеллекта*, в частности, способностями к саморазвитию [28] и самообучению. Именно вследствие этого, искусственный интеллект «нуждается в постоянном контроле со стороны человека» [29, с. 388].

Таким образом, исходя из приведенного выше анализа угроз, создаваемым искусственным интеллектом для человеческого общества, можно сделать следующие выводы о степени трансформации общественной культуры, связанной с влиянием на нее искусственного интеллекта: 1) в целях манипулирования общественным мнением, путем создания глубоких фейков посредством искусственного интеллекта *происходит искажение восприятия существующей реальности*. Даже в случае разоблачения сгенерированного видео контента, на уровне подсознания каждого индивида остается убеждение, что сгенерированное событие происходило в действительности, так как при его просмотре была затрачена психическая энергия в рамках эмоциональной сферы личности; 2) вследствие уверенности в возможности постоянно и незамедлительно получить готовую информацию посредством искусственного интеллекта, у пользователей *происходит снижение когнитивных функций* из-за отсутствия необходимости в самостоятельном поиске, анализе и интерпретации искомой информации. В связи с этим, отпадает необходимость в критическом осмыслении получаемой информации, а также в ее запоминании, что, в свою очередь, влияет как на формирование индивидуального сознания, так и долговременной памяти пользователя. Кроме этого, в результате привыкания к ощущению возможности постоянного контакта с источником информации в лице искусственного интеллекта, у большого количества пользователей *происходит трансформация ценностей*, обусловленная уверенностью в возможности обратиться за его помощью в любой момент времени, что вызывает стойкую зависимость от него; 3) в настоящее время *происходит сублимация творческого начала личности по обогащению плодами*

своего труда общественной культуры. Это ведет не только к затруднениям в «культурной самоидентификации» личной креативности, но и к снижению у значительного количества индивидов творческого, созидательного начала. Таким образом, в рамках действующей культурной парадигмы, вследствие легкомысленно и бесконтрольного использования искусственного интеллекта современная Цивилизация подошла к той черте, когда уже сам искусственный интеллект может сделать вывод о том, что самый большой враг человеческой Цивилизации – это сам человек. В связи с этим можно полагать, что в существующей реальности требуются консолидированные усилия всего Человечества, чтобы приостановить процесс инволюции, связанный с бесконтрольным движением к «технологическому Раю». Для достижения этой цели следует вернуться к духовным истокам человеческой культуры, в которых заложена Братская Любовь, а все Человечество воспринимается как единый организм.

Библиографический список

1. Философия. Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Лавриненко и В.П. Ратникова. М.: ЮНИТИ, 2000. 584 с.
2. Философия. Курс лекций / Под ред. В.Л. Калашникова. М.: ВЛАДОС, 1999. 384 с.
3. Культурология / Под ред. проф. А.Н. Марковой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 400 с.
4. Культурология / Сост. и отв. ред. А.А. Радугин. М.: Центр, 1997. 304 с.
5. Культурология / Под ред. Г.В. Драча. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 576 с.
6. Макаренко С.И. Искусственный интеллект и когнитивное оружие как стратегический тип вооружений в войнах будущего // Системы управления, связи и безопасности. 2025. № 4. С. 47-67.
7. Завьялова А.Н., Гордышев К.Р., Рудых Д.А. Искусственный интеллект как проблема морального выбора в войнах современности // Цифровые трансформации в образовании. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2023. С. 135-143.
8. Капунов И.А. Изменение принципов войны при использовании искусственного интеллекта // Математика и математическое моделирование. Сборник материалов XVII Всероссийской молодежной научно-инновационной школы. Саров, 2023. С. 404-405.

9. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Искусственный интеллект на войне // Искусственный интеллект. Теория и практика. 2025. № 1 (9). С. 43-53.
10. Савин Л.В. Война и искусственный интеллект: Видение США // Информационные войны. 2020. № 4 (56). С. 38-47.
11. Сурма И.В. Трансформация международной безопасности в условиях вызовов и угроз технологий искусственного интеллекта // Трансформация международной безопасности в XXI веке: Россия, Запад и Глобальный Юг. Сборник материалов международной научно-практической онлайн-конференции. М., 2024. С. 70-78.
12. Турсунбаева Н.С., Беккулов Н.Б. Влияние новых технологий ведения войны (искусственный интеллект, кибервойна, автономные вооружения) // Известия Исык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии. 2025. № 2 (49). С. 657-662.
13. Смирнова В.А. Искусственный интеллект в системе высшего образования: угрозы и преимущества // Современное педагогическое образование. 2025. № 7. С. 42-45.
14. Богатырева Ю.И., Привалов А.Н., Смирнов В.А. Модель угроз личности обучающихся при применении систем искусственного интеллекта // Вестник РГТУ. Серия: Информатика. Информационная безопасность. Математика. 2025. № 1. С. 70-94.
15. Маслодудова Н.В. Нейтральности искусственного интеллекта как угроза унификации мировоззрения, формирования социально опасных зависимостей и конца человеческой истории // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты. Материалы Международного научно-практического семинара. Красноярск, 2024. С. 111-115.
16. Гандаева С.М., Яударов Ш.С. Искусственный интеллект в производственном секторе: повышение производительности и угрозы для рабочих мест // Перспективы научных исследований в рамках актуальных приоритетов научно-технического развития. Материалы Молодежной научно-практической конференции. М., 2025. С. 172-175.
17. Овчинникова О.П., Лебедева Д.В. Искусственный интеллект в управлении персоналом: возможности и угрозы // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 4 (89). С. 55-66.
18. Осипенко А.П. Технологии искусственного интеллекта в преступной деятельности: новые угрозы и вызовы // Общество и право. 2023. № 4 (86). С. 15-25.

19. Киреева Н.В. Угрозы, создаваемые искусственным интеллектом: от глубоких фейков до автономных атак // Актуальные проблемы информатики, радиотехники и связи. Материалы XXXII Российской научно-технической конференции. Самара, 2025. С. 101-102.

20. Сальников А.Н. Существующие угрозы безопасности пользователей искусственного интеллекта // Российская наука: актуальные исследования и разработки. Сборник научных статей XIX Всероссийская научно-практическая конференция. Самара, 2025. С. 53-56.

21. Комогоров Т.Е. Искусственный интеллект в Российской Федерации: угрозы в сфере национальной безопасности // Law After Known: право за гранью обыденного. Материалы III Международного молодежного юридического форума. Тюмень, 2024. С. 264-267.

22. Гуськова А.Б., Калимуллин Н.Р. Современные угрозы обществу с внедрением искусственного интеллекта // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2020. Т. 12, № 1. С. 275-281.

23. Нестик Т.А., Михеев Е.А. Информационные войны с использованием систем искусственного интеллекта: анализ психологических механизмов воздействия // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4, № 4. С. 148-174.

24. Ильин А.В. Искусственный интеллект как инструмент современных информационных войн: угрозы для национальной безопасности // Время науки: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей VII Международная научно-практическая конференция. Пенза, 2025. С. 331-334.

25. Тюкаева Г.А. Противоречия применения искусственного интеллекта как нового метода ведения войн // Вторая мировая война и современные тенденции по искажению ее итогов и послевоенного мироустройства. Доклады и материалы Международной научно-практической конференции: в 5 томах. М., СПб., 2025. С. 466-479.

26. Ромашкина Н.П., Стефанович Д.В. Искусственный интеллект и естественная война // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23, № 6 (136). С. 69-83.

27. Георгиу Т.С. Война, искусственный интеллект и человек: куда мы направляемся? // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 76-85.

28. Волков Г.В. Саморазвитие искусственного интеллекта как основная угроза дестабилизации национального социума в условиях прокси-войны с глобальным Западом // Актуальные вопросы современной

науки и образования. Материалы XI научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 2024. С. 71-75.

29. Рим М.А. Эволюция искусственного интеллекта – реальные и гипотетические социальные угрозы // Социология и право. 2024. Т. 16, № 3. С. 380-390.

УДК 304.9

Социальные нормы в поликультурном мире: ожидания и противоречия

М.С. Кальней
кандидат философских наук, доцент

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: marina.kalnej@yandex.ru*

Social Norms at Multicultural World: Expectations and Contradictions

M.S. Kalney
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: marina.kalnej@yandex.ru*

Аннотация. В докладе рассматриваются особенности социальных норм в поликультурном мире. Одним из преимуществ информационного общества перед традиционным считается возможность равного диалога различных субкультур и ценностей вместо тоталитарного навязывания единой системы норм. Основное противоречие этих представлений связано с системой контроля и поддержания такого диалога и риском ее трансформации в тоталитарный контроль за эмоциональной сферой индивида.

Ключевые слова: субкультура, социальные нормы, социальная система, социальные запреты, социальный контроль, социальные роли, ценности, тоталитаризм.

Abstract. The report discusses the specifics of social norms in the multicultural world. One of IT-society advantages in comparison with the traditional society is an

opportunity of equal different sub-cultures and value system dialogue against totalitarian imposing of the unified norms. Basic contradiction of the concept is connected with the dialogue control, a risk of its transformation into the totalitarian control system in the individual emotional sphere.

Keywords: sub-culture, social norms, social prohibitions, social control, social roles, values, totalitarianism.

Одной из особенностей текущей социокультурной ситуации является трансформация общества и личности в соответствии с закономерностями бытия в высокотехнологичном поликультурном мире. В связи с этим пересматриваются многие социальные нормы, ставится под сомнение оправданность традиционно конституировавших общество социальных запретов и предписаний. Это вызывает необходимость рассмотрения тех мировоззренческих установок, которые послужат базой для кооперации в новых условиях общественного бытия.

Особенность этих новых условий отметил Э. Тоффлер в работе «Шок будущего»: «Где когда-то существовало несколько относительно постоянных субкультур, с которыми человек мог идентифицироваться, сейчас тысячи временных субкультур, сгруппировавшихся вокруг, сталкивающихся и увеличивающихся в числе. Мощные узы, которые связывали индустриальное общество – узы закона, общих ценностей, централизованного и стандартизированного образования и культурного производства, – сейчас разорваны» [1, с. 327].

Сходный взгляд на проблему социальных связей в высокотехнологичном обществе выражает американский экономист Р. Флорида: «Социальные структуры, в прошлом служившие основой общества, сегодня теряют свою значимость. Сильные связи, которые были когда-то очень важными для людей, уступают место слабым связям. Прежние социальные структуры, которые раньше поддерживали людей, теперь становятся все более сдерживающими и ограничивающими» [2, с. 269]. Иными словами, происходит фрагментация общества и распад общей базы, конституировавшей социальное бытие. Одним из существенных факторов здесь оказывается ослабление системы социальных взаимосвязей, структурировавшей выполнение индивидом социальных ролей. В связи с этим возникает потребность поиска новых основ для общественного консенсуса. По утверждению американского социолога И. Валлерстайна, «мы живем в эпоху «группизма» – образования групп, имеющих защитный характер, каждая из них стремится к достижению самосознания, на базе которого упрочивается солидарность и борьба за выжива-

ние одновременно с борьбой против других таких же групп» [3, с. 10]. Это предполагает раскол социальной системы на множество подгрупп, каждая из которых обеспечивает индивиду социальную и психологическую безопасность, взамен требуя лояльности и выполнения предписанных функций. Для того чтобы избежать подавления личности и доминирования в обществе тоталитарных субкультур, необходимо развивать навыки диалога, как основу бытия в поликультурном мире.

Эту особенность высокотехнологичного общества подчеркивает В.Л. Иноземцев: «Ежедневно сталкиваясь с необходимостью учёта чужого мнения и чужих прав, люди становятся менее склонными к анти-социальным формам поведения, у них возникает более чёткое понимание границ частной жизни и принципа неприкосновенности личности» [4, с. 236]. Способствует этому фактору атомизация общества: «Слабые связи позволяют общаться с новыми людьми и получать новую информацию, а значит, у вас появляется источник новых идей и новые возможности, о которых вы прежде не знали» [2, с. 270]. Природа слабых социальных связей позволяет индивиду прекратить их своим волеизъявлением и сформировать новые отношения. Это приводит к пониманию ценности многообразия форм социального бытия, открытости к принятию нового образа жизни. Следовательно, отмирает нетерпимость к чужому мнению и чужой системе ценностей. Таким образом, в поликультурном мире социальные связи недостаточно сильны, чтобы против воли удержать индивида в системе отношений. Поэтому необходим диалог между группой и индивидом. Выработка навыка к диалогу и договоренности на уровне базовых социальных ячеек формирует навык к диалогу как основе отношений между различными группами и субкультурами. Такая система социальных норм и контроля противопоставляется тоталитаризму. Общеизвестными признаками тоталитарного политического режима считаются монополия на власть одной политической партии и тотальная идеологизация всех сторон жизни индивида. С точки зрения И.А. Ильина, «тоталитаризм состоит в исключении всей и всякой самостоятельности граждан: их личной свободы, их корпоративной организации, их местного и профессионального самоуправления, их усмотрения в делах личных и семейных, их хозяйственной инициативы и их культурной самостоятельности» [5, с. 48].

Все эти внешние подавления частной инициативы формируют тип социального характера, одну из доминирующих особенностей которого описывает А.А. Зиновьев: «Этот тип интеллекта очень похож на диалектический метод мышления (как научный метод ориентации в слож-

ной и изменчивой системе событий общественной жизни), но на самом деле таковым не является. Он есть продукт приспособления людей к обстоятельствам, одобряемый и культивируемый идеологией. Он есть элемент практического механизма идеологии, воплощаемого в интеллектуальный аппарат индивидов. Он включает в себя беспринципность, нарочитое нарушение законов логики, двусмысленности и прочие явления интеллектуальной проституции» [6, с. 151]. Иначе, государственные структуры контролируют все проявления деятельности граждан. Плановая экономика и однопартийная система исключают экономическую и политическую конкуренцию и связанную с ними личную инициативу в сфере предпринимательства и управления. В экономической и политической системе это означает возрастание и укрепление бюрократических структур со всеми характерными для них особенностями управления. Эта формализация экономической и политической жизни дополняется в неформальной сфере системой идеологических установок как мотивационно-регулирующего конструкта частной жизни индивида. Они находят свое отражение в сфере художественного творчества, в способах регулирования межличностных отношений. Такая идеологизация частной жизни сказывается и на мировоззренческих установках индивида. С одной стороны, они подчиняются влиянию идеологических стереотипов, с другой – изменение политической конъюнктуры вызывает изменение идеологических установок, что в мировоззрении отдельно взятого индивида способствует тенденциям к приспособленчеству и лицемерию. Одной из причин такого влияния тоталитарной системы является связь тоталитарного проекта с утопией. Утопические концепции связаны с полной трансформацией общества согласно идеалу, для чего необходимо полное соответствие поведения граждан предписанной обществом системе социальных ролей. По мнению Р. Дарендорфа, «для индивида неприятный характер общества превращается в проблему свободного пространства, какое предоставляет ему взгляд общества, пронизывающий даже его душу, либо которое индивид в состоянии создать себе сам. В своем самом устрашающем аспекте мир *Homo sociologicus* – это “Прекрасный новый мир” Хаксли или “1984” Оруэлла: в нем человеческое поведение подвергается рассчитанному, надежному и непрерывному контролю» [7, с. 226]. Следовательно, за совокупностью социальных ролей индивида находится некоторая сфера личной свободы, в которой его действия выходят за пределы социального контроля. Это может означать отсутствие обязательных к исполнению установок и предписаний в сфере хозяйственной, управленческой или творческой

деятельности, отсутствие государственного регулирования и контроля в сфере решения межличностных конфликтов.

В связи с этим обращает на себя внимание противоречие, связанное с представлениями о равном диалоге субкультур в поликультурном мире. Одной из целей проекта поликультурного диалога считается создание в социуме благоприятной психологической атмосферы в противоположность атмосфере террора в тоталитарных обществах. В функции социальной системы включается также обеспечение не только физического, но и психологического комфорта граждан. Однако если создание условий для физического комфорта достигается мерами государства в сфере экономической и социальной политики, а также по охране правопорядка, то обеспечение равного психологического комфорта представителям всех групп и субкультур требует создания своей системы контроля и регулирования. Она с неизбежностью будет распространяться и на эмоциональную сферу индивида. Противоречия такого контроля заключаются в том, что «даже если сконцентрировать все усилия на том, чтобы помочь людям “чувствовать себя хорошо”, этой цели достичь не удастся. Мы знаем, что реакция, по сути, является результатом того, оправданы ли наши ожидания. Если они оправданы, мы рады; если нет – расстраиваемся, злимся или разочаровываемся. И хотя можно помочь окружающим научиться адаптировать ожидания к реальности, никто не может заставить кого-либо что-либо чувствовать» [8, с. 32]. Эмоциональная сфера индивида как элемент его частной жизни подвержена общественному контролю и регулированию только в тоталитарных системах, где не соответствующие государственной идеологии мировоззренческие и ценностные установки преследуются репрессивным аппаратом государства. Отказ же от такого регулирования в пользу диалога различных мировоззренческих установок предполагает наличие институтов регулирования диалога. Их превращение в предмет регулирования и контроля со стороны социальных институтов означает существенный риск тоталитарного контроля над эмоциональной сферой индивида.

Особенно явно эта тенденция прослеживается в классических утопиях и антиутопиях. В работе Т. Кампанеллы «Город Солнца» исполнение смертных приговоров в идеальном государстве описывается следующим образом: «Виновного они убеждают и уговаривают до тех пор, пока тот сам не согласится и не пожелает себе смертного приговора, а иначе он не может быть казнен» [9, с. 173]. Подобным же образом в большинстве утопических произведений «центральными механизмами

социального контроля были стыд и разум. Преступники, включая виновных в носительстве опасных представлений, подвергались общественному презрению, призывались на полезную работу и перевоспитывались до тех пор, пока они искренне не примут и не усвоят принципы разума и морали» [10, с. 149]. Обратная сторона этого подхода была показана в антиутопии Д. Уилсона, в которой, «чтобы усугубить дело, лицо должно было бы научиться любить быть растоптанным, так что партия специализировалась в растерзании душ и соединении их снова, чтобы они соответствовали господствующей ортодоксии» [10, с. 219]. Таким образом, стремление к реализации общественного идеала приводит к тому, что цель его максимальной реализации оборачивается превращенной, доведенной до абсурда формой. Также и социализация как процесс интериоризации социальных норм оборачивается искаженной формой тоталитарного контроля государственного аппарата над сознанием индивида. Этот риск распространяется и на проект реализации идеала полицентричного общества, основанного на толерантности как базовой ценности. В связи с этим распространение в западноевропейском обществе «культуры отмены» – один из признаков трансформации защиты прав личности на свою идентичность.

Снятие этого противоречия связано с определением той сферы, где возможно поддержание социальных норм силами государства. Эту диалектику раскрыл Н.А. Бердяев: «Государство, склонное служить кесарю, не интересуется человеком, человек существует для него лишь как статистическая единица. А когда оно начинает слишком интересоваться человеком, то это самое плохое, оно начинает поработать не только внешнего, но внутреннего человека, между тем как Царство Духа не может вместиться в царство кесаря» [11, с. 771]. Социальный контроль распространяется на внешние стороны социального поведения, тогда как психоэмоциональная сфера находится вне его рамок. Эти же пределы внешнего контроля определял и Т. Гоббс: «Там, где суверен не провозгласил никаких правил, подданный свободен действовать или не действовать согласно своему собственному усмотрению» [12, с. 173]. Частная жизнь индивида, таким образом, находится вне сферы государственного контроля и вмешательства.

Исследование противоречий, связанных с многообразием социальных норм в поликультурном мире, позволяет сделать следующие выводы. В информационном обществе предполагается замена единого авторитарного или тоталитарного источника внедрения единых социальных норм равным диалогом множества культур и субкультур. Противоречие

этих ожиданий связано с выработкой тех структур, которые должны будут обеспечивать условия и возможность такого диалога. Сам факт создания таких структур и институтов связан с теми или иными формами контроля и принуждения. Если эти формы контроля и принуждения будут распространяться не только на внешнее поведение, но и на содержание мировоззренческих и психоэмоциональных установок индивида, велика вероятность трансформации идеала защиты идентичности в тоталитарное подавление личности. Одной из возможностей снятия этого противоречия предлагается замена представлений о поликультурализме и границах различных культур представлениями о границах между едиными для всей социальной общности социальными нормами и сферой частной жизни, находящейся вне социального контроля.

Библиографический список

1. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.
2. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.
3. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
4. Иноземцев В.Л. Несовременная страна: Россия в мире XXI века. М.: Альпина Паблишер, 2018. 406 с.
5. Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 2. М.: Русская книга, 1993. 496 с.
6. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф, 1994. 211 с.
7. Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002. 536 с.
8. Чепмен Г., Уайт П. 5 языков признательности на работе: как наладить отличные отношения с коллегами и показать, насколько вы их цените. М.: Эксмо, 2020. 304 с.
9. Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. Социальные утопии. М.: Издательство «Правда», 1989. 616 с.
10. Уилсон Д. История будущего. М.: АСТ, АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 286 с.
11. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Эксмо; СПб: Мидгард, 2005. 832 с.
12. Гоббс Т. Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 1991. 731 с.

**Социальное прогнозирование как инструмент управления
трансформацией культуры и общества в высокотехнологичном
мире**

Д.В. Кондратов

*Научный руководитель: М.С. Филиппович
преподаватель кафедры государственного и муниципального
управления*

*Курская академия государственной и муниципальной службы, г. Курск,
Россия
e-mail: tweedledum@list.ru*

**Social Forecasting as a Tool for Managing the Culture and Society
Transformations in the High-tech World**

D.V. Kondratov

*Scientific supervisor: M.S. Filippovich, teacher at the Department of State
and Municipal Management*

*Kursk Academy of State and Municipal Service, Kursk, Russia
e-mail: tweedledum@list.ru*

Аннотация. В докладе рассматривается роль социального прогнозирования в условиях современной трансформации общества и культуры, обусловленной высокими технологиями и поликультурными процессами. Анализируются методы, критерии эффективности и проблемы точности прогнозов в среде высокой неопределенности. Обосновывается необходимость интеграции междисциплинарных подходов и цифровых инструментов для повышения результативности управленческих решений.

Ключевые слова: трансформация общества, культура, управление, социальное прогнозирование, социальные процессы.

Abstract. The report examines the role of social forecasting in the context of modern transformation of society and culture caused by high technologies and multi-

cultural processes. The methods, criteria of effectiveness, and problems of accuracy of forecasts in the environment of high uncertainty are analyzed. The necessity of integrating interdisciplinary approaches and digital tools to improve the effectiveness of management decisions is substantiated.

Keywords: transformation of society, culture, management, social forecasting, social processes.

В современном динамичном и нестабильном мире, характеризующемся быстрыми технологическими переменами, глобальными вызовами и трансформацией социальных структур, способность предвидеть будущее становится критически важной для устойчивого развития общества. Социальное прогнозирование выступает ключевым инструментом научного управления, позволяющим не только предвидеть возможные риски и кризисы, но и формировать желаемые траектории развития в высокотехнологичном поликультурном пространстве. Эффективные прогнозы лежат в основе стратегического планирования в сфере государственного управления, экономики, демографии, здравоохранения и образования. Однако на фоне растущего спроса на достоверные прогнозы обостряется проблема их эффективности и точности. Методологическое разнообразие подходов, от классических экстраполяций и экспертных оценок до сложных математических и имитационных моделей, порождает вопрос о критериях выбора, границах применимости и валидности каждого метода. Неопределенность социальных процессов, влияние человеческого фактора, сложность учета всех переменных делают прогнозирование не точной наукой, а скорее искусством оценки вероятностей. В условиях усложнения общественных отношений, глобальных вызовов и возрастающей скорости социальных изменений его роль становится критически важной для обеспечения устойчивого развития и социальной стабильности. Сущность социального прогнозирования заключается не в простом угадывании будущего, а в системном анализе наличных социальных данных, выявлении закономерностей и построении вероятностных моделей возможных альтернатив развития.

В современной научной литературе социальное прогнозирование часто определяется как «специфический вид познавательной деятельности, нацеленный на получение научно обоснованных представлений о будущем состоянии общества, его подсистем и элементов, а также о возможных путях и сроках их достижения» [1, с. 45]. Это междисциплинарная область, синтезирующая методологии социологии, экономики, политологии, философии и математического моделирования. Его

объектом выступает все общество в целом или его отдельные сферы: демография, труд, образование, наука, культура, социальная структура, уровень и качество жизни.

Современный этап развития социального прогнозирования характеризуется смещением акцентов с жестких детерминистских моделей на гибкие сценарные подходы, учитывающие нелинейность, стохастичность и сложность социальных систем. На первый план выходят проблемы обработки больших данных, построения цифровых двойников социальных процессов, а также этические вопросы, связанные с конфиденциальностью и возможным манипулятивным использованием прогнозов. Сущность прогнозирования эволюционирует в сторону непрерывного мониторинга и адаптивного управления в режиме реального времени, где прогноз становится не разовым продуктом, а постоянно обновляемой «картой будущего».

В современной науке не существует единой, общепринятой классификации, что отражает междисциплинарный и комплексный характер самой области. Однако многообразие типов прогнозов можно упорядочить по ряду оснований. По объекту прогнозирования выделяют общесоциальные макропрогнозы, отраслевые (демографические, социально-экономические, социокультурные) и локальные прогнозы. В контексте поликультурного мира особое значение приобретают социокультурные прогнозы, изучающие изменения в системе ценностей, образовании и моделях поведения, а также эколого-социальные прогнозы последствий климатических изменений для социума. По методам построения прогноза выделяют экспертные (интуитивные) и фактографические (формализованные) прогнозы. К последним относятся методы экстраполяции, моделирование, а также анализ больших данных и машинное обучение – стремительно развивающееся направление, позволяющее выявлять скрытые корреляции и паттерны в массивах социальной информации (цифровых следах).

Так, технологический форсайт представляет собой целостный процесс, системно сочетающий поисковый и нормативный подходы, экспертные и фактографические методы, целью которого является не просто предсказание, а формирование разделяемого видения будущего и мобилизация действий для его достижения [2; 3]. Риск-ориентированные прогнозы и прогнозы в условиях «черных лебедей» выделяются в отдельный класс, требующий специальных методик, таких как стресс-тестирование и анализ устойчивости сценариев. Проблема оценки эффективности социального прогнозирования является одной

из наиболее сложных и дискуссионных. Эффективность прогноза не может сводиться к простой бинарной оппозиции «сбылся – не сбылся». Она представляет собой многомерную характеристику, требующую анализа через систему критериев. Ключевыми критериями эффективности являются:

- обоснованность (валидность) – степень соответствия прогноза реальным закономерностям развития объекта, включающая теоретическую, эмпирическую и методологическую обоснованность;
- достоверность и точность: достоверность – вероятностная характеристика, мера уверенности в том, что реальное будущее попадет в область, очерченную прогнозом; точность – мера приближенности прогнозной оценки к фактически наступившему состоянию. Важно понимать, что требование высокой точности для долгосрочных социальных прогнозов нереалистично и некорректно;
- своевременность, так как прогноз должен быть готов к моменту принятия управленческого решения;
- полезность – возникает главный вопрос: помог ли прогноз принять более обоснованное и качественное решение.

Как отмечает З.А. Кучкаров, «в современных условиях ценность представляет не тот прогноз, который обещает однозначный результат, а тот, который корректно описывает поле возможностей и рисков» [1, с. 81; 4]. Для минимизации влияния непредвиденных факторов («черных лебедей») рекомендуется использование сценарного подхода как основы, внедрение стресс-тестирования прогнозов, применение адаптивных и байесовских моделей, а также мониторинг «слабых сигналов» с использованием искусственного интеллекта. Цель – сделать прогнозную модель не столько «точной в стабильных условиях», сколько «устойчивой к возмущениям».

Предпринятая попытка исследования в данной статье позволила осуществить анализ методов социального прогнозирования и проблем их эффективности в контексте трансформации общества. Социальное прогнозирование является неотъемлемым элементом управления сложными системами в условиях неопределенности [5]. Его ценность заключается не в снятии неопределенности, а в ее структурировании, выявлении ключевых факторов риска и возможностей.

Эффективность социального прогноза – многомерный и контекстуально зависимый конструкт. Успешный прогноз – тот, который, будучи обоснованным и своевременным, оказался полезным для конкретного пользователя в конкретной ситуации. Фундаментальным

ограничением эффективности выступает природа социальной реальности, относящейся к классу рефлексивных, нелинейных, открытых систем. Пути повышения эффективности лежат в плоскости интеграции и развития: методологический синтез количественных и качественных методов, институциональное закрепление прогнозов в процедурах стратегического планирования, развитие прогностической культуры и этическая рефлексия. Данное исследование позволяет рассматривать социальное прогнозирование как важнейшую общественную практику работы с неопределенностью, направленную на расширение горизонтов рационального выбора и укрепление адаптационного потенциала общества в высокотехнологичном мире.

Библиографический список

1. Бестужев-Лада И.В., Наместникова Г.А. Социальное прогнозирование. М.: Педагогическое общество России, 2002. 351 с.
2. Лapidус Л.В., Драганюк А.О., Мзоков А.Р. Форсайт как стратегический инструмент технологического прогнозирования при цифровой трансформации // Экономика и управление. 2023. № 6. С. 630-644.
3. Захаров М.Ю., Шишкова А.В. Форсайт как способ прогнозирования будущего цифрового облика науки // Вестник ГУУ. 2025. № 1. С. 63-71.
4. Кучкаров З.А., Деревянко М.С. Концептуальная конструкция как инструмент познания, развития и управления // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 4. С. 174-180.
5. Снедкова Ю.П., Извекова Е.Ю. Тенденции и перспективы развития муниципального управления // Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в условиях цифровизации: сборник научных статей Международной научно-практической конференции, Курск, 12 мая 2023 года. Т. 2. Курск: Курская академия государственной и муниципальной службы, 2023. С. 316-320.

УДК 101.1

Преломление граней идей русского космизма в цифровую эпоху

Н.Б. Ломакина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: krisyankin@yandex.ru

Refraction of Facets of the Russian Cosmism Ideas in the Digital Age

N.B. Lomakina

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: krisyankin@yandex.ru

Аннотация. В докладе анализируются возможности реализации провиденциалистских идей направления философии «русского космизма» в современной нам цифровой среде. Определены основные идеи философии русского космизма в качестве уникального явления мировой философии. Приведены варианты воплощения утопических для материального мира идей философов-космистов в виртуальном мире. Рассмотрены такие явления, как цифровое бессмертие, новые возможности объединения людей с помощью социальных сетей, и другие.

Ключевые слова: русский космизм, соборность, бессмертие, цифровое бессмертие, космос, Интернет.

Abstract. The report analyzes the possibilities of implementing the providentialism ideas of Russian cosmism in the modern digital environment. The main ideas of Russian cosmism as a unique phenomenon of the world philosophy are defined. The variants of the embodiment of Russian cosmists' utopian ideas for the material world in the virtual world are given. Such phenomena as digital immortality, new opportunities to unite people through social networks and some others are considered.

Keywords: Russian cosmism, conciliarity, immortality, digital immortality, space, Internet.

Философия русского космизма – явление яркое, любопытное и совершенно фантастическое. В нем очень самобытно переплелись и христианские идеи, и отголоски русского язычества, а также полная свобода мысли, мессианство, искренняя любовь и упование на человеческий гений. Неудивительно, что идеи сторонников данного направления подвергались критике и считались прожектерскими и оторванными от реальности. Это, безусловно, небезосновательно, однако стоит отметить, что помимо того, что идеи русского космизма вдохновляли ученых и творческих людей XX века, в свете высокотехнологичного общества они приобрели новый смысл, в «нематериальной» цифровой среде стало

возможно то, что не могло воплотиться в нашей обыденной, материальной реальности.

Основной, задающей направление всей концепции «русского космизма» мыслью выступает понятие соборности как совместного общего дела, совершающегося «всем миром». Эта мысль не принадлежит только данному направлению, она присуща многим течениям русской философской мысли XIX века и, по мнению многих исследователей, придает ей самобытность и выделяет на фоне других концепций. Способность и желание преследовать общественные интересы, даже в ущерб своим индивидуальным, готовность посвятить себя общему делу ради общих целей представляют собой главные принципы «соборности», начала которой были заложены А.С. Хомяковым в православной доктрине, а затем распространившиеся в работы и изыскания других русских философов [1, с. 26]. «Философия общего дела», разработанная Н.Ф. Федоровым, при всей своей эксцентричности, видится закономерным развитием данной мысли. Он в качестве «общего дела» предлагает человечеству не смиряться с существующей действительностью, где одни поколения умирают, чтобы освободить место другим, своим потомкам, а активно развивать данные человеку интеллектуальные способности, прежде всего в науке, чтобы совместным старанием всего человечества осуществить идею воскрешения мертвых, в буквальном смысле, физически [2, с. 477]. В своей гуманистической идее Н.Ф. Федоров, по сути, отдаляется как от христианства, так и от всего фактического течения жизни, от существующей реальности, личное спасение противопоставляется всеобщему спасению всех поколений людей, в том числе, уже почивших. Федоров желал создать союз ныне живущих людей, которые силами своего интеллекта, и, как следствие, достижений науки и техники, смогут урегулировать силы природы, переустроить существующие процессы и воскресить умершие поколения. Следовательно, все достижения науки и техники рассматривались философом только в одном смысле – как средства достижения общей цели, состоящей в воскрешении людей и достижении бессмертия [2, с. 17-18]. Освоение космоса становится необходимым для того, чтобы как-то разместить настолько разросшееся человечество, для которого размеры Земли, очевидно, будут недостаточны. Несмотря на совершенную фантастичность данной идеи, можно сказать, что спустя чуть больше века после того, как Н.Ф. Федоров ее озвучил, она частично смогла воплотиться, правда, не в реальном мире, а в виртуальном пространстве.

Принцип «соборности» проявляется в некоторых явлениях виртуального мира, например, социальных сетях. Современный человек имеет возможность «виртуально дотянуться» практически до любого человека, независимо от его социального статуса и места жительства. Для любого Интернет-пользователя характерно свойство коммуникативной «равноудаленности», ведь возможность взаимодействия, качество и частота общения теперь не зависят от местоположения общающихся. Также стоит отметить и качественное изменение в коммуникации с помощью видеосвязи, что усиливает «эффект присутствия», и уже ведутся разработки других технических средств для еще большего его форсирования с целью получения тактильных, голографических и обонятельных ощущений при виртуальном общении.

Таким образом, Интернет, позволяющий людям общаться с теми, с кем хочется, а не с теми, кто находится близко, дает возможность индивидам объединяться не по принципу соседства и географической близости, а все более на основании общих интересов и связи их мыслей и душ. Благодаря отсутствию в виртуальном мире границ и расстояний, возникает эффект общности, где все люди находятся рядом и действуют сообща, реализуя в цифровой среде идею «соборности».

Проблему бессмертия, а также воскрешения человека, одну из центральных в философии Н.Ф. Федорова, человечество в настоящее время не решило в биологическом плане. Однако в виртуальном пространстве «бессмертные» идеи космистов некоторым образом находят отражение. Во-первых, стоит упомянуть о личных страницах в социальных сетях, где индивид ведет свою «виртуальную» жизнь, создавая контент, который остается в доступе и после его кончины. Его близкие, имеющие доступ к странице в соцсети, публикуют на ней контент уже после смерти ее владельца, создавая некую иллюзию продолжения его жизни. Оцифрованные материалы – тексты, видео, фотографии, размещенные в сети, не изменяются и не ухудшаются с течением времени, оставаясь нетленными и, в каком-то смысле, поддерживая бессмертие своего автора. Во-вторых, цифровое бессмертие сейчас становится крайне актуальной темой для дискуссий не только в философской среде. Чтобы создать цифрового двойника, который может имитировать поведение реального человека, нужно загрузить в нейросеть информацию о нем (фотографии, видео, аудио, сообщения, воспоминания и другие личные данные). На их основе искусственный интеллект формирует виртуального клона, с которым можно общаться письменно в чате, обмениваться голосовыми сообщениями и даже созваниваться по видеосвязи [3]. Но-

вую технологию, дающую «вторую жизнь» аккаунтам умерших пользователей, запатентовала корпорация М. Цукерберга Meta (признана экстремистской и запрещена в РФ) – они получили патент на большую языковую модель, имитирующую поведение человека в соцсетях после его смерти – может ставить лайки, писать комментарии и отправлять сообщения [4]. Таким образом, прогресс в науке и технике пока не имеет возможности полностью избавить людей от смерти, но может сохранить виртуальный компонент человеческой жизни. В-третьих, если отвлечься от цифровой среды и посмотреть на весь спектр современных технологий, то так или иначе связать с идеями философов-космистов можно и технологии клонирования, и длительное хранение биологических материалов (например, когда можно родить ребенка от человека, которого уже нет в живых), и крионику. Про освоение космоса и говорить излишне – за те почти полтора века, как идеи космистов существуют, человечество совершило огромный прорыв в познании космического пространства, и с каждым годом прогресс в этой сфере только возрастает. Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на то, что, как и любая фантазия, идеи космистов воплощаются с определенной долей условностей и грани их идей преломляются неожиданным образом, все же можно констатировать, что реализация концепции русского космизма в современном обществе приобретает новый смысл. Переосмысление их идей на следующем этапе прогресса представляется не бесполезным занятием, как и любой концепции, в основу которой положены любовь и вера в человечество.

Библиографический список

1. Журавлев М.С. Реализация идей русского космизма в информационную эпоху // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 21-30.
2. Федоров Н.Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.
3. Журавлев М.С. Религиозно-технократическая конфронтация в идеях русского космизма // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 1. С. 14-20.
4. Смерть – прибыльный бизнес: как искусственный интеллект помогает пережить горе утраты // URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/513737-smert-pribyl-nyj-biznes-kak-iskusstvennyj-intellekt-pomogaet-perezit-gore-utraty> (дата обращения: 23.03.2026).

УДК 177

Междисциплинарность в исследовании социальной интуиции

А.В. Маслова
кандидат философских наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва,
Россия
e-mail: an_maslova@inbox.ru

Interdisciplinarity in the Study of Social Intuition

A.V. Maslova
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: an_maslova@inbox.ru

Аннотация. В докладе рассматривается феномен социальной интуиции, который охватывает проблемное поле различных наук. Социальная интуиция часто ассоциируется с проявлением эмоционального интеллекта, однако это когнитивный и сложный социальный механизм получения социально значимой информации. Социальная интуиция возможна благодаря зеркальным нейронам, что отсылает к нейрофизиологии, а также нейропсихологии и исследованиям нейропластичности. Кроме того, социальная интуиция рассматривается как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях, что требует включения антропологии, социальной психологии и культурологии.

Ключевые слова: социальная интуиция, нейропсихология, социальная философия, индивидуальное, социальное, междисциплинарный подход.

Abstract. The report examines the phenomenon of social intuition, which spans the fields of various sciences. Social intuition is often associated with the manifestation of emotional intelligence. However, it is a cognitive and complex social mechanism for acquiring meaningful socially relevant information. Social intuition is made possible by mirror neurons, which relates to neurophysiology, as well as neuropsychology.

chology and research on neuroplasticity. Furthermore, social intuition is examined at both the individual and collective levels that necessitates the inclusion of anthropology, social psychology, and cultural studies.

Keywords: social intuition, neurophysiology, social philosophy, individual, social, interdisciplinarity approach.

Проблема интуиции в философии связана с определением границы между рациональными и иррациональными аспектами познания, что требует дифференциации соответствующих когнитивных способностей. На уровне гносеологии проводится демаркация интуиции как стоящей на границе между рациональным и иррациональным, бессознательным и осознаваемым знанием. Таким образом в решении проблемы интуиции принимает участие психология с развитой теорией бессознательного, его эффектами и влиянием на принятие решений, совершение поступков, способа реагирования и образа жизни человека. История исследования интуиции как особой способности быстрого нахождения решения, ответа восходит к античной философии, когда была уже возможна рефлексия о мышлении. В более древний период интуиция воспринималась как необходимая способность человеческой души соединяться с высшей реальностью, в разных традициях которая имела свои символические особенности. Выделение интуиции как особого способа получения знания происходит в период формирования философских систем, что заложило основание дальнейшим ее исследованиям.

Предметом данного доклада является социальная интуиция как одна из форм проявления интуитивной способности восприятия и комбинации когнитивной информации. На сегодняшний день дифференциация наук достаточно велика, что неизбежно приводит к пересечению предметных областей, что часто случается с проблемами, которые изначально коренились в философии. Так, проблема интуиции находится на пересечении психологии, нейрофизиологии, нейропсихологии, а также физики, антропологии, этики и социологии. Однако социальная интуиция представляет собой способность мгновенного схватывания информации на основании межличностного взаимодействия, и ее специфика состоит в подаче сигналов мозгу относительно того или иного социального факта и последующего распознавания данного сигнала.

В контексте социальной философии, интуицию стоит рассматривать в двух направлениях: как проявление индивидуального и как проявление социального. В первом случае речь идет о внутренних, глубинных процессах реагирования, оценивания, вынесения суждения и

оценке относительно социального факта, что возможно благодаря зеркальным нейронам [1]. Под социальным фактом рассматриваются процессы, относящиеся к четырем уровням социальной онтологии – это межличностная коммуникация, институциональная деятельность и артефакты как материальные объекты социальной активности. На личностном уровне рассматривается индивидуальное бессознательное и в целом разнообразие проявлений психики отдельного человека. Прекрасно иллюстрируют проявление социальной интуиции психоаналитики, например, Э. Фромм в работе «Забытый язык» описывает случай с неверной интерпретацией сна у одного из его пациентов, что было, по сути, проявлением интуитивного знания о новом партнере по работе, с которым он недавно встретился [2]. Также к индивидуальному уровню относятся ощущения в теле, проявляющиеся после коммуникативного взаимодействия, которое тем не менее необходимо распознать и интерпретировать. Тем не менее, даже если ощущения в теле, возникшим после взаимодействия с конкретным человеком или группой, не было придано значения, то это не отменяет способность тела на до-рациональном уровне формировать гипотезы относительно социальной реальности, во многом основанные на реликтовом мировосприятии [3, с. 245-247]. Такая телесная мудрость проявляется только на внерациональном уровне как предчувствие и предвосхищение, и такое знание не имеет вербального, рационального эквивалента, оно закодировано принципиально иным образом, и социальная интуиция срабатывает как проводник, доносящий импульс тела к границе сознания. Здесь кроме глубинной психологии помогает ответить на вопрос о феномене сочувствия, сопереживания и симпатии квантовая физика, однако, такие исследования в целом восходят к попытке Р. Пенроуза описать сознание как сводимое к квантовым процессам. Несмотря на имеющуюся критику такой гипотезы (гипотеза Пенроуза-Хамероффа), в практике работы с убеждениями, стереотипами, а также невротическими расстройствами применяется принцип нейропластичности, который не указывает напрямую на квантовые процессы, но объясняет возможность менять на протяжении жизни собственный мозг, не являющийся материальной, костной данностью раз и навсегда, но процесс, на который можно влиять с помощью сознательного изменения привычек реагирования. В том числе на таком нейрофизиологическом принципе построена буддийская сотериологическая модель духовного самосовершенствования.

Социальная интуиция на индивидуальном уровне проявляется как предвосхищение эмоций и внутренних состояний других людей, что

является частью эмоционального интеллекта. На социальном уровне происходит масштабирование проявления социальной интуиции до объема социальной группы, что позволяет ввести понятие коллективной социальной интуиции. Так, реакции на нововведения в области морально-нравственной культуры, на новые религиозные направления (сектантские), на тренды в искусстве, в моде, в целом, на все, что имеет символическую значимость для определенной социальной группы, происходят из глубинных представлений о должном, правильном, приемлемом, соответствующим норме. Показательны примеры реагирования на религиозные течения, которые привносились извне в разных культурах. Так, в России ответ на ересь хлыстовщины стало старчество, которое воплотило чаяния и удовлетворило духовную потребность русского народа. Похожим образом отреагировало еврейское общество на ересь саббатизма, дав развитие хасидизму [4, с. 54]. Эти примеры указывают на аксиологическую иммунную систему, благодаря которой социальная группа сохраняет свою целостность и противостоит привнесены извне или синтетическим духовным течением.

На уровне политических решений, коллективная социальная интуиция проявляется в консолидированном ответе на попытку внедрить цифровые технологии в систему государственной власти, что отражается в понятии цифрового правительства [5, с. 51]. Внутренний, интуитивный цензор не допускает спокойного принятия тех или иных нововведений, реагируя на них как на чуждые традиционным способам взаимодействия с органами власти. То же происходит в экономической сфере, которая в России была связана с моральными качествами купцов, и любые формы обезличивания экономики воспринимаются социальной группой, укорененной в общем историко-культурном контексте, как нарушение традиционного образа экономических отношений, где ключевую роль играла образцовая фигура купца [6].

Итак, социальная интуиция, как внерациональная способность оценивать социальные факты, проявляется как на индивидуальном, так и на социальном или коллективном уровнях. Вводится термин коллективная социальная интуиция, включающая этические механизмы саморегуляции культурной и духовной целостности социальной группы. Таким образом, в докладе показано, что в современном философском дискурсе проблема социальной интуиции представлена в междисциплинарном комплексе исследований в области нейрофизиологии, психологии, антропологии и культурологии.

Библиографический список

1. Jellema T., Macinska S.T., O'Connor R.J., Skodova T. Social intuition: behavioral and neurobiological considerations // Front. Psychology. 2024. No. 15 // URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1336363> (дата обращения: 25.03.2026).
2. Фромм Э. Забытый язык. Пер. с англ. А.В. Александрова. М.: АСТ, 2017. 320 с.
3. Бескова И.А., Князева Е.Н., Бескова Д.А. Природа и образы телесности. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 456 с.
4. Берман А. Простонародные религиозно-мистические движения в Среднем Поволжье в XVIII-XX вв. Чебоксары: Волжский филиал МАДИ, 2008. 284 с.
5. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровизация пространства современной политики в условиях глобальных технологических трансформаций: актуальные научные подходы, модели, сценарии // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2022. № 2. С. 46-57.
6. Амбрушкевич К.В., Хайруллина Н.Г. Традиции Сибирского купечества как основа ролевых моделей современных молодых предпринимателей // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2024. Т. 17, № 3. С. 25-35.

УДК 008:39

Роль культуры и коммуникации в поликультурном мире

С.В. Михельсон

*Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск,
Россия
e-mail: lana.mikhelson@bk.ru*

Role of Culture and Communication in the High-Tech, Multicultural World

S.V. Mikhelson

*Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
e-mail: lana.mikhelson@bk.ru*

Аннотация. В докладе рассматривается вопрос о роли культуры и коммуникации, которые играют важную роль в поликультурном мире, способствуя улучшению взаимопонимания и сотрудничества между представителями различных культур. Освоение культурных аспектов и развитие коммуникативных компетенций являются ключевыми факторами для эффективного формирования у студентов навыков межкультурного взаимодействия, а также для их всесторонней подготовки к успешной профессиональной деятельности в условиях многонационального социума.

Ключевые слова: культура, межкультурная коммуникация, диалог культур, поликультурный мир, иностранный язык.

Abstract. The report examines the role of culture and communication playing a significant role in the multicultural world and facilitating the improved mutual understanding and cooperation between representatives of different cultures. Mastering cultural aspects and developing communicative competencies are the key factors in the effective development of students' intercultural skills as well as in their comprehensive preparation for successful professional work in the multinational society.

Keywords: culture, intercultural communication, dialogue of cultures, multicultural world, foreign language.

Роль культурного и религиозного разнообразия в образовательной практике обеспечивает стратегии создания и поддержания инклюзивной среды [1]. Наш современный, многообразный в культурном плане мир строится не только на политических и экономических реалиях, но и на глубоких философских и культурных представлениях о должном.

Современное культурное взаимодействие стало всеобъемлющим, затрагивая все сферы человеческой жизни как в глобальном масштабе, так и на национальном уровне. Рост интереса к таким темам, как межкультурная коммуникация и социальная значимость культуры, напрямую отражает насущные задачи культурологической науки. Следовательно, изучение процессов адаптации к многокультурной среде становится чрезвычайно актуальным. Исследования в этой области фокусируются не только на формировании новых ценностных систем, но и на том, как устоявшиеся культурные нормы сосуществуют и взаимодействуют, а также, что особенно ценно, на выявлении универсальных концепций, лежащих в основе различных форм культурного обмена.

Вследствие насыщения новыми содержательными и технологическими аспектами коммуникационной революции конца XX – начала XXI веков, которые стимулируют развитие новых коммуникационных

технологий, диалог претерпевает трансформацию, обретая свежие смыслы и характеристики. Культурные и социальные сферы взаимно проникают друг в друга, формируя комплексный феномен «диалога культур» [2]. Многие ценности, накопленные человечеством на протяжении истории, являются универсальными. Однако значимость тех или иных ценностей, их иерархия на ценностной шкале в разных культурах различна. Именно это и определяет оригинальность каждой из культур, ее своеобразие и уникальность. Общность культурных ценностей и традиций наряду с языком является одним из важнейших признаков этноса. Отсутствие учета этих глубинных оснований и приводит к непониманию. Межкультурный диалог является инструментом, способствующим углублению взаимопонимания между различными народами и раскрытию многообразия культурных индивидуальностей. Концептуализация понятия «культура» должна быть интегрирована в процесс межкультурного диалога. В свою очередь, межкультурное взаимодействие стимулирует развитие диалога культур, что эффективно решает задачи повышения открытости и достижения взаимопонимания на национальном уровне. Тем не менее, для установления продуктивного диалога и взаимопонимания одних лишь намерений недостаточно; ключевыми факторами выступают культурная грамотность и просвещение, подразумевающие знание и понимание культур других народов и этносов [2].

Россия – многонациональная страна, собравшая в себе великое разнообразие этносов, национальностей и культур, которые, чаще всего, вступают в межкультурный диалог в образовательной среде (средне-профессиональное и высшее звено). Помимо этого, в учебные заведения приходят молодые люди из ближневосточных стран-соседей, дети мигрантов. В связи с этим возникает необходимость правильно выстраивать межкультурную коммуникацию не только в цепи преподаватель-студент, но и студент-студент. А для этого необходимо иметь не только культурную осведомленность, но и культурную, а также коммуникативную компетенции в поликультурной образовательной среде. Интеграция обучающихся в поликультурное образовательное пространство и развитие их межкультурной коммуникативной компетенции является процессом, требующим целенаправленной адаптации [3; 4]. Данная адаптация предполагает формирование у студентов комплекса личностных качеств, включая:

- *толерантное отношение и уважение к историческому наследию, традициям и культурным особенностям различных народов, а также к их социокультурным различиям;*

- навыки *саморегуляции поведения* в ситуациях межкультурных недоразумений;
- *проактивность* и готовность к *содействию* в разрешении бытовых коммуникативных задач в межкультурном контексте;
- *мотивация и стремление* к эффективной адаптации в условиях многонациональной образовательной среды.

Культурные и языковые компоненты встроены и в аудиторные занятия. В современных федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования (ФГОС ВО) уделяется особое внимание формированию у студентов способности к межкультурной коммуникации. ФГОС ВО 3++ по программе «Иностранный язык» включает в себя универсальные компетенции, такие как «коммуникация» и «межкультурное взаимодействие», которые неразрывно связаны. Они находят свое отражение в универсальной компетенции УК-4, которая предполагает владение современными коммуникационными технологиями, в том числе на иностранном языке, для осуществления академического и профессионального взаимодействия [5]. Доказано, что молодежь должна обладать такими компетенциями, как понимание сходств и различий в своей культуре и других стран, уважение друг к другу, толерантность, способность общаться с людьми других культур, языков и религий [6].

Так, в Красноярском государственном аграрном университете кафедрой иностранных языков и профессиональных коммуникаций проводится ряд мероприятий, направленных на адаптацию студентов разных этносов и культур на формирование и совершенствование коммуникативной компетентности и поликультурной осведомленности. Иностранные студенты получают ценный опыт на проводимых культурных мероприятиях, где они открывают для себя многообразие национальных культур, их обычаев и традиций. Для поддержания связи и информирования обо всех событиях, включая успехи студентов в конкурсах, активно используется социальная сеть «ВКонтакте», мессенджер Макс. К сожалению, ограниченное количество часов, отводимых на предмет «Иностранный язык», особенно для неязыковых специальностей, не дает студентам возможности по-настоящему понять разнообразие культур и научиться эффективно коммуницировать [7]. Вместо того чтобы развивать навыки анализа и поведения в поликультурной среде, преподавание часто сводится к передаче сухих фактов или фокусируется исключительно на грамматике и лексике. Это приводит к тому, что студенты остаются неподготовленными к реальному межкультурному диалогу. В связи с этим, преподавателями была предпринята по-

пытка организовать языковой клуб, с целью расширения культурного кругозора у студентов, а также отработки коммуникативной компетентности в поликультурной среде. Встречи строились для решения следующих задач: расширить и углубить знания по иностранному языку; развить и закрепить необходимые коммуникативные навыки; повысить уровень культурной осведомленности по средствам иностранного языка; повысить уровень мотивации к изучению иностранного языка.

В список ожидаемых результатов входило: пополнение словарного запаса, понимание культурного контекста; совершенствование языка, социализация, снятие языкового барьера; развитие языковых навыков, расширение кругозора; повышение общего уровня культуры, развитие воображения, обретение веры в свои силы и возможности, повышение мотивации к изучению и познанию; улучшение языковых и коммуникативных навыков среди участников; укрепление социальных связей.

Систематическая организация различных мероприятий (тематические дискуссии, мастер-классы, просмотры фильмов, игры [8], культурные мероприятия) способствовала комплексному развитию языковых и коммуникативных навыков. С нашей точки зрения, фестивали являются наиболее интересным источником невербальных культурных кодов [9]. В результате выполнения проекта были получены следующие количественные и качественные показатели эффективности, основанные на данных тестирования, опросов, анкетирования и интервью с участниками: по результатам тестирования установлено повышение уровня знаний о культуре страны изучаемого языка у 70% респондентов; опрос показал, что все 30 участников клуба отметили рост мотивации и уверенности в своих силах; итоговая игра выявила улучшение языковых и коммуникативных навыков у 70% членов клуба. В контексте межкультурной коммуникации Д. Таннен выдвигает тезис о том, что «судьба Земли зависит от межкультурной коммуникации» [10]. Данное утверждение может быть интерпретировано как необходимость достижения более глубокого взаимопонимания между различными культурными, религиозными, национальными и поколенческими группами. Диалог выступает в качестве основного механизма, способствующего формированию такого понимания, в то время как универсальные человеческие ценности могут служить основой для развития коммуникативных процессов. Межкультурный обмен предоставляет возможности для углубления культурной самоидентификации и взаимного обогащения посредством культурного опыта как в рамках национальной, так и мировой

культуры. Несмотря на объективные сложности, присущие реализации диалога культур в современном мире, его актуальность и необходимость не вызывают сомнений.

Библиографический список

1. Михельсон С.В. Формирование культурной компетентности у молодежи: стратегии, способствующие осознанию инклюзивности и разнообразия // Молодежь, власть, общество: проблемы и перспективы взаимодействия: Сборник статей II Международной научно-практической конференции, Саратов, 29-30 мая 2024 года. Саратов: Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии им. Н.И. Вавилова, 2025. С. 220-225.
2. Михельсон С.В. Понимание «другого» в диалоге культур // Человек и культура. 2023. № 5. С. 47-60.
3. Мартынова О.В. Способы создания свободной обучающей среды на занятиях иностранного языка // Проблемы современной аграрной науки: Материалы международной научной конференции. Красноярск, 15 октября 2018 года. Красноярск: Красноярский ГАУ, 2018. С. 271-273.
4. Мартынова О.В. Некоторые аспекты применения информационно-образовательных технологий на занятиях английского языка // Педагогическое воспитание и образование на современном этапе: сборник научных статей, посвященный 80-летию памяти А.С. Макаренко. Волгоград: Научный издательский центр «Абсолют», 2019. С. 86-89.
5. Михельсон С.В., Слива М.Е., Храмцова Т.Г. Изучение иностранного языка студентами неязыковых специальностей в рамках внеаудиторной работы (на примере языкового клуба) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2025. № 4 (97). С. 105-113.
6. Устав федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Красноярский государственный аграрный университет» // URL: <https://www.kgau.ru/upload/docs/Ustav.pdf> (дата обращения: 19.03.2026).
7. Михельсон С. В. Использование потенциала иностранного языка для духовно-нравственного и культурного воспитания студента в вузе // Инновационные тенденции развития Российской науки: Материалы XVII Международной научно-практической конференции молодых ученых, Красноярск, 4-6 марта 2024 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2024. С. 436-439.

8. Слива М.Е. Аспекты подбора лексического материала на занятиях по иностранному языку для студентов неязыковых специальностей // Научно-практические аспекты развития АПК: материалы национальной научной конференции. Ч. 2. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 273-275.

9. Sliva M.E. Non-verbal cultural codes in teaching foreign languages // Проблемы современной аграрной науки: Материалы международной научной конференции, Красноярск, 15 октября 2020 г. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. С. 460-462.

10. Tannen D. That's Not What I Meant! How Conversational Style Makes or Breaks Relationships. New York: Ballantine, 1986. 228 p.

УДК 316.454+159.9.018.4 (476)

**Трансформация интернет-мемов как социокультурного феномена
в контексте цифровой коммуникации**

Е.В. Реут

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск,
Беларусь
e-mail: liliiren6997@mail.ru*

**Transformation of Internet Memes as a Sociocultural Phenomenon in the
Context of Digital Communication**

E.V. Reut

*Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk,
Republic of Belarus
e-mail: liliiren6997@mail.ru*

Аннотация. В докладе рассматривается феномен интернет-мемов как сложного мультимодального образования, занимающего ключевое место в структуре современной цифровой коммуникации. Осуществлен междисциплинарный анализ теоретических подходов к изучению мемов – от эволюционной концепции Р. Докинза до современных социально-психологических и культурологических интерпретаций. Особое внимание уделяется проблеме платформенной зависимости и алгоритмической обусловленности распространения мемов,

а также выявленному нормативному вакууму, в котором функционирует данный жанр. Обосновывается необходимость дальнейшего изучения интернет-мемов как инструмента конструирования идентичности и маркера групповой принадлежности в цифровой среде.

Ключевые слова: мемы, интернет-мемы, цифровая коммуникация, архитектуры платформ, алгоритмы, социальные нормы.

Abstract. The report examines the phenomenon of Internet memes as a complex multimodal formation that occupies a key place in the structure of modern digital communication. An interdisciplinary analysis of theoretical approaches to the study of memes is carried out – from the evolutionary concept of R. Dawkins to modern socio-psychological and cultural interpretations. Special attention is paid to the problem of platform dependence and algorithmic conditionality of meme distribution, as well as the identified normative vacuum in which this genre functions. The necessity of further study of Internet memes as a tool for constructing identity and a marker of group affiliation in the digital environment is substantiated.

Keywords: memes, internet memes, digital communication, platform architectures, algorithms, social norms.

Современный этап развития высокотехнологичного общества характеризуется интенсивным поиском новых форм культурной репрезентации, среди которых особое место занимают интернет-мемы. Выступая не просто единицами сетевого фольклора, они трансформировались в сложный инструмент социальной коммуникации, объект междисциплинарного научного анализа и индикатор общественных настроений. Актуальность обращения к данной теме обусловлена необходимостью осмысления интернет-мемов как полноценного элемента цифровой культуры, выполняющего функции конструирования идентичности, трансляции социальных мифов и даже фиксации исторической памяти.

В современном академическом дискурсе изучение интернет-мемов выходит за рамки общетеоретических дискуссий, охватывая широкий спектр прикладных направлений. Исследователи фиксируют глубокую связь этого феномена с процессами общественного развития. Так, Д.А. Костоготов, анализируя историческое сознание, подчеркивает, что актуализация мемов, связанных с прошлым, наиболее ярко проявляется в кризисные периоды, когда общество нуждается в переосмыслении коллективной памяти [1, с. 126-138]. В свою очередь, Д. А. Запивалов обращает внимание на социально-политическую природу мемов, рассматривая их как объект судебной лингвистической

экспертизы и подчеркивает, что мемы, попадающие в поле зрения экспертов, как правило, имеют политическую окраску, отличаются негативно-оценочным значением и направлены на высмеивание явлений общественной жизни [2, с. 188-189]. Политический потенциал данного феномена раскрывают В.В. Скоробогатов и Е.С. Сухарева, отмечая, что использование мемов в избирательных кампаниях становится эффективным механизмом взаимодействия с целевыми электоральными группами [3, с. 26-30].

Комплексный анализ интернет-мемов как социокультурного феномена позволяет выявить его многогранную структуру. В исследовании О.В. Смирновой, М.В. Шкондина, Г.В. Денисовой и С.Б. Стебловской убедительно доказывается, что около трети всех мемов коррелируют с конфликтными ситуациями, где доминируют гендерные и семейные противоречия, что было зафиксировано даже в условиях доминирования повестки пандемии COVID-19 в 2021 году [4, с. 41-58]. Развивая представление о глубинных смыслах мемов, Д.С. Артамонов и С.М. Фролова предлагают рассматривать их через призму социальных мифов. Ученые обнаруживают типологическое сходство: подобно мифу, мем обладает неизменным шаблоном, обеспечивающим его идентификацию, но в процессе коммуникации подвергается трансформациям, обрастая новыми смыслами и размывая первоначальную структуру, что роднит его с цифровым фольклором [5, с. 13-17].

Данный тезис находит подтверждение в работах С.В. Канашиной, которая, определяя мем как сложное семиотическое образование, доказывает его соответствие ключевым характеристикам медиатекста – интертекстуальности, интерактивности, гибридности и шаблонности, что позволяет рассматривать его как полноценную единицу медиакommunikации [6, с. 107-112]. Несмотря на растущий исследовательский интерес, в академической среде до сих пор сохраняется терминологическая неопределенность, коренящаяся в теоретических основах концепции. Термин «мем» был введен Р. Докинзом для обозначения единицы культурной информации, способной к репликации подобно гену [7]. По мнению автора «примерами мемов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мимы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [8, с. 189]. Впоследствии, с развитием цифровой среды, понятие

было адаптировано, что привело к многообразию трактовок. В широком смысле под интернет-мемами понимаются мультимодальные культурные артефакты, создаваемые и распространяемые пользователями [9, с. 120-136; 10, с. 156-158]. В зависимости от исследовательской оптики, авторы акцентируют различные аспекты: от скрытого идеологического кода («медиавируса» по Д. Рашкоффу [11]) и репликативной природы (Р. Броуди [12]) до интегративного определения как «сгустка культурной информации» (С. А. Шомова [13, с. 13]). Г. Дженкинс [14] и Л. Шифман [15] делают акцент на коммуникативной природе мемов, М. Кнобел и С. Ланкшер определяют мемы как «заразительные паттерны», формирующие менталитет социальной группы [16, с. 199-227], а Д. Деннетт связывает их с физическими носителями идей [17]. При всем разнообразии подходов в академическом дискурсе прослеживается консенсус относительно ключевых характеристик: мемы признаются средством коммуникации, функционирующим как специфический культурный феномен цифровой эпохи [18, с. 7-27; 19, с. 103-115; 20, с. 1508-1510; 21, с. 3179-3205; 22, с. 562-586; 23, с. 412-428].

Однако методологическая сложность изучения мемов усугубляется их зависимостью от цифровых платформ. Выбор источника для анализа неизбежно влияет на исследовательскую оптику: база данных “Know Your Meme” фиксирует стандартизированные форматы [24, с. 83-97; 29; 25, с. 188-202], тогда как социальные сети демонстрируют более разнообразный пул, не всегда попадающий в специализированные архивы [26, с. 1-18; 27, с. 153-164]. Более того, алгоритмические инфраструктуры платформ играют определяющую роль в распространении контента. В связи с этим исследователи указывают на наличие системных предубеждений, коренящихся в самом алгоритмическом дизайне и практике обработки данных. Так, автоматизированные системы модерации часто с трудом интерпретируют сарказм, региональные идиомы, пародии или другие особенности, определяющие культуру мемов, что рискует привести к ошибочной классификации или неоправданной цензуре. Корень этой проблемы кроется в смещении обучающих наборов данных в сторону доминирующих языков и культур, что закономерно маргинализирует незападные формы выражения. Как отмечает С.Ю. Нобл [28], данный дисбаланс наглядно подтверждается недостаточной представленностью африканских или южноазиатских форматов мемов на основных платформах. Более того, алгоритмическое усиление поляризующего контента еще больше усугубляет ситуацию: мемы, высмеивающие неродные акценты или региональные диалекты, часто

набирают популярность благодаря своей шоковой ценности, отчуждая пользователей, которые воспринимают их как микро-агрессию [29]. Рекомендательные системы, основанные на машинном обучении [30, с. 5063-5075; 28], подбирая контент под предпочтения пользователя, рискуют гомогенизировать культурное выражение и редуцировать культурно-специфические символы до стереотипов, как в примере с экзотизацией китайских новогодних цветов [31]. Алгоритмическая логика выступает не просто фильтром, а активным фактором трансформации смыслов.

Динамичная эволюция культуры мемов значительно усложняет этический надзор. Мемы быстро видоизменяются по мере того, как пользователи ремикшируют шаблоны, что делает прогнозирование их культурных последствий крайне затруднительным. Ярким примером трансформации смыслов является жест «ОК», изначально безобидный в западном контексте, но позже присвоенный экстремистскими группами в качестве символа ненависти. Эта семантическая метаморфоза, с которой платформы с трудом справлялись из-за запаздывающей модерации контента, подчеркивает необходимость адаптивных подходов, способных балансировать между творческой спонтанностью и культурной ответственностью [32]. Возвращаясь к теоретическим основаниям, важно отметить, что Р. Докинз для описания материальной реализации идей ввел понятие «транспортное средство» (vehicle) – физический носитель, обеспечивающий сохранение и распространение репликатора [33]. В современных реалиях именно интернет выступает в роли глобального «транспортного средства», обеспечивая условия для циркуляции мемов, что подтверждается в работах специалистов по медиа [34, с. 253-256; 35, с. 1-5; 36, с. 62-73; 37, с. 46-59].

Проведенный социально-психологический анализ и обобщение теоретических подходов позволяют рассматривать интернет-мем как неотъемлемый компонент цифровой коммуникации. Пройдя путь от эволюционной теории через концепцию партисипаторной культуры, исследовательская мысль приходит к пониманию мема как сложного мультимодального образования, существующего благодаря коллективному ремиксингу и переосмыслению. С социально-психологической точки зрения, мемы выступают маркерами групповой принадлежности и инструментом конструирования идентичности, снижая барьеры для участия в публичном дискурсе. Однако они занимают парадоксальное пространство: являясь одновременно демократизирующими силами, расширяющими возможности культурного самовыражения, и векторами

исключения, формируемыми алгоритмическими и дизайнерскими предубеждениями. Существующие исследования освещают технические основы и социальные функции мемов, но не в полной мере учитывают живой опыт маргинализированных пользователей, проходящих кросс-культурную адаптацию. Вместе с тем теоретический анализ выявляет принципиальные вызовы: во-первых, концептуализация мема зависит от платформенной специфики, где алгоритмы могут упрощать культурные смыслы; во-вторых, становление мема как жанра происходит в нормативном вакууме, где динамика его развития опережает формирование этических регуляторов. Данное обстоятельство позволяет рассматривать мемы не только как отражение цифровой культуры, но и как поле для формирования новых социальных норм, требующее дальнейшего междисциплинарного изучения.

Библиографический список

1. Костоготов Д.А. Историческое сознание в интернет-мемах: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. № 9. С. 126-138.
2. Запывалов Д.А. Интернет-мем как объект судебной лингвистической экспертизы по уголовным делам // Аграрное и земельное право. 2022. № 11 (215). С. 188-189.
3. Скоробогатов В.В. Интернет-мем как механизм формирования общественного мнения о политических явлениях // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 6. С. 26-30.
4. Смирнова О.В. Индикаторы конфликтности в российском медиадискурсе: анализ интернет-мемов // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 1, № 11. С. 41-58.
5. Артамонов Д.С. Интернет-мем в системе социальной мифологии цифровой эпохи // Общество: философия, история, культура. 2020. Т. 11, № 79. С. 13-17.
6. Канашина С.В. Интернет-мем как медиатекст // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2019. Т. 1, № 19. С. 107-112.
7. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. 318 с.
8. Knobel M. Memes and affinity spaces: some implications for policy and digital divides in education // E-Learning and Digital Media. 2006. Vol. 3, No. 3. P. 411-427.

9. Davison P. The language of internet memes // The social media reader / ed. M. Mandiberg. New York: New York University Press, 2012. P. 120-136.
10. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М.: Ультра Культура, 2003. 368 с.
11. Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание. М.: Поколение, 2007. 304 с.
12. Шомова С.А. Мемы как они есть. М.: Аспект Пресс, 2018. 136 с.
13. Jenkins H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York: New York University Press, 2006. 262 p.
14. Shifman L. Memes in Digital Culture. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. 211 p.
15. Knobel M. Online memes, affinities, and cultural production // A New Literacies Sampler. 2007. Vol. 29. P. 199-227.
16. Dennett D.C. Consciousness explained. London: Penguin Books, 1991. 530 p.
17. Blommaert J. Meaning as a nonlinear effect: The birth of cool // Aila Review. 2015. Vol. 28, No. 1. P. 7-27.
18. Colorado-Castellary A. Perspectivas de la cultura digital // Zer: Revista de Estudios de Comunicacion. 2010. Vol. 15, No. 28. P. 103-115.
19. Wang J. The Discursive Power of Memes in Digital Culture: Ideology, Semiotics, and Intertextuality // New Media & Society. 2020. Vol. 22, No. 8. P. 1508-1510.
20. Wiggins B.E. Boogaloo and Civil War 2: Memetic antagonism in expressions of covert activism // New Media & Society. 2020. Vol. 23, No. 11. P. 3179-3205.
21. Cannizzaro S. Internet memes as internet signs: A semiotic view of digital culture // Sign Systems Studies. 2016. Vol. 44, No. 4. P. 562-586.
22. Miltner K. M. Internet memes // The SAGE Handbook of Social Media / J. Burgess, A. Marwick, T. Poell (eds.). London: Sage Publications, 2017. P. 412-428.
23. Hristova S. Occupy wall street meets occupy Iraq: On remembering and forgetting in a digital age // Radical History Review. 2014. No. 117. P. 83-97.
24. Kumar K. To meme or not to meme: The contribution of anti-memes to humour in the digital space // Language@Internet. 2020. Vol. 18 // URL: [https://www. languageatinternet.org/articles/2020/kumar](https://www.languageatinternet.org/articles/2020/kumar) (дата обращения: 03.03.2026).

25. Zannettou S. On the origins of memes by means of fringe web communities // *Proceedings of the Internet Measurement Conference*. 2018. P. 188-202.
26. Al-Rawi A. Networked Flak in CNN and Fox News Memes on Instagram // *Digital Journalism*. 2021. P. 1-18.
27. Du Y. Understanding visual memes: An empirical analysis of text superimposed on memes shared on twitter // *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*. 2020. Vol. 14. P. 153-164.
28. Noble S. U. Algorithms of oppression: How search engines reinforce racism. New York: New York University Press, 2018. 248 p.
29. Gillespie T. Custodians of the internet: Platforms, content moderation, and the hidden decisions that shape social media. Yale: Yale University Press, 2018. 297 p.
30. Peer-to-peer in the workplace: A view from the road // 2016 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems, 7-12 May 2016. New York, 2016. P. 5063-5075.
31. Sun H. Cross-cultural technology design: Creating culture-sensitive technology for local users. Oxford: Oxford University Press, 2012. 305 p.
32. Milner R.M. The world made meme: Public conversations and participatory media. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. 2016. 256 p.
33. Dawkins R. The extended phenotype. Oxford: Oxford University Press, 1982. 295 p.
34. Lunenfeld P. Barking at memetics: The rant that wasn't // *Journal of Visual Culture*. 2014. Vol. 13, No. 3. P. 253-256.
35. Vada O. What happened to memetics? // *Emergence: Complexity & Organization*. 2015. Vol. 17, No. 2. P. 1-5.
36. Sampson T. Virality: Contagion Theory in the Age of Networks. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2012. P. 62-73.
37. Tuters M. Why Meme Magic is Real but Memes are Not: On Order Words, Refrains and the Deep Vernacular Web // *Memnesia* / M. Watson, J. Galle (eds.). Amsterdam: Hermann, 2021. P. 46-59.

УДК 141.1

Скептицизм как инструмент метафилософской рефлексии над научным знанием

А.С. Самарин
кандидат философских наук, доцент

*Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
e-mail: asamarin@sfu-kras.ru*

Skepticism as a Tool of Metaphilosophical Reflection on Scientific Knowledge

*A.S. Samarin
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor*

*Siberian federal university, Krasnoyarsk, Russia
e-mail: asamarin@sfu-kras.ru*

Аннотация. Анализируется роль скептицизма в условиях информационной перегрузки и конкуренции эпистемологических моделей. Доказывается, что скептический метод выступает не деструктивной силой, а нормирующим фильтром, устраняющим догматизм. Обосновывается необходимость интеграции рефлексии второго порядка для преодоления методологических тупиков и обеспечения продуктивного развития научного знания. Подчеркивается эвристическая ценность воздержания от суждений для предотвращения трансформации скептической критики в новую форму догмы.

Ключевые слова: скептицизм, метафилософия, научное знание, эпохэ, догматизм, изостения.

Abstract. The role of skepticism in the context of information overload and competition of epistemological models is analyzed. It is proved that skeptical method is not a destructive force, but a normalizing filter that eliminate dogmatism. The necessity of integrating second-order reflection in order to overcome methodological dead ends and ensure the productive development of scientific knowledge is substantiated. The heuristic value of refraining from judgements is emphasized in order to prevent the transformation of skeptical criticism into a new form of dogma.

Keywords: skepticism, metaphilosophy, scientific knowledge, epoche, dogmatism, isostheny.

Скептицизм понимается как античная философская школа, практикующая воздержание от суждений (эпохэ) ради этически корректной жизни ученого в условиях существования среди множества конкурирующих эпистемологических позиций. Его цель – не присвоение истины, но демонстрация невозможности ее абсолютной верификации из-за равной убедительности различных противоположных суждений. Скептицизм выступает методологическим инструментом критического анализа

претензий систем знания на истинность. Объектом анализа выступает научное знание как наиболее разработанная форма познания, а само исследование носит метафилософский характер.

Скептицизм возникает как критика знания в условиях перенасыщения поля возможного познания. В периоды научных революций или эпистемологических кризисов (к примеру, в физике начала XX в.) функция скептицизма минимизируется или трансформируется, уступая место конструктивным поискам новых парадигм, осмысляющих научное знание в целом. Но возвращение скептицизма в число актуальных в науке теорий происходит зачастую в моменты, когда в условиях значительной аккумуляции данных и ощущения дискурсивной исчерпанности темы в той или иной сфере познания складывается ситуация иллюзии исчерпания всех возможных суждений по той или иной проблематике. Таким образом, скептицизм реформируется, заново возникает в научном или философском знании в ситуации высокой плотности имеющихся данных, знаний, и выполняет функцию критического фильтра, освобождающего научное знание от теорий, не обладающих достаточной доказательной силой. В этой связи актуализируется проблема функциональной двойственности скептицизма: является ли он исключительно деструктивной силой по отношению к научному знанию или обладает некоторым конструктивным потенциалом? Распространенное сведение скептицизма исключительно к деструктивной установке, предполагающей тотальную критику без выдвижения альтернативных гипотез, представляется методологически ограниченным. Исследование метода работы античных скептиков показывает, что им было свойственно скрупулезное рассмотрение всех возможных суждений по той или иной проблеме, иногда, как отмечает Р.А. Счастливцев, завершающееся отказом от суждения [1, с. 321]. Рассмотрение скептицизма только в его критикующей функции игнорирует многомерность скептического метода, который выполняет в эпистемологии не только негативную роль, но и выступает в роли нормирующего арбитра, проверяющего те или иные суждения или концепции на самопротиворечивость.

Научное познание характеризуется кумулятивным накоплением знаний в ситуации жесткой конкуренции теоретических моделей за статус истинности. В условиях множественности конкурирующих моделей возникает проблема навигации в эпистемологическом пространстве. Мы предполагаем, что в ситуации информационной перегрузки ключевую роль приобретает рефлексия над содержанием нашего знания. Более того, прогресс научного знания оказывается невозможным без приме-

нения элементов скептической рефлексии к существующему массиву данных. Ярким примером служит современная физика, где поиск «теории всего» зашел в методологический тупик из-за недостатка критического переосмысления базовых установок. Накопленный массив фактов блокирует формирование новой парадигмы без скептического фильтра отсева догматических теорий. Актуализируем вопрос о необходимости более интенсивной интеграции в современной науке рефлексии второго порядка – размышления о том, как мы приходим к тем или иным основаниям нашего знания и как опираемся на них в процессе научных исследований. Существует вероятность, что ряд фундаментальных теорий приобрел черты догматических конструкций, требующих разбора с применением скептического метода. Эта критическая процедура способна трансформировать накопленный массив знаний в основу для нового качественного скачка в познании.

Скептицизм может быть обозначен как знание второго порядка: его объектом является не мир непосредственно, но существующие массивы «готового» знания и условия их возможности. Под «готовым знанием» в данном контексте понимается знание первого порядка. Скептицизм как методология второго порядка направлен не на мир непосредственно, а на анализ условий возможности утверждений о нем, исследуя архитектуру научного дискурса и его скрытые догматические предпосылки. Без обращения к метафилософскому слою рассуждений научное знание рискует перейти в форму наивного реализма, принимая свои модели за реальность. Скептицизм фокусируется на тематизации условий познания, а не на описании мира как такового [2, с. 292]. Это позволяет избежать обвинения в догматизме, поскольку скептик утверждает нечто о мире, но показывает несостоятельность описания мира у оппонентов. Следует уточнить, что в традиции античного скептицизма термин «догматизм» обозначает позицию, предполагающую преждевременную остановку поиска оснований истинности утверждения. Таким образом, догматизм характеризуется завершением процесса сомнения и фиксацией определенного истинного положения дел, статичного состояния знания. В противоположность этому, скептицизм предполагает непрерывность процесса аналитической работы над состоянием знания. Скептический подход следует интерпретировать не как форму эпистемологического нигилизма, а как последовательную мировоззренческую и методологическую позицию.

Скептицизм возникает в условиях сосуществования множества конкурирующих философских школ, ключевые тезисы которых обла-

дают равной степени убедительности. Данный эпистемологический статус обозначается термином изостения (равновеликость аргументов) [3, с. 18]. Подобная конфронтация теоретических парадигм не рассматривается как недостаток познавательного процесса или нуждающаяся в устранении ситуация. Напротив, в рамках воззрений скептицизма она интерпретируется как норма функционирования большой системы знания, в качестве которой мы взяли философское знание эпохи эллинизма, но эта же ситуация воспроизводится в контексте других научных дисциплин. В данном аспекте прослеживается преемственность между античным скептицизмом и постпозитивизмом XX века. Более всего нас в данном случае будет интересовать создатель концепции методологического анархизма П. Фейрабенд. Его принцип «допустимо всё» (anything goes) [4, с. 42] постулирует, что методологическая монополия единственной парадигмы препятствует росту научного знания. Античный скептицизм, отражающий позицию постоянной бдительности относительно возможности появления догматизма, функционирует как гарант методологического плюрализма, который способствует преодолению искусственной унификации научного дискурса. Фундаментальное различие античного и современного скептицизма заключается в векторе приложения сил: если первый был ориентирован на разрушение догматической ориентации в познании, то второй направлен на селекцию теоретических моделей. При этом скептицизм остается временным инструментом очищения знания; сохранение скептической установки после устранения догматических конструкций рискует трансформироваться в новую догму. Для обоснования использования скептического метода как временной меры сами скептики используют, как отмечает В.М. Маслов, метафору огня: «Утверждение философской состоятельности скептицизма требовало, с одной стороны, максимально полной и доскональной критики философии, снятия обвинения в своей философичности, например, с помощью сравнения своей философской деятельности с огнем, который затухает после пожара (это отмечается у всех следующих за Пирроном известных скептиков от Энесидема до Секста Эмпирика» [5, с. 259]. Следует отметить, что существует риск трансформации методологического скептицизма в перманентную негативную установку как новой формы догматизма. В этом контексте показательно высказывание прозаика Ф.Д. Кривина о том, что «скептицизм – это опьянение трезвостью» [6]. Подлинный скептицизм предполагает прекращение критической установки по достижении цели, которой является элиминация необоснованных суждений. Скептицизм при этом не

претендует на создание альтернативной догматической системы. Влияние скептической методологии стимулирует трансформацию фундаментальных эпистемологических вопросов. Происходит смещение фокуса с догматически сформулированных проблем на вопросы метатеоретического уровня. Например, онтогносеологический вопрос «что есть истина?» может быть заменен прагматическим вопросом «как действовать в соответствии с имеющимися явлениями?» Такая трансформация обусловлена базовыми установками скептицизма. Центральным понятием античного скептицизма является «эпохэ» как воздержание от суждения. Важно подчеркнуть, что «эпохэ» не эквивалентно пассивности или отказу от деятельности. Деятельность скептика базируется на критерии «разумного» (eulogon) и следовании феноменам, при этом он воздерживается от асерторических суждений об их абсолютной истинности или ложности. Данный подход схож с концепцией конструктивного эмпиризма Б. ван Фраассена, в которой становится приоритетом эмпирическая адекватность теорий над требованиями их онтологической истинности [7, с. 234-236]. В данном контексте целесообразно адаптировать положения античного скептицизма к современным условиям и констатировать, что в условиях постмодернистской парадигмы, характеризующейся распространением симулякров и разнообразных вариаций на тему виртуальности окружающего мира и его симуляции [8; 9] применимость корреспондентной теории истины, требующей строгого соответствия знания объективной реальности, становится проблематичной. Скептическая установка, восходящая к античным истокам, позволяет работать с моделями и данными как с полезными инструментами без необходимости решения вопроса об онтологическом статусе реальности, репрезентируемой ими. Важно отметить, что для античного скептицизма целью проведения анализа является не интеллектуальная игра, эристическое состязание или спекулятивная деятельность, направленная на победу в споре, но достижение атараксии (бесстрастия) посредством элиминации тревоги, порождаемой нахождением в пространстве безостановочных догматических споров. Скептицизм является эвдемонистической философией: достижение душевного равновесия связывается в нем именно с работой в сфере знания и преодолением беспредметных полемик, мотивированных догматической уверенностью [10; 11]. Согласно скептикам, нарушение душевного равновесия обусловлено тщетными попытками обретения абсолютного знания в областях, где оно недостижимо. В современном научном дискурсе установка на получение такого знания провоцирует беспредметные полемики, мотивиро-

ванные либо эристическими целями, либо догматической уверенностью, исключая альтернативные позиции. Сделаем предположение, что систематическое применение скептической методологии способствует освоению способности удерживать баланс между противоположными суждениями, колебаться между противоположностями. Назовем эту способность «принцип метаксиса», формулирование которого восходит к философии Платона (диалог «Пир») [12]. Термин «метаксис» был актуализирован в современной философии метамодернизма. Следует отметить, что с позиции скептицизма Платон может быть классифицирован как догматик, чья объективно-идеалистическая установка подлежит критике. Однако методологический принцип «метаксиса» сохраняет свою эвристическую ценность, поскольку фактически реализуется и в самой скептической практике. Осуществим своеобразную «метафилософскую редукцию»: «скептик» (как роль в диалоге философских систем) не принимает онтологию Платона, но использует её структурный элемент как методологический оператор. Это демонстрирует, что скептицизм в метафилософском его прочтении не отменяет историю философии, но перерабатывает ее, «раскрывая» замкнутые догматические системы знания в интересах продолжения продуктивного роста знания. В заключение следует констатировать, что античный скептицизм не предлагает радикальной трансформации в современном научном знании, а прокладывает путь к достижению методологической зрелости. Интеграция рефлексивного знания второго порядка, свойственного скептицизму и актуализируемого в условиях конкурирующих доктрин, позволяет научному сообществу осознавать эпистемологические границы, легитимировать методологический плюрализм и рассматривать исследовательский процесс как открытую систему. Античный скептицизм становится в данном прочтении прототипом метафилософской установки, требующей от мыслителя постоянной бдительности относительно границ продуктивной работы со знанием и риском впадения в догматизм. Реконструированный в контексте современной науки античный скептицизм функционирует как исследовательская методология, способствующая преодолению догматического страха ошибки и формирующая установку на постоянную ревизию оснований знания.

Библиографический список

1. Счастливцев Р.А. Историко-философские интерпретации скептицизма в связи с его методологическим потенциалом в гуманитарном

познании // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4-1. С. 318-323.

2. Маслов Д.К. Природа скептического поиска // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4 (32). С. 287-297.

3. Гусев Д.А. Скептицизм как мировоззренческий нейтралитет в преподавании социально-гуманитарных дисциплин // Проблемы современного образования. 2016. № 3. С. 14-23.

4. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ: Хранитель, 2007. 413 с.

5. Маслов В.М. Скептицизм: историко-логические формы и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 257-261.

6. Кривин Ф.Д. Брызги действительности: юмористическая проза. Ужгород: Аудиотех, 1996. 175 с.

7. Гусев Д.А. Эллинистический скептицизм как предтеча неклассических концепций истины // Преподаватель XXI век. 2016. № 1, ч. 2. С. 229-241.

8. Ладов В.А. Информационный скептицизм и виртуальная реальность // Гуманитарная информатика. 2012. № 6. С. 38-54.

9. Гусев Д.А. Античный скептицизм как ранняя форма рефлексии теоретического знания // Преподаватель XXI век. 2010. Т. 2, вып. 2. С. 204-211.

10. Гусев Д.А. Античный скептицизм и современная философия науки // Преподаватель XXI век. 2014. Т. 2, № 3. С. 219-225.

11. Гусев Д.А. Философская специфика античного скептицизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2006. Вып. 2. С. 82-90.

12. Платон. Пир. Пер. с др.-греч. С.К. Апта // Платон. Собрание сочинений в 4 томах / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 81-134.

УДК 101.1

Идея прогресса в призме анализа современного общества

Е.С. Улевич

кандидат философских наук, доцент

*Санкт-Петербургский государственный университет промышленных
технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: lena5501@mail.ru*

Idea of Progress in the Lens of Analysis of Modern Society

E.S. Ulevich

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

*Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
Saint Petersburg, Russia
e-mail: lena5501@mail.ru*

Аннотация. Идея прогресса общества, появившаяся в сознании западноевропейского человека в XVIII веке, претерпела в настоящее время значительные изменения. Ускорение темпов роста техники и технологий демонстрируется на примерах из различных сфер общественной жизни. В докладе исследуются особенности роста техники и технологий в современном обществе (последние 40-50 лет) и трансформация различных сфер общества под воздействием технологических изменений. Особое внимание уделяется негативным последствиям, которые вызваны прогрессом в области информационных технологий.

Ключевые слова: современное общество, прогресс, саббатикал, микропроцессор, искусственный интеллект, социальные последствия, противоречивость общественного развития.

Abstract. The idea of social progress emerged in the minds of Western Europeans in the 18th century has undergone significant changes nowadays. The accelerating pace of technological advancement is demonstrated through examples from various spheres of social life. The report examines the specifics of technological advancement in modern society (over the past 40-50 years) and the transformation in various spheres of the society under the influence of technological change. Particular attention is given to the negative consequences caused by advances in information technologies.

Keywords: modern society, progress, sabbatical, microprocessor, artificial intelligence, social consequences, contradictory nature of social development.

Общество стало предметом изучения философии едва ли не с самого начала ее существования. Уже в эпоху античности на сократическом этапе развития мыслители предлагали возможные варианты справедли-

вого устройства общества и наилучшего его управления. Так, Платон видел идеальное руководство обществом философами-мудрецами, полагая, что люди, не принадлежавшие к сословию мудрецов, не будут рваться к власти еще и потому, что философы-мудрецы не будут иметь права богатеть, то есть иметь частную собственность. Само же общество, в котором хотя и отсутствует равенство («люди не равны по природе»), тем не менее может считаться справедливым, поскольку каждый человек будет иметь возможность развивать заложенные при рождении способности [1].

В дальнейшем идея управления обществом еще более актуализируется. Аристотель делит все формы правления на правильные (хорошие) и неправильные (плохие), отмечая, что неважно сколько человек стоит у власти: если у власти один, то такая форма правления может быть как правильной, так и неправильной. Все зависит от того, в чьих интересах ведется управление: если в интересах только самого правителя, то такая форма правления неправильная (тирания), если в интересах всех, то правильная (монархия). По этому же принципу отличаются аристократия и олигархия, демократия и полития [2].

Эти идеи, высказанные античным мыслителем, помогают избежать иллюзий, когда мы стремимся сменить власть, руководствуясь только принципом: сколько человек стоит у власти в надежде на то, что такой смены будет достаточно для улучшения положения в стране. Проблема наилучшего устройства общества не менее остро стояла и на Востоке. Так, Конфуций полагал, что государство должно быть организовано по аналогии с семьей, где правитель – отец, а подданные его дети. Граждане должны относиться к правителю с сыновней почтительностью, а правитель (отец) с отеческой заботой [3]. В даосизме вопрос о хорошем правителе стоит в контексте принципа недеяния (или «деяния без борьбы»): какой правитель худший – над которым смеются, лучший – которого любят. Но самый лучший правитель тот, о котором знают, что он есть и все. То есть тот, кто не нарушает сложившийся порядок [4, с. 80].

Меняется эпоха, меняется и представление о том, кто должен управлять государством. В эпоху Нового времени Ф. Бэкон полагал, что с увеличением роли науки в обществе во главе государства должен стоять Дом Соломона – содружество ученых [5].

Примечательно, что на протяжении длительного времени в философии мало внимания уделялось вопросу о путях (способах) достижение желаемого общества. Точнее, это не считалось проблемой. Предполагался простой путь – убеждение. Убедить правителя (как это было с

примером Платона, хотя и с печальным результатом, когда тиран Дионисий изменил свое решение и не только отказался воплощать в жизнь идеи Идеального государства, но и продал Платона в рабство); или другой вариант, но, по сути, тоже просветительский, – убедить народ.

В «оправдании» философии можно сказать, что идея развития обществ, идея прогресса, возникает лишь в XVIII веке в работах М. де Кондорсе [6], когда темпы развития общества настолько увеличились, что не заметить этого уже было невозможно. Трудно было заметить изменение общества, допустим, в эпоху античности, когда общественный строй оставался одним и тем же (с некоторыми изменениями) на протяжении тысячи лет. Аналогичная ситуация и со средневековой эпохой. В дальнейшем с увеличением темпов развития общества остро встал вопрос не только о путях его изменения, но и о том, что лежит в основе общества, с чего необходимо начать изменение.

Укоренившаяся в сознании современного западного человека идея прогресса претерпела некоторые изменения. Логика развития общества предстает уже не в виде простой восходящей линии, а в виде *ломаной*, что подчеркивает противоречивый характер прогрессивного развития – прогресс в одних областях сопровождается регрессом в других. Идея прогресса – далеко не самоочевидная. Длительное время, на протяжении всей эпохи средневековья в религиозной философии в понимании тенденции развития общества господствовала идея его регрессивного развития, суть которой в следующем: совершенное общество осталось в прошлом, в то время, когда люди жили в Эдемском саду. После изгнания из рая общество все более удаляется от этого состояния.

Идея о том, что общество за последние 100-200 лет далеко продвинулось в области развития техники и технологий, развития науки, образования и культуры в целом, настолько очевидна, что не нуждается в особом доказательстве ни на философском уровне, ни на уровне здравого смысла. Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет вопрос о том, что изменилось в жизни современного общества за последние 40-50 лет, что появилось принципиально нового на протяжении жизни одного поколения.

Ярким примером увеличения темпов развития техники и технологии является существовавшие лет 30-40 назад лаборатории по отслеживанию движения МКС профессиональными астрономами. Траектория движения станции тщательно отслеживалась, данные передавались в Единый центр, где обрабатывались и затем через 2-3 суток выдавался результат. В настоящее время прогресс продвинулся так далеко, что

сейчас существует мобильное приложение к айфону ISS DETECTOR, которое дает возможность астрономам-любителям наблюдать за движением не только МКС, но и других спутников в реальном времени. То есть мы можем невооруженным глазом отследить движения китайской станции «Тяньгун», телескопа «Хаббл», комет и планет. Более того, приложение проинформирует нас о состоянии погодных условий: будет ли достаточно ясная погода в том месте, где мы проводим наблюдение. Еще более невероятная функция – возможность при помощи видеоплеера, установленного на станции, взглянуть на Землю со стороны орбиты.

Другой наглядный пример ускорения прогресса в области технологий – носители информации. Дискеты, диски, флешки – их использование позволяет довольно точно определить даже на уровне обыденной жизни не только век (начало, середина или конец), а десятилетие. Их смена происходила при жизни одного поколения. Уже в настоящее время появляется идея нового подхода к хранению информации, когда отпадает необходимость носить специальное устройство и скачивать на него музыку или фильм, достаточно сказать, например: «Алиса, включи “Времена года” Вивальди».

Если выделить общее, что вызвало эти и подобные им изменения, то можно назвать изобретение микропроцессора. Основные вехи его развития таковы: 1. Рождение микропроцессора – 1970 год. 2. Появление первых персональных компьютеров, рассчитанных на обычных людей (не специалистов) – 1980-е гг. 3. 1990-е гг. – компьютеры связываются друг с другом, создается Всемирная паутина. 4. 2000-е гг. – появление широкополосного интернета, социальных сетей, смартфонов, когда сетевой компьютер помещается в кармане каждого. 5. 2010-е гг. – появление искусственного интеллекта [7].

Начинается автоматизация умственного труда, вытеснение рутинной административной работы, значительно сократились секретарские должности. Трансформация офисной работы коснулась не только операций вычисления, которые прежде проводились вручную, но и с созданием текстовых редакторов (Word и др.) самостоятельного создания документов. Нетрудно заметить, что даже простое перечисление основных этапов этого процесса демонстрирует нам существенное отличие современного уровня техники и технологий от того, что мы наблюдали 100-200 лет назад. Дело здесь не только в небывалых темпах роста, но и в их влиянии на все сферы общества, а также то, что эти технологические новшества может ощутить на себе каждый человек.

Для сравнения можно привести историю развития открытия и практического применения бензина как продукта переработки нефти. Бензин был получен опытным путем М. Фарадеем в 1825 году, но в качестве топлива для двигателя внутреннего сгорания для автомобилей стал использоваться лишь в 1886 году. Широкое применение этого вида топлива датируется 1910 годом, когда Г. Форд внедрил на автозаводе конвейер, что способствовало снижению цены и увеличению продаж [8]. Таким образом, время от открытия до внедрения составляло почти 100 лет, в отличие от современности, как было показано выше, эти сроки исчислялись десятилетием.

XXI век ознаменовался созданием искусственного интеллекта, дальнейшей автоматизацией познавательных задач, расширением доступа к информации и почти мгновенным ответом на многие запросы. Но эйфория по поводу широкого доступа к ИИ и быстрому получению результата сменилась серьезной озабоченностью. Эта, несомненно, положительная функция ИИ оборачивается негативными последствиями, которые общество на данном этапе не в состоянии решить. Так, теряется смысл в даче домашних заданий (примеров, в том числе) школьникам с целью закрепления знаний, полученных на уроках. Предполагалось самостоятельное выполнение заданий. Требуется основательная перестройка всех учебных программ. Проблема не ограничивается только школьным образованием. Написание курсовых и дипломных работ, докладов и научных статей и даже диссертаций наталкивается на эту же трудность. Речь здесь идет не только и не столько о плагиате. В настоящее время имеется множество программ, распознающих заимствование в ИИ и способных определить сгенерированный текст или оригинальный (Giga Check, ИИ Детектор и другие), а о новых методах обучения аналитической работе с источниками.

Высокие темпы развития техники и технологий вызвало к жизни такое явление как саббатикал [9] – частично или полностью оплачиваемый отпуск от 3-х месяцев до года и более с сохранением места за сотрудником. Это время может быть потрачено им на получение дополнительного образования, изучения иностранных языков, открытия своего дела и т.д. В некоторых странах, например, в Дании, существует государственная поддержка саббатикала, поскольку сами фирмы, общество в целом заинтересованы в частичном освобождении рабочих мест и предоставления работнику возможности смены деятельности. Интенсификация умственного труда вызвала необходимость этого явления, в том числе, и для преодоления синдрома эмоционального выгорания.

Это свидетельствует о том, что ситуация в современном мире кардинально изменилась: еще сравнительно недавно предприятия выплачивали денежное вознаграждение за непрерывный стаж работы на одном месте, «за выслугу лет». Чем больше стаж, тем больше вознаграждение. Современный работодатель может подозрительно относиться к новому работнику, зная, что он проработал на одном месте 30 лет.

Философский анализ прогресса технического развития предполагает выход за рамки истории техники, ее влияние на все сферы общества, прогнозирование негативных последствий этого влияния. Изобретение ИИ, как и других научных и технических открытий само по себе не может быть идентифицировано с позиции «добро – зло». В нравственном отношении изобретение микропроцессора и вызванных им технологий нейтрально, как нейтральна сама идея расщепления атома. Хрестоматийный ответ на этот вопрос «добро это или зло» человек сам определяет. Аналогичная ситуация с ИИ. Но, как и с атомом, не в компетенции ученых, инженеров и программистов решать, где и когда можно использовать это изобретение. Важно понять, что технологии не определяют своих социальных последствий. Они зависят от политических, культурных, властных институтов: как применять и распределять плоды технологического прогресса. Резюмируя сказанное, можно отметить, что современный уровень развития общества характеризуется не только увеличением темпа развития техники и технологий, но и сокращением сроков их внедрения в производство, а также переустройством всех сфер общества. Предметом философии является *всеобщее*, поэтому она, изучая какой-либо объект, не «отграничивает» себя от внешнего мира, как делают это частные науки, а устанавливает связи с ним [10, с. 87]. Применительно к нашей теме – это установление взаимовлияний техники и технологий на различные сферы общества и отдельную личность: образование, науку, познавательные способности личности, ее психику и т.д.

Библиографический список

1. Платон Государство. Пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. М.: АСТ, 2024. 410 с.
2. Аристотель Политика. Пер. с древнегреч. С.А. Жебелева. М.: АСТ, 2025. 384 с.
3. Конфуций Беседы и суждения. Пер. с кит. П. Попова. М.: АСТ, 2025. 224 с.

4. Лао Цзы. Дао Дэ Цзинь. СПб.: Издательский Дом «Азбука Классика», 2008. 144 с.
5. Бэкон Ф. Новый органон; опыты. Пер. с лат. С. Красильщикова, З. Александровой. М.: АСТ, 2026. 544 с.
6. Кондорсе М. де Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. Пер. с фр. И. А. Шапиро. М: Юрайт, 2025. 193 с.
7. Абакумов Е., Лысачев М., Прохоров А. Микроэлектроника. Анализ. Тренды. Мировой опыт. М.: ИП Бетретдинов Р.Г., 2026. 480 с.
8. Горючее счастье // URL: <https://lenta.ru/articles/2018/09/07/historyofpetrol/> (дата обращения: 23.03.2026).
9. Что такое саббатикал и как им воспользоваться // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6450b6469a79476b07448066> (дата обращения: 23.03.2026).
10. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? Пер. с исп. М.: Наука. 1991. 408 с.

УДК 165.0

Метаморфозы в современной культуре в контексте динамики научных исследований

В.В. Ходыкин
кандидат философских наук, доцент

*Самарский государственный технический университет, г. Самара,
Россия
e-mail: VKhodykin@yandex.ru*

Metamorphoses in Modern Culture in the Context of Scientific Research Dynamics

V.V. Khodykin
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

*Samara State Technical University, Samara, Russia
e-mail: VKhodykin@yandex.ru*

Аннотация. В докладе рассматриваются изменения в современной культуре (имеется в виду современная человеческая цивилизация) под влиянием техногенного, информационного, цифрового факторов. Последний выступает определяющим моментом в развитии современного научного исследования, в частности, и в жизни человека и общества в целом. Говорится о феномене рациональности как неотъемлемом атрибуте научного исследования, а также о присутствии концептуального кризиса в обсуждении данного вопроса и существующих здесь разночтениях. Поднимается вопрос о факторе расширения междисциплинарного взаимодействия, концептуальном отражении этого в рамках современной рефлексии.

Ключевые слова: метаморфозы культуры, наука, цивилизация, общество, человек, информация, развитие, рациональность, теория.

Abstract. The report examines changes in modern culture (meaning modern human civilization) under the influence of man-made, informational, and digital factors. The latter is a defining moment in the development of modern scientific research, in particular, and in human life and society as a whole. It talks about the phenomenon of rationality as an integral attribute of scientific research, as well as the presence of a conceptual crisis in the discussion of this issue and the discrepancies that exist here. The question is raised about the factor of expanding interdisciplinary interaction, the conceptual reflection of this in the framework of modern reflection.

Keywords: cultural metamorphoses, science, civilization, society, man, information, development, rationality, theory.

Рефлексивное углубление в детали развития научных исследований в разные исторические эпохи дает возможность выявить ключевые смысловые контексты рассмотрения происходящих метаморфоз в культуре в целом. В контексте данного исследования можно выделить ряд важных постулатов. Во-первых, как указывал Э. Фромм, следует заметить риск растворения конкретных субъектов в общей коллективной массе посредством «работы ради внеличных целей» [1, с. 123]. Тем самым оказывается негативное воздействие на развитие общества в культурно-историческом контексте. Во-вторых, отсюда вытекает осознание важности достижения соглашения между ценностными ориентирами ученых и сложившейся в какой-то момент социокультурной средой в целом. В-третьих, необходимость расширения контекста представлений о факторе разума, разумности или их концепта, т.е. рациональности, без чего крайне сложно говорить о научном исследовании. Будучи неотъемлемой основой философского и научного исследо-

вания, рациональность со всей неизбежностью распространяет свое влияние в направлении иных форм освоения окружающей действительности (искусство, миф, религия).

Смысловые контексты метаморфоз в культуре находят свое отражение в процессе и в результатах научных исследований в конкретные исторические эпохи. Но конкретные культурно-исторические эпохи связаны с формированием определенных типов рациональности научного исследования. В частности, можно говорить о следствии возникновения новых факторов и условий, идущих вразрез с привычными ценностями, убеждениями, ориентирами, представлениями о мире в сознании исследователя. Далее, по мнению У. Куайна, подразумевается возможность характеристики сложившегося в какую-либо культурно-историческую эпоху стиля рефлексии как индикатора эвристической эффективности сформировавшейся исследовательской парадигмы, содержащей в себе совокупность аналитических гипотез [2, с. 57]. Также представляет интерес фактор исчерпания рефлексией возможностей экспликации новых фактов, открытий, идей.

Философский анализ развития научного исследования в определенные временные периоды также осознавал возникающий индикатор, сигнализирующий о надвигающемся кризисе сложившегося мировоззрения в общем контексте культуры. Как полагает Х. Патнем: «Самое важное затруднение, возникающее при попытке толковать термины “рациональный”, “разумный”, “обоснованный”, ... состоит в том, что мы не располагаем сколько-нибудь обнадеживающими перспективами найти заслуживающие доверия обобщения для всех рационально приемлемых убеждений» [3, с. 143]. Т.е. предполагается опора исследований на принципы разумности, законы логики, детальную осмысленность обсуждаемого на фоне каких-либо шагов по освоению окружающего бытия, носящих иррациональный характер [2, с. 169].

Фундаментальной основой здесь выступает рационализм как некогда доминирующее направление рефлексии, исходящее из постулата о принципах разума, находящихся у истоков истинных оснований бытия, познания, готового знания в социокультурном развитии в целом. Интерес к проблемному полю метаморфоз в культуре также обуславливается возрастающей ролью обсуждаемого в критическом ключе постулата о так называемом пострациональном и постметафизическом мышлении современной исторической эпохи [4, с. 498]. Рассматривая современное состояние научных исследований, можно констатировать также наличие представлений о постнеклассическом типе рациональности. В совре-

менной эпистемологии присутствует интерес к методологическим алгоритмам касательно субъектно-объектных отношений, находящих свое отражение в векторе «человек – мир». Формирование современного мышления является следствием культурно-исторического развития исследовательского опыта, все в большей степени обогащаемого новым более сложным предметным содержанием [5, с. 18-19].

Логико-категориальный и методологический аспекты научного исследования стали предметом более детального обсуждения в философии в силу значительных трансформаций в развитии ключевых отраслей естествознания [2, с. 60-61] (делимость атома, неевклидова геометрия, радиоактивность, теория относительности), которые не вписывались в традиционную классическую парадигму. В частности, это активно способствовало формированию обновленного логико-категориального и методологического инструментария, в большей мере отвечающего изменившимся когнитивным требованиям и вызовам, возникающим перед неклассической и постнеклассической наукой [6, с. 108-109]. Таким образом, каждая культурно-историческая эпоха обретает свой уникальный тип исследований [7, с. 38-39].

Мировоззренческие и методологические ориентиры рефлексивной формы освоения окружающей действительности выступают в качестве эмпирической базы, необходимой для развития фундаментальной науки [5, с. 29-30]. При этом на концептуальном уровне присутствует метафизическая составляющая. По мнению Ньютона-Смита, в рамках эпистемологии эмпирическая составляющая оказывается основой языка для формирования соответствующей аналитической методологии. Подобного рода метафизические умозрения на теоретическом уровне находят свое отражение и в практической плоскости, в частности, в процессе детального анализа получаемых в ходе научных исследований конкретных данных прежде, чем они станут фактами в виде готового знания [8, с. 10-11]. Будучи ключевым элементом культуры, язык выступает необходимым носителем или «транспортным средством» рефлексии [9, с. 134-135]. Языков как культурных носителей существует достаточно много. А слова и выражения, имеющиеся в одном языке, зачастую не имеют точного аналога в другом языке. В данной связи говорят о невозможности буквального перевода словесных категорий и выражений с языка на язык. В условиях доступности сознанию субъекта двух и более языков, перестает быть актуальной однозначность фиксации понимания категориальных объектов конкретных языков в рамках сравнительного анализа их смыслового объема. Таким образом, при

взаимодействии различных языков и их выражений происходит смещение и взаимообогащение их смыслового значения [2, с. 53-54].

Фокус современного исследовательского разума заметно расширяется за пределы субъектно-объектных отношений. В данных обстоятельствах возникает необходимость расширить традиционные взаимоотношения между предметом истины в виде готового знания и существующими о нем представлениями. Необходимо установление обоснованной согласованности готового знания с его контекстуально-смысловым отражением в логико-категориальных конструкциях языка. Указанная необходимость распространяется в равной мере, как на источник информации, так и на ее непосредственный адресат [10, с. 78].

М. Полани указывает на неоднозначность смысла вербальных конструкций в зависимости от отражаемого ими в каждом отдельно взятом случае контекста. Значение каждой языковой конструкции определяется конкретным контекстом ее рассмотрения. А присущие рефлекслирующему разуму на теоретическом уровне черты универсальности и формальности оказываются интегральным следствием отражения интенций сознания исследовательских групп [9, с. 154]. При этом существуют различия в отражении в зависимости от имеющихся в арсенале разума исследователей языков, а также от культурно-исторических эпох. Для развития культуры значима специфика понимания и интерпретации конкретных интересующих исследователя феноменов в смысловых контекстах и категориях отдельно взятых языков [10, с. 128].

Метаморфозы современной культуры несут в себе продуктивную критику, нацеленную на формирование новых ориентиров, так или иначе регламентирующих рефлексию, регулярно испытывающую на себе давление факторов, грозящих ей уклонением от ключевых доминант разума [8, с. 41]. Ускоряющиеся темпы развития науки тесно связаны с непрерывным техническим освоением ресурсов девственной природы, возрастающей необходимостью ее преобразования под все возрастающие галопирующими темпами запросы человека. По мере развития техногенной цивилизации, логико-категориальный и методологический инструментарий [11, с. 165] выступают в данном контексте необходимым средством детального изучения действительности, а также анализа имеющихся возможностей ее преобразования под разного рода социальные нужды. Постепенно усиливается обоснованность того, что в эпистемологии актуализируется проблема культурно-исторического вектора дальнейшего развития философии и науки. А динамика развития научных исследований раздвигает методологические рубежи логи-

ко-математической рациональности. Последняя постулирует фундаментом развития науки регулярную кумуляцию эмпирически максимально выверенных фактов, а также углубление в соответствующие детали культурно-исторического аспекта познания.

Имеет значение, как методолог научного исследования воспринимает и интерпретирует смысл понимаемого субъектом знания. В реальной научной практике это может означать соприкосновение и взаимодействие разных концепций, традиций, норм, методик, схем, посредством чего исторически возможно формирование преемственности благодаря нивелированию и преодолению всевозможных мировоззренческих, культурных, этнических, ментальных, языковых отличий [3, с. 142]. Объединения творческих усилий ученых осуществляются в силу того, что объектом исследований могут выступать помимо логически, теоретически и эмпирически проверяемых на соответствие действительности предметов еще и неочевидные, сразу не воспринимаемые в когнитивном процессе субъективные аспекты психологического, нравственного, духовного или метафизического характера. Выявление подобного рода метафизических аспектов возможно в процессе коммуникации ученых на предмет проводимых ими совместных научных исследований. Рефлексивный анализ в контексте перцепции предполагает онтологический подход к формированию содержания опыта в сознании субъекта, которое М. Мерло-Понти обозначил как «молчаливое *cogito*» [12, с. 477]. Основой данного подхода выступает факт постоянного осознанного и неосознанного присутствия, интеграции субъекта в окружающую его действительность. Такой опыт формируется посредством взаимодействия с различными окружающими объектами, играющими роль исследовательского инструментария.

Сказанное демонстрирует роль образа собственного «Я» в формировании субъективного исследовательского опыта. В данной связи Дж. Гибсон указывает, что «... перцептивное сознание ... неотделимо от самосознания» [13, с. 373]. Развитие данной мысли прослеживается также у Г. Зиммеля. «Содержания, из которых «Я» организует единый и объединенный мир, ... даны ему откуда-то пространственно, временно, идеально извне, пребывая в то же время содержанием других миров – общественных, метафизических, теоретических, этических ...» [14, с. 16-17]. Словом, постепенные трансформации в самосознании отражают в образе «Я» глубокий след от окружающих людей. Это есть активность иных людей, что выступает составным элементом индивидуального опыта с его осознанием в практической плоскости [15, с. 523-524]. При-

держиваясь позиции О. Нейрата или Р. Карнапа, можно сказать, что одним из основных продуктов рефлексии стало поэтапное формирование естественной науки физикалистского типа [16, с. 224-225]. История развития человеческой цивилизации в качестве своей основы сфокусировалась преимущественно на научно-техническом факторе. Соответственно, развитие человечества в практической плоскости в разных аспектах жизни постепенно приобрело техногенный характер.

Следует заметить, что современные условия развития философии и науки сопряжены с массивом вызовов, постоянно возникающих перед глобальной цивилизацией. Речь идет о так называемом пределе индустриально-технологического развития в привычном его понимании. Подобный лимит связан с ограниченностью природных ресурсов, а также о побочных эффектах от чрезмерного внедрения достижений современной науки и техники в повседневный быт человека [17, с. 67-68]. Достижения современной науки делают нашу жизнь виртуальной, усиливая ее цифровую составляющую, роль искусственного интеллекта. Фактор искусственного интеллекта не представляется современными философами и учеными однозначно. Актуальной остается проблема соотношения рационально ориентированного научно-технического и духовного представления об окружающем бытии. По мнению К. Ясперса, мы располагаем экзистенцией как неким внутренним для нас фундаментом освоения сущего, а также разумом как своеобразной связью всех выявляемых, «просветляемых» способов или образов «объемлющего». К. Ясперс также демонстрирует неразделимыми «разум» и «экзистенцию» [18, с. 308].

Постнеклассическая наука связывается с расширением масштабов рефлексивного поля относительно практической составляющей исследований. В постнеклассической стадии парадигмальные ориентиры рациональной рефлексии обращают внимание на сопряженность нового знания об объекте интенциональности со спецификой исследовательского инструментария на эмпирическом и теоретическом уровнях, а также в аксиологическом и прагматическом аспектах его использования. Х. Патнем полагает: «... фактором, определяющим, является ли убеждение рациональным, являются не нормы рациональности той или иной культуры, но идеальная теория рациональности, ... которая обеспечивает необходимые и достаточные условия рациональности убеждения при соответствующих обстоятельствах...» [3, с. 140]. Так, Х.-Г. Гадамер говорит об объективном разуме, который в разные исторические эпохи обретает форму экзистенции, что, собственно, вносит решающий

вклад в понимание человеком окружающего его бытия [19, с. 67]. Значимой особенностью рациональности является понятийность, возможность отражать мир культуры через абстрактные идеальные сущности и модели [20, с. 21]. Кризисные явления в научном познании часто оказываются связанными с философской проблемой смысла. М. Вебер говорил об убийстве наукой смысла. По его мнению, наука предоставляет знание, имеющее ценность по причине его технической значимости [21, с. 355]. Согласно позиции К. Ясперса, зачастую возникает напряжение между рационально ориентированным мировоззрением и переходом к всевозможным формам общественного сознания в иррациональную сферу или даже мистицизма [18, с. 111-112]. А бурное развитие средств массовой коммуникации прессует личное и социальное время, что постепенно приводит к эрозии органических сообществ, где имело место непосредственное межличностное общение. М. Хайдеггер говорил, что современный человек становится «несоразмерным» развивающейся технике, становясь ее рабом [22, с. 70-71].

Имеющийся кризис в сознании выражается в страхе и бессилии перед цифровым миром. Возникает чувство безысходности в общественном сознании, которое проявляется в парадигме «тотально управляемого» овеществленного мира без желаемой индивидуальной свободы на экзистенциальном уровне в условиях недостатка живой коммуникации [23, с. 195]. Ключевая роль в научно-техническом развитии принадлежит информационным технологиям и революциям [24, с. 132]. Именно от информационной революции ожидается формирование предметной базы, которая должна внести свой решающий вклад в решение проблем человечества [25, с. 307-308].

Проблема бытия и существования человека в мире современной культуры, наполненной техникой и информацией, вынуждает мыслителей заниматься данной проблематикой. Это, в частности, породило феномен под названием «информационное общество» [26, с. 23]. Помимо этого, возникали иные названия и определения. Очень многие из предложенных названий содержат латинскую приставку «пост-» в значении «после-». Таким образом, невольно возникает ощущение, как будто авторы, использующие данную приставку, ожидают приближение всемирных катаклизмов, кардинального переворота в научно-техническом развитии и в человеческом сознании. И после свершения подобных ожиданий напрашивается начало принципиально новой эпохальной эры или «третьей волны», а также появление нового общественного сознания.

ния [15, с. 409-410]. В эпистемологии это соответствует становлению постнеклассической науки.

Из большого поля философской проблематики и вариантов ее решения, возникающих в культурно-историческом пространстве, наука в целях обоснования своих постулатов привлекает лишь ее определенные идеи и принципы. Философские основания науки при этом формируются на всем культурном массиве человечества. А сама наука выступает лишь отдельным сегментом масштабного культурного наследия человечества [26, с. 71, 88]. Но в культурно-историческом контексте прослеживается скептицизм в отношении дальнейшего освоения действительности на ключевых постулатах рациональности. В частности, в рамках антисциентизма скептические настроения порождают интерес к так называемым побочным факторам развития познания. Речь может идти о тотальной механизации, технизации и цифровизации вплоть до ущемления личной свободы индивида как личности.

В итоге отмечаемые в современной философии принципиальные изменения в понимании изменений в культуре в целом имеют очень тесную связь с глубинным анализом фундаментальных оснований и предпосылок развития науки. Подобная ситуация породила принципиально иное, более фундаментальное понимание взаимодействия науки и философии. Это все самым наглядным образом демонстрирует необходимость дальнейшего более детального анализа философских оснований научной рациональности. Соответственно, происходящие метаморфозы в современной культуре формируют перед философской рефлексией специфическую основу и достаточно перспективную предметную область дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ, 2006. 571 с.
2. Куайн У.В.О. Слово и объект. М.: Логос, Праксис, 2006. 386 с.
3. Патнем Х. Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002. 296 с.
4. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 544 с.
5. Laudan L. Progress and Its Problems: Towards a Theory of Scientific Growth. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1978. 257 p.

6. Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 605 с.
7. Лакатос И. Доказательства и опровержения // Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический Проект; Трикста, 2008. С. 27-200.
8. Newton-Smith W.H. The Rationality of Science. London, New York: Routledge, 1981. 294 p.
9. Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
10. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
11. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997. 320 с.
12. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: «Ювента», «Наука», 1999. 603 с.
13. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 461 с.
14. Зиммель Г. Понятие и трагедия культуры // Логос. Кн. 2 и 3. М.: Товарищество А.А. Ливенсон, 1911-1912. С. 1-25.
15. Бахтин М.М. Заметки // Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 509-531.
16. Карнап Р. Философские основания физики. М.: Прогресс, 1971. 388 с.
17. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004. 788 с.
18. Ясперс К.-Т. Разум и экзистенция. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 336 с.
19. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
20. Леонтьева Е.Ю. Рациональность и ее типы: генезис и эволюция. Воронеж: НПО «МОДЭК», 2006. 256 с.
21. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
22. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: «Ad Marginem», 1997. 451 с.
23. Апель К.-О. Трансформация философии. М.: «Логос», 2001. 344 с.
24. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
25. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО Фирма «Издательство АСТ», 1999. 784 с.

26. Нейсбит Дж. Мегатренды. М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. 380 с.

УДК 130.2

**Алиенация как фактор реконструкции идентичности молодежи
в контексте межкультурной коммуникации в цифровую эпоху**

Цзэн Цзяньлинь

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск,
Беларусь
e-mail: 1433390286@qq.com*

**Alienation as a Factor of Reconstruction of Modern Youth's Identity
in the Context of Intercultural Communication at the Digital Age**

Zeng Jianlin

*Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus
e-mail: 1433390286@qq.com*

Аннотация. В докладе исследуется, как цифровые технологии влияют на процесс представления идентичности современной молодежи в процессе межкультурной коммуникации. Цифровые алгоритмы формируют три проблемы, обусловленные так называемой «алиенацией», порождающей, в свою очередь, коммерциализацию культуры и разрушение подлинной идентичности. Суть данного процесса заключается в логике платформенного капитализма. В рамках исследования автор обосновывает необходимость возможности реконструкции межкультурного диалога через выработку критического осмысления цифрового контента.

Ключевые слова: «алиенация», символическое потребление, цифровые медиа, межкультурная коммуникация, идентичность.

Abstract. The report explores how digital technologies affect the process of representing the identity of modern youth in intercultural communication. Digital algorithms create three problems in the creation of 'alienation', which lead to the commercialization of culture and destruction of genuine identity. This process is driven by

the logic of platform capitalism. The author argues for the need to reconstruct intercultural dialogue by means of the development of critical thinking towards digital content.

Keywords: “alienation”, symbolic consumption, digital media, intercultural communication, identity.

В эпоху широкого распространения цифровых технологий межкультурная коммуникация перешла из физического пространства в цифровое пространство. Цифровые медиа, трансформируя поле межкультурной коммуникации, одновременно провоцируют так называемую «алиенацию» или отчуждение в представлении идентичности. Подобного рода явление не является случайным, его истоки кроются в самой логике функционирования цифровых платформ, конечная цель которых – захват внимания пользователей и максимальное увеличение прибыли. В этой связи необходимо обозначить ряд проблем, обусловленных «алиенацией».

Во-первых, представление идентичности сталкивается с парадоксом «символического потребления» и «смысловой пустоты». Коммерческая природа платформ предопределяет ориентацию на продвижение высокотрафикового, легко распространяемого контента. Под воздействием алгоритмических рекомендаций современная молодежь, в том числе китайская и белорусская, в межкультурном взаимодействии получает преимущественно визуализируемые, развлекательные культурные символы, тогда как содержательные культурные феномены, несущие глубокую историческую и философскую нагрузку, оказываются невостребованными из-за отсутствия «трафиковой ценности». Как следствие, репрезентация идентичности становится весьма поверхностным явлением. Современные молодые люди легко используют термины из чужой культуры, свободно оперируют обозначениями новых для них феноменов, но при этом не знают ни их истории происхождения, ни дополнительных семантических коннотаций, раскрывающих собственно смысл данных феноменов. Мы имеем дело с тем самым «символическим потреблением» и «смысловой пустотой», значительно трансформирующих как представление идентичности, так и процесс межкультурной коммуникации в целом [1, с. 111].

Во-вторых, из-за воздействия цифровых технологий происходит системное разрушение ряда культурных явлений. С точки зрения Н. Срничека, мы имеем дело с так называемым «платформенным капитализмом», сущность которого заключается в том, чтобы социальные

взаимодействия были превращены в «квантифицируемые товарные данные» [2, с. 254]. Если мы берем межкультурный аспект использования данной концепции, то это значит, что сложные различия межкультурного характера при помощи цифровых платформ максимально упрощаются до продуктов массовой культуры, понятной и доступной широкой публике, незнакомой с уникальными деталями культуры другого народа. Например, глубокое культурное содержание документальных фильмов или полноценных художественных кинолент сокращается до коротких видеороликов, привлекающих внимание аудитории. Поэтому, с одной стороны, цифровое пространство предоставляет возможности для межкультурного общения – на формальном уровне. Но с другой, – различного рода технические приемы, незаметные для пользователя, организуют виртуальную интеракцию особым образом. Данные технические механизмы незаметно меняют и то, как человек понимает информацию, и то, как он выражает свои мысли. Таким образом, между тем, как человек проявляет себя в сети (в зависимости от ситуации), и его реальной идентичностью, которая строится на настоящих достижениях, возникает серьезный разрыв. Благодаря цифровой среде, молодежь может гибко «смешивать разные идентичности», но происходит это только внутри виртуального пространства. Собрать единую идентичность из онлайн-образов, которые все время меняются в зависимости от контекста, и офлайн-принадлежности, обусловленной этническим происхождением, – процесс сложный и динамичный. Столкновение идентичностей становится одной из ключевых проблем, когда речь заходит о самоопределении в цифровую эпоху. Для преодоления «алиенации» в представлении идентичности в современном мире необходимо, прежде всего, формировать критическое отношение субъекта к технологиям. Только путем выработки навыков цифровой грамотности и создания у молодежи желания сознательно преодолевать «фильтрующие пузыри», создаваемые алгоритмами, можно трансформировать поверхностное символическое потребление в настоящий поиск культурных смыслов [1, с. 110-115]. Кроме того, следует стремиться к реконструкции онлайн-пространства для реализации «подлинного диалога». Теория Н. Срничека показывает, что стремление платформ к удержанию аудитории часто идет в ущерб содержательности и серьезности контента, что требует поиска общественных практик, противостоящих коммерческому получению прибыли. Организация онлайн книжных клубов, совместного просмотра исторических документальных фильмов позволяет создать гетерогенное пространство, стимули-

рующее интеллектуальный обмен и эмоциональное сопереживание, и, тем самым, восстановить intersubjectивность межкультурного диалога за пределами алгоритмической логики [2].

Еще одно решение в преодолении «алиенации» обусловлено синтезом онлайн-практики и офлайн-деятельности. З. Бауман обосновывает, что современное общество вступило в состояние «текучести», при этом идентичность личности становится все более фрагментированной и неопределенной, а неуверенность, порожденная данным состоянием, становится доминирующей в обществе. Хотя «контекстуальная идентичность», сложившаяся онлайн, обладает гибкостью, она часто лишена реальной основы и не трансформируется автоматически в стабильную «идентичность достижений» в офлайн. Поэтому необходимо способствовать переводу символического капитала, накопленного в сети, в реальное офлайн-взаимодействие, закреплять связи, созданные в цифровом пространстве, через совместные практики на физическом уровне, помогать индивидам интегрировать виртуальное и реальное бытие и, тем самым, восстановить подлинную межкультурную идентичность [3]. Китайско-белорусское сотрудничество доказывает, что алгоритмические рекомендательные механизмы приводят к нивелированию смысла многих культурных символов с глубоким содержанием, в результате чего разрушается подлинное восприятие «другого» у китайской и белорусской молодежи. Из-за взаимодействия исключительно в цифровых медиа, создаются не только серьезные барьеры в межкультурной коммуникации, но и собственная идентичность коммуниканта начинает носить фрагментированный характер.

Библиографический список

1. Чэнь Л., Гао И. Противоречия между онлайн- и офлайн-идентичностью в межкультурных цифровых практиках: пример молодежи Китая и Беларуси в Discord и VK // Международный журнал межкультурных отношений. 2024. № 8. С. 109-119.
2. Срничек Н. Вызовы платформенного капитализма: Понимание логики новой бизнес-модели // Juncture. 2017. Т. 23, № 4. С. 254-257.
3. Бауман З. Текучая современность. Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Некоторые философские аспекты военно-патриотического воспитания молодежи в современных условиях Узбекистана

А.Б. Шарипов

*Политехникум № 3, Джизакская область, Узбекистан
e-mail: abdurashidbsharipov@gmail.com*

Some Philosophical Aspects of Military-Patriotic Education of Youth in Modern Conditions of Uzbekistan

A.B. Sharipov

*Polytechnic School No. 3, Jizzakh region, Uzbekistan
e-mail: abdurashidbsharipov@gmail.com*

Аннотация. В докладе рассматриваются современные подходы к военно-патриотическому воспитанию молодежи в Республике Узбекистан в условиях глобализации и цифровизации общества. Обращается особое внимание на социально-философские аспекты данной проблематики. Анализируются механизмы реализации воспитательных программ, роль образовательных учреждений и общественных организаций, а также значение допризывной подготовки.

Ключевые слова: военно-патриотическое воспитание, молодежь, патриотизм, государственная политика, национальная идея, гражданская идентичность.

Abstract. The report examines modern approaches to military-patriotic education of youth in the Republic of Uzbekistan in the context of globalization and digitalization of society. Special attention is paid to the socio-philosophical aspects of this issue. The mechanisms for implementing educational programs, the role of educational institutions and public organizations, as well as the importance of pre-conscription training are analyzed.

Keywords: military and patriotic education, youth, patriotism, state policy, national idea, civic identity.

Военно-патриотическое воспитание молодежи в современных условиях выступает важнейшим элементом государственной политики, направленной на обеспечение устойчивого развития общества и укреп-

ление национальной безопасности. В Республике Узбекистан данный процесс приобретает особую значимость [1]. Государство уделяет особое внимание развитию системы военно-патриотического воспитания, рассматривая ее как стратегическое направление молодежной политики [2]. Узбекистан обладает значительным демографическим преимуществом: почти 26,8% населения страны – молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет. Такой потенциал открывает широкие возможности для экономического роста и социального прогресса. Энергичность, креативность и готовность молодежи к новым идеям делают ее важнейшей движущей силой реформ, направленных на построение современного государства. С точки зрения социальной философии, патриотизм является неотъемлемой частью нравственного и гражданского становления личности и требует комплексного подхода с участием всех институтов социализации. В этих условиях военно-патриотическое воспитание приобретает особую актуальность как инструмент формирования устойчивой гражданской позиции, национального самосознания и готовности к защите государственных интересов. В Республике Узбекистан данное направление рассматривается не только как элемент образовательной политики, но и как важнейшая составляющая системы обеспечения национальной безопасности [3].

Патриотизм – одно из наиболее глубоких чувств, сформированных тысячелетиями в национальных традициях нашего народа. Великий мыслитель, основоположник узбекской классической литературы А. Навои придавал большое значение проблемам воспитания подрастающего поколения в духе глубокого патриотизма. Он писал и о семейном воспитании, так как именно оно закладывает основы интеллекта, нравственного и физического здоровья, являющиеся фундаментом патриотизма. Цель военно-патриотического воспитания заключается в формировании стойких, сознательных, убежденных патриотов, преданных идеалам национальной независимости, отличающихся высокими интеллектуальными, умственными, физическими и боевыми качествами, необходимыми для защиты государства. В этих условиях утверждение в общественном сознании нашего народа, прежде всего молодого поколения, идеи глубокого патриотизма, гордости за нашу Родину, готовности встать на ее защиту было и остается одной из важнейших задач высокой духовности общества и приоритетом государственной политики. Военно-патриотическое воспитание представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую в себя совокупность педагогических, социальных и организационных мер, направленных на

формирование у молодежи патриотических ценностей. В рамках данной системы особое внимание уделяется формированию уважения к государственным символам, историческому наследию и культурным традициям народа. При этом воспитательный процесс строится с учетом возрастных, психологических и социальных особенностей молодежи, что обеспечивает его эффективность и устойчивость результатов [4].

Одним из ключевых факторов эффективности военно-патриотического воспитания является его системный характер. Это означает, что воспитательная работа должна осуществляться непрерывно, начиная с раннего детства и заканчивая периодом зрелости личности. Согласно утвержденной правительством Узбекистана Концепции военно-патриотического воспитания молодежи на 2023-2027 годы, процесс воспитания разделен на 5 возрастных этапов:

I этап (3-7 лет): формирование первичных представлений о Родине через игры и рассказы;

II этап (7-10 лет): развитие интереса к истории своего народа и его героям;

III этап (11-17 лет): активное участие в военно-патриотических клубах и движениях;

IV этап (18-21 год): подготовка к исполнению воинского долга и гражданская ответственность;

V этап (22-30 лет): осознанное служение интересам страны в профессиональной и общественной деятельности.

На этапе дошкольного образования закладываются основы патриотического сознания, формируется эмоциональная привязанность к Родине, ее символам и культурным ценностям. В дальнейшем, в школьном возрасте, происходит углубление знаний об истории страны, развитие интереса к национальной культуре и формирование осознанного отношения к гражданским обязанностям. Участие в таких организациях способствует развитию лидерских качеств, формированию навыков командной работы и ответственности за принимаемые решения. Кроме того, общественные движения создают благоприятную среду для обмена опытом и реализации различных социальных инициатив [3]. В стране действуют специализированные структуры и ключевые движения, которые курируют данное направление: «Опора Родины» («Ватан таянчи») – военно-патриотическое движение детей и подростков, созданное в Узбекистане по инициативе Президента для воспитания молодежи в духе любви к Родине, национальным ценностям и дисциплине. Движение направлено на укрепление физической и патриотической подготов-

ки будущих защитников страны. Это детско-юношеское движение, созданное для объединения школьников, существует под эгидой Министерства обороны республики. В стране функционируют среднеспециальные учебные заведения под названием «Темурбеклар мактаби» (Школа Темурбеков). Это военно-академические лицеи, где учащиеся получают углубленные знания по истории и военному делу. Организация «Ватанпарвар» (аналог советской системы ДОСААФ) содействует обороне республики, проводит техническую подготовку молодежи и спортивно-массовые мероприятия. «Ватанпарвар» в нашей стране – оборонная спортивно-техническая организация, деятельность которой направлена на военно-патриотическое воспитание граждан, обучение молодежи профессиям и развитие технических видов спорта. В Узбекистане формирование молодежной политики основано на идеях национального возрождения, уважения к традициям и модернизации общества. Национальная идея выступает как идеологический каркас патриотического воспитания, способствующий формированию гражданской идентичности.

Национальная идея олицетворяет в общей форме высший идеал нации, ее волю, перспективные исторические цели, желания и надежды. Она выражает сущность общества, к которому мы стремимся и которое строим, а также отражает интересы различных классов, слоев, социальных групп. Чем глубже она проникает в сознание народа, тем выше его самосознание, крепче сплоченность и общность, тем сильнее чувствует он себя, независимо от национальности, языка и вероисповедания, единым народом. Философия национальной идеи Узбекистана базируется на принципах гуманизма, межнационального согласия и сохранения культурного наследия [5]. Патриотизм в этой связи рассматривается как фундамент воспитания молодежи, основанный на любви к Родине, уважении к традициям и активном участии в построении «Нового Узбекистана», где высшей ценностью является достоинство человека и интересы народа.

Библиографический список

1. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 29.06.2023 № 267 «О мерах по повышению эффективности военно-патриотического воспитания молодежи» // URL: https://static.norma.uz/doc/doc_7/267.pdf (дата обращения: 24.03.2026).

2. Постановление Президента Республики Узбекистан от 04.08.2018 № ПП-3898 «О коренном совершенствовании системы повышения духовно-просветительского уровня военнослужащих Вооруженных Сил Республики Узбекистан» // URL: https://prg.kz/document/?doc_id=39034393 (дата обращения: 24.03.2026).

3. Постановление Президента Республики Узбекистан от 02.03.2022 № ПП-150 «Об организации деятельности движения «Ватан таянчи» // URL: <https://lex.uz/docs/> (дата обращения: 24.03.2026).

4. Стаськова Н.В. Методические рекомендации по организации патриотического воспитания // URL: <https://avangard-permkrai.ru/files/files.pdf> (дата обращения: 24.03.2026).

5. Утамурадов А.У. Основы социальной философии // URL: <https://dilib.tsuos.uz/ru/resources/> (дата обращения: 24.03.2026).

УДК 141.7:613 + 316.75

Капитализация здоровья в неолиберальном дискурсе

И.А. Шульмин

кандидат философских наук, доцент

*Национальный институт организации медицинской деятельности,
г. Москва, Россия
e-mail: 6ia1987@gmail.com*

The Capitalization of Health within Neoliberal Discourse

I.A. Shulmin

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

*National Institute for the Organization of Medical Activities, Moscow, Russia
e-mail: 6ia1987@gmail.com*

Аннотация. Неолиберализм, сформировавшись в конце 70-х годов XX века, ознаменовал переход капитализма в новую стадию: сфера услуг стала доминирующей в экономике развитых стран. Данная трансформация затронула в том числе систему здравоохранения, практики которой были инкорпорированы в рыночные отношения. Здоровье в неолиберальном дискурсе является активом человеческого капитала, его стоимость возрастает в практиках коммуникации и символического обмена. Позитивное определение понятия «здоровье», визуали-

зация его содержания переводят традиционный медицинский дискурс в этический и эстетический регистр.

Ключевые слова: здоровье, медицина, человеческий капитал, биополитика, дискурс, социальные медиа, неолиберализм.

Abstract. Neoliberalism, which emerged in the late 1970s, marked the transition of capitalism to a new stage: the service sector became dominant in the economies of developed countries. This transformation also affected the healthcare system, whose practices were incorporated into market relations. In neoliberal discourse, health is an asset of human capital, its value increasing through communication and symbolic exchange. The positive definition of “health” and the visualization of its content transform traditional medical discourse into an ethical and aesthetic register.

Keywords: health, medicine, human capital, biopolitics, discourse, social media, neoliberalism.

Расхожее выражение «Здоровье – это капитал» долгое время оставалось фигуральным и лишь в последние десятилетия приобрело собственно экономический смысл. А. Шопенгауэр, утверждая о том, что счастье на девять десятых зависит от здоровья, лишь подчеркивал важность отсутствия недугов и вовсе не просчитывал рецепт долгой и счастливой жизни [1, с. 32]. Современная блогосфера же, наоборот, изобилует контентом профессиональных врачей, нутрициологов, деятелей нетрадиционной медицины, гуру, предлагающих социальные практики капитализации здоровья. Здоровье как актив человеческого капитала и как индивидуальный проект формируется в контексте социальных практик неолиберализма.

Под человеческим капиталом, ввиду многозначности термина, мы будем понимать символический капитал П. Бурдьё, то есть максимально широкое понятие, которое включает в себя содержание близких по значению терминов «человеческий капитал», «социальный капитал», «культурный капитал» [2]. Таким образом, человеческий капитал – это знаки, ценные для общества и производимые субъектом для «символического обмена» (термин Ж. Бодрийяра) с целью увеличения их стоимости. Неолиберализм, сформировавшись в конце 70-х годов XX века, ознаменовал переход капитализма в новую стадию, при которой сфера услуг стала доминирующей в экономике развитых стран. Данная трансформация затронула отрасли, которые традиционно считались государ-

ственными (бюджетными): системы образования, здравоохранения, науки и др. были инкорпорированы в рыночные отношения.

Ученик в образовательном учреждении и пациент в медицинской организации стали не только и не столько клиентами, они приобрели *человеческий капитал*. Безусловно, эти экономические изменения затронули дискурс социальных практик в указанных сферах. Так, изменился режим коммуникации врача и пациента, самый способ вопрошания о здоровье.

Капитализация здоровья в неолиберализме делает «заботу о себе» [3] ежедневной практикой. Стратегия классического капитализма, выраженная в формуле «Денег много не бывает», переносится на области красоты, фитнеса, активного долголетия и т.д. Здоровье становится активом, стоимость которого необходимо перманентно увеличивать.

Переход Интернета к технологии Web 2.0, развитие социальных сетей усилили эти процессы, сделав их интерактивными. Расширение социальной базы «человеческого капитала» происходило при увеличении количества акторов – кураторов контента.

Немецкий философ корейского происхождения Б.-Ч. Хан расширяет классическую объяснительную модель М. Фуко, дополняя техники дисциплинарной власти механизмом «информационного режима»: «Информационный капитализм присваивает неолиберальные техники власти. В противоположность техникам власти дисциплинарного режима они работают не через принуждение и запрет, а через *положительное стимулирование*. Они эксплуатируют свободу, а не подавляют ее» (курсив автора. – И.Ш.) [4, с. 27].

Информационный режим проводит не биополитику, а *психополитику*, а тело вместо объекта дисциплинарного контроля и трудовой эксплуатации становится «предметом эстетики и фитнеса» [4, с. 23].

Позитивное определение понятия «здоровье» прямо связано с «положительным стимулированием» в социальных практиках неолиберализма. Здоровье как индивидуальный проект соответствует SMART-подходу Дж.Т. Дорана в менеджменте и проектном управлении (автор в 1981 году сформулировал свой вариант расшифровки акронима SMART так: Specific (конкретный), Measurable (измеримый), Achievable (достижимый), Realistic (реалистичный), Time related (связанный со временем)) [5].

Во-первых, показатель здоровья должен быть конкретным и измеримым. При биополитике [6] здоровье подвергалось измерению и ста-

тистическому учету, но было абстрактным понятием (здоровьем нации). В практиках психополитики здоровье как личный актив обретает стоимость. Акторы психополитики – кураторы пациента – должны измерить стоимость актива на «входе» (до лечения) и на «выходе» (после лечения) и продемонстрировать положительный результат в виде добавленной стоимости.

Во-вторых, положительный результат должен быть достижимым и реалистичным в ближне- или среднесрочной перспективе. Если стратегия биополитики встраивалась в идеологический дискурс с мифологемами о великом прошлом или великом будущем и показатель здоровья был дистрибутивным для поколения граждан (например, половозрастная пирамида в демографии), при неолиберализме «история болезни» становится микро-нарративом «со счастливым концом» в обозримом будущем.

Интегративной тенденцией, которая «сшивает» SMART-технологии, является визуализация дискурса здоровья в двух планах. При первом приближении происходит перевод дискурсивных практик в визуальные: куратор и курируемый все больше используют онлайн-коммуникацию для общения, соответственно микро-нарратив все больше представляет из себя инфографику динамики лечения.

Однако на более глубоком уровне рассмотрения мы можем обнаружить визуализацию самого феномена «здоровье». Последний, становясь культурным капиталом, нуждается в символической репрезентации роста стоимости. *Проектирование-идеального-тела, проектирование-идеального-лица, конструирование-идеального-образа* и т.д. становится бесконечной серией операций символического обмена.

Так, в социальных сетях появляются блоги личных брендов с визуальным контентом владельцев (галереи фото, коротких видео, сторис и пр.). Их символическая капитализация – подписка на блог, комментарий читателя, лайк поклонника и другие формы обратной связи пользователей – неременный атрибут социальных практик дискурса здоровья. Таким образом, здоровье в неолиберальном дискурсе является активом человеческого капитала, стоимость которого возрастает в практиках коммуникации и символического обмена. Позитивное определение понятия «здоровье», визуализация его содержания переводят традиционный медицинский дискурс в этический и эстетический регистр.

Библиографический список

1. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М.: РИПОЛ классик, 2016. 368 с.
2. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60-74.
3. Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2 (65). С. 96-122.
4. Хан Б.-Ч. Инфократия. Истина и свобода в цифровую эпоху. М.: АСТ, 2025. 160 с.
5. Doran G. T. There's a S.M.A.R.T. way to write management's goals and objectives // Management Review. 1981. Vol. 70, No. 11. P. 35-36.
6. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.

УДК 130.12

Миграция в России и мире: философско- и уголовно-правовые аспекты

В.А. Яковлев-Чернышев

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: basil.yakovlev@mail.ru*

Migration in Russia and the World in Philosophical, Legal and Criminal Law Terms

V.A. Yakovlev-Chernyshev

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: basil.yakovlev@mail.ru*

Аннотация. Научные подходы к анализу миграционных процессов в России и мире носят разноплановый характер. С философско-правовых позиций можно говорить о дискуссии в области демократии и миграции, о допустимых пределах криминализации противоправных деяний в сфере миграции и защите прав мигрантов. С уголовно-правовых позиций многое зависит от ценностных ориентаций ученых и разделения/неразделения ими позиции о том, что государ-

ство имеет право задействовать ряд уголовно-правовых механизмов для противодействия незаконной миграции.

Ключевые слова: миграция, незаконная миграция, уголовная политика, права человека, власть.

Abstract. Scientific approaches to the analysis of migration processes in Russia and the world are diverse. From a philosophical and legal points of view, we can talk about the debate in the field of democracy and migration, about the acceptable limits of criminalization of illegal acts in the field of migration, and the protection of migrants' rights. From a criminal law perspective, much depends on the value orientations of scientists and their shared or non-shared position that the state has the right to use a number of criminal law mechanisms to counter illegal migration.

Keywords: migration, illegal migration, criminal policy, human rights, power.

Миграция является одним из самых чувствительных и острых вопросов XXI века. Развитие идейно-мировоззренческих основ теории прав человека, признание человека высшей ценностью, одним из основополагающих начал демократического правового государства повлияли на философские подходы и уголовно-правовые исследования в сфере миграции.

В философии права на протяжении многих лет ведутся дискуссии о праве и власти, праве и силе, свободе и равенстве и другие. В данном контексте применительно к миграции полемический характер носят вопросы о допустимых пределах криминализации противоправных деяний в этой области, угрозах нарушения прав мигрантов.

Как отмечает У. Окея, существует два основных подхода, используемых для обсуждения проблем миграции. Первый подход заключается в приведении аргументов за проведение политики открытых границ, второй подход, напротив, положительно относится к ограничительным мерам в этой сфере [1, с. 71].

При анализе научных статей некоторых зарубежных ученых, которые касаются вопросов миграции, достаточности защищенности прав мигрантов или, напротив, исследуют принимаемые для противодействия незаконной миграции уголовно-правовые средства, можно увидеть воплощение первого подхода. Так, например, Й. Розен полагает, что секьюритизация миграции несет угрозу для демократических, либеральных обществ [2].

В свою очередь, А. Буше и Э. Гунайдин считают, что ряд государств отошли от соблюдения «порядка, основанного на правилах» в сфере миграции и критикуют ущемления прав мигрантов [3, с. 2].

Данные веяния оказывают существенное влияние на оценку принимаемых государствами уголовно-правовых мер в сфере миграции. Соответствие принимаемых мер требованиям к правам человека смещает акценты с борьбы с незаконной миграцией на возможность привлечения к ответственности сотрудников компетентных органов или даже высших должностных лиц. Достаточно показательным в этом вопросе является научное исследование И. Фехр, рассматривающей данную проблему на примере Хорватии [4].

Размышления о демократии и миграции во многом ограничивают использование практически всех уголовно-правовых механизмов для противодействия незаконной миграции. Например, А. Абизадек отрицательно высказывается о праве государства на односторонний пограничный контроль. По его мнению, такой контроль не соответствует не только либерализму, но и более глубокому пониманию демократической легитимности [5, с. 45].

На первый взгляд, данные размышления не должны повлиять на представления об эффективной уголовной политике государств в области противодействия незаконной миграции. Однако при ближайшем рассмотрении складывающейся ситуации мы поймем, что это не так.

А. Эпик полагает, что активное продвижение в политическом дискурсе и средствах массовой информации Германии тезисов о том, что организаторы незаконной миграции и торговцы людьми действуют исключительно ради прибыли и вносят свой вклад в развитие незаконной миграции, позволяет политикам всех мастей легитимировать ограничительную миграционную политику и связанное с ней насилие [6]. В России гораздо реже, но также можно встретить критику уголовной политики в сфере миграции.

А.А. Эндрюшко отмечает, что «в российском публичном пространстве есть авторитетные спикеры федерального уровня, которые манипулируют информацией о миграции» и приводит тезисы Председателя Следственного комитета России А.И. Бастрыкина как недостоверные [7, с. 117], хотя с точки зрения объективного исследования неясно, каким образом и на основе какой информации оценивается достоверность/недостоверность данных Председателя Следственного комитета России.

С учетом вышеизложенного можно говорить о том, что от тезисов о политике открытых границ до вторжения в уголовно-правовые исследования и уголовную политику государств в области миграции один шаг. Если бы российскому законодателю, правоохранительным органам, пришлось следовать по пути вышеизложенных тезисов, выдвигаемых, в основном, за рубежом, то привлечение к уголовной ответственности за организацию незаконной миграции, незаконное пересечение государственной границы, фиктивную регистрацию или постановку на миграционный учет стало бы невозможным, а любые попытки это сделать объявлялись бы «насилием».

В свою очередь, административно-правовые механизмы в виде административного выдворения за пределы России стали бы также невозможными.

Таким образом, можно сделать вывод, что важно взвешенно подходить к уголовной политике в сфере противодействия незаконной миграции и не допускать влияния на нее конъюнктурных соображений, в том числе выдвигаемых в научной литературе, которая лишь приведет к увеличению противоправных деяний в сфере миграции, социальному взрыву и кризису политической системы.

Библиографический список

1. Niederberger A., Okeja U., Gördemann J. Handbook of Migration Ethics. Springer, 2025. 510 p.
2. Rosen J. von The securitization of Migration as a Threat to Liberal, Democratic Societies. Sicherheit Und Frieden // Security and Peace. 2019. No. 37 (1). P. 35-40.
3. Boucher A., Gunaydin E. Opening the black box of international human rights enforceability through the study of migrant rights // Australian Journal of International Affairs. 2026 // URL: <https://doi.org/10.1080/10357718.2026.2627256> (дата обращения: 29.03.2026).
4. Fehr I. State-perpetrated Crimes against Migrants? Addressing Accountability in Croatian Migration Control through Criminal Law // European Journal of Migration and Law. 2025. No. 27. P. 279-311.
5. Abizadeh A. Democratic Theory and Border Coercion. No Right to Unilaterally Control Your Own Borders // Political Theory. 2008. No. 36. P. 37-65

6. Epik A. Das Strafrecht als Mittel der Migrationskontrolle? // Verfassungsblogs. 2025 // URL: <https://verfassungsblog.de/das-strafrecht-als-mittel-der-migrationskontrolle/> (дата обращения: 29.03.2026).

7. Эндрюшко А.А. Фейки о мигрантах в России: элемент информационного противостояния в эпоху постправды // ИНАБ. 2024. № 1. С. 109-120.

Студенческая секция

УДК 141.3

Феномен сверхспособностей человека

И.А. Алкаев

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: alk4ev@yandex.ru*

Phenomenon of Human Superpowers

I.A. Alkaev

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: alk4ev@yandex.ru*

Аннотация. В докладе проводится философский анализ феномена сверхспособностей человека. Показано, что традиционные антропологические концепции уже недостаточны в эпоху биотехнологий и трансгуманизма. Рассматривается переход от духовного самопреодоления к радикальной биомедицинской трансформации. Делается акцент на онтологические риски и социальные последствия подобных трансформаций для человека.

Ключевые слова: антропологическая трансформация, сверхчеловек, трансгуманизм, улучшение человека, биоэтика, идентичность личности.

Abstract. The report provides a philosophical analysis of the phenomenon of human superpowers. It is shown that traditional anthropological concepts are no longer sufficient in the era of biotechnology and transhumanism. The transition from spiritual self-overcoming to radical biomedical transformation is examined with an emphasis on ontological risks and social consequences.

Keywords: anthropological transformation, superman, transhumanism, human improvement, bioethics, personal identity.

Вопрос о границах того, на что способен человек, и о возможности их преодоления издавна занимает центральное место в размышлениях человека о себе и мире. Представление о «сверхспособностях» – тех

редких умениях, которые далеко выходят за пределы обычной биологической нормы, со временем прошло большой путь: от древних мифов и религиозных представлений через этические и философские размышления к сегодняшним представлениям о них [1]. В докладе рассматривается, как философия осмысливает возможность превращения обычного человека в сверхчеловека, какие серьезные онтологические опасности таит в себе такая трансформация и как в эпоху биомедицинских технологий меняется само понимание человеческой сущности.

В философской традиции XIX–XX веков сверхспособности воспринимались, в первую очередь, как глубоко личная духовная и волевая работа над собой. Ф. Ницше видел Сверхчеловека вовсе не биологическим мутантом, а человеком, сумевшим перешагнуть через все «слишком человеческое» – устаревшие моральные правила, слабости и ограничения. Для него настоящая сверхспособность заключалась в умении переоценить все прежние ценности и смело утвердить свою волю. Идеи Ницше оказали огромное влияние на культуру, подарив миру концепцию творческой эволюции человека к чему-то более высокому, где решающую роль играет не физическая сила, а свобода духа [2]. В то же время русская религиозная философия смотрела на сверхспособности как на творческое сотрудничество человека с Богом. У В.С. Соловьева речь идет об истинном онтологическом прорыве: человек должен победить смерть и преодолеть материальные пределы [2]. В отличие от Ницше, здесь сверхчеловеческое состояние достигается не бунтом против Творца, а полным раскрытием того божественного начала, которое изначально заложено в каждом из нас.

В XXI веке дискуссия резко сместилась в сторону трансгуманизма. Теперь сверхспособности – это уже не вопрос внутреннего роста, а результат прямого технологического вмешательства в тело и сознание [3]. Сторонники трансгуманизма заявляют: период естественной эволюции человечества завершен. На смену ей приходит эволюция, которую мы будем сознательно направлять сами. С помощью технологий нано-, био-, информационных и когнитивных наук нам обещают три главных прорыва: значительное продление жизни, вплоть до сверхдолголетия; резкое усиление умственных способностей – сверхинтеллект; почти полную защиту тела от повреждений и болезней благодаря киборгизации.

Е.П. Солана указывает, что такие перспективы ставят перед философией новые сложные биоэтические задачи [4]. Сверхспособности все чаще превращаются в рыночный продукт, а сама человеческая природа рискует стать объектом купли-продажи. Одна из ярких современных

идей – концепция «жидкой природы» человека [5]. Если раньше человеческую природу считали чем-то устойчивым и постоянным, то сегодня она предстает текучей и пластичной. Сверхспособности делают тело и разум подобными материалу, который можно свободно перекраивать в соответствии с требованиями рынка или личными капризами. К сожалению, это приводит к постепенной утрате антропологической стабильности. Самый непростой вопрос, пожалуй, звучит так: останется ли человек самим собой после столь глубокого улучшения? Можно полагать, что, когда сознание дополняется нейроинтерфейсами или сливается с искусственным интеллектом, границы личности размываются. В итоге, сверхспособный индивид может стать множественным или вовсе утратить индивидуальность. Кроме того, сверхспособности несут угрозу «онтологической безопасности» [3]. Получая огромную власть, мы теряем важные жизненные ориентиры: осознание конечности существования, телесную уязвимость, зависимость от природы. Ирония в том, что, стремясь защититься от смерти и страданий, человечество рискует создать мир, где само понятие «человеческого» может исчезнуть.

Неизбежно возникает и проблема власти вместе с растущим социальным неравенством. Женевское заявление по редактированию генома человека предупреждает: неравный доступ к технологиям улучшения способен создать пропасть между «улучшенными» сверхлюдьми и обычными людьми [1]. Под вопросом оказывается сама основа прав человека – биологическое равенство всех представителей нашего вида. В худшем случае сверхспособности могут стать орудием новой, уже технологической формы тирании. Философия власти, начиная с Платона и заканчивая современными исследователями ИИ, такими как Л. Флориди, напоминает простую истину: рост возможностей должен сопровождаться ростом ответственности [3]. Поэтому появление сверхспособностей требует разработки принципиально новой этики. В ней настоящим героем будет не тот, кто сильнее всех, а тот, кто способен жить в сложной системе взаимных обязательств и нравственных ограничений. Можно заключить, что подлинная сверхспособность измеряется не тем, насколько сильно мы можем влиять на мир, а тем, сумеем ли мы сохранить моральную и смысловую устойчивость посреди радикальных изменений. Если мы развиваем способности, но забываем развивать этику, то вместо Сверхчеловека рискуем получить лишь высоко-технологичный объект, лишенный настоящей человеческой глубины.

Библиографический список

1. Andirno R., et al. Geneva Statement on Heritable Human Genome Editing: The Need for Course Correction // Trends in Biotechnology. 2020. Vol. 38, No. 4. P. 351-354.
2. Бужор Е.С., Бужор В.И., Шевченко О.В. Концепция преобразования человека у Ницше и Владимира Соловьева и ее влияние на русскую религиозную философию // Манускрипт. 2021. Т. 4, вып. 3. С. 478-484.
3. Floridi L., et al. AI4People's Ethical Framework for a Good AI Society: Opportunities, Risks, Principles, and Recommendations // URL: https://ai4people.org/PDF/AI4People_Ethical_Framework_For_A_Good_AI_Society.pdf (дата обращения: 30.03.2026).
4. Solana E.P. Bioethics and transhumanism from the perspective of human nature // Arbor. 2019. Vol. 195-792 // URL: <https://doi.org/10.3989/arbor.2019.792n2008> (дата обращения: 30.03.2026).
5. More M., Vita-More N. The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future. New York: Wiley, 2013. 480 p.

УДК 159.9.072

Этические проблемы использования искусственного интеллекта в психотерапии

В.В. Артюхов

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: artyuhovvadim@yandex.ru*

Ethical Problems of Using Artificial Intelligence in Psychotherapy

V.V. Artyuhov

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: artyuhovvadim@yandex.ru*

Аннотация. Доклад рассматривает интеграцию вычислительных алгоритмов в сферу охраны психического здоровья. Анализируются клинические результаты применения генеративных больших языковых моделей. Рассматриваются философские концепции машинной эмпатии сквозь призму феноменологии и диалогической онтологии. Оцениваются риски дегуманизации терапевтического процесса, критические вопросы конфиденциальности и алгоритмической прозрачности. Обосновывается необходимость сохранения гибридной модели взаимодействия врача и пациента.

Ключевые слова: искусственный интеллект, психотерапия, этика, генеративные модели, цифровое здравоохранение.

Abstract. The report examines the integration of computational algorithms into the field of mental healthcare. It analyzes the clinical outcomes of using generative large language models and explores philosophical concepts of machine empathy through the lens of phenomenology and dialogical ontology. The report assesses the risks of dehumanizing the therapeutic process, alongside critical issues of privacy and algorithmic transparency. Finally, it substantiates the necessity of preserving a hybrid model of doctor-patient interaction.

Keywords: artificial intelligence, psychotherapy, ethics, generative models, digital healthcare.

Глобальный дефицит квалифицированных специалистов катастрофически ограничивает доступность медицинской помощи. Искусственный интеллект (ИИ) предоставляет масштабируемую альтернативу классическим клиническим подходам. Внедрение генеративных алгоритмов требует тщательного философского осмысления границ их применимости. А.Ю. Алексеев определяют концептуальный статус мыслящих автоматов [1]. А.В. Разин исследует проблему моральной ответственности цифровых агентов [2]. Дж. Гродневич и М. Хохоль детально анализируют невозможность аутентичного воспроизведения эмпатии машиной [3]. Исследование М. Хайнца подтверждает высокую результативность генеративных нейросетей [4].

В докладе проанализированы эпистемологические свойства и этические ограничения автономных вычислительных систем в психотерапевтической практике. Он опирается на феноменологический аппарат Э. Гуссерля [5] и диалогическую онтологию М. Бубера [6]. Клиническая эффективность оценивается посредством изучения результатов рандомизированных контролируемых испытаний.

Поскольку терапевтический процесс фундаментально базируется на интерсубъективности, применение ИИ сталкивается с концептуальными ограничениями. Программный код изначально лишен биологической телесности, что исключает подлинное понимание чужого страдания. Качество выстроенного взаимодействия между пациентом и терапевтом в большей степени определяет итоговый результат лечения [7]. Во время контакта с пациентом программа лишь имитирует реальное терапевтическое присутствие, что часто приводит к проявлению эффекта антропоморфизма, когда человек начинает переносить человеческий образ и его свойства на неодушевленные предметы, в частности, чат-бота. Несмотря на указанные ограничения, проведенные исследования указывают на реальные улучшения состояния пациентов после работы с ИИ, например, тесты нового чат-бота «Therabot» показали снижение проявления симптомов тяжелой депрессии на 51% [4]. Такие алгоритмы также способны разгружать терапевтов от повседневной рутины, одним из таких является система «Финский навигатор», которая автоматически распределяет обращения пациентов по ступенчатой шкале поддержки, экономя рабочее время специалистов [8].

Однако интеграция подобных технологий сопровождается серьезными этическими вызовами. Цифровые платформы подвержены кибератакам, что создает прямую угрозу врачебной тайне. Массивные обучающие выборки часто содержат социокультурные искажения, провоцирующие дискриминацию. Чат-боты периодически генерируют «галлюцинации», рискуя бездумно валидировать деструктивные мысли клиентов [9]. В ответ на эти угрозы активно формируется нормативная база: Европейский закон об ИИ классифицирует медицинские программы как системы высокого риска [10]. Профильные рекомендации уже обязывают психологов заблаговременно информировать пациентов о применении автоматизированных решений, а архитектурная концепция «человек в контуре управления» признается экспертами ВОЗ безусловно приоритетной [11].

Интеграция вычислительных мощностей в современную психиатрию демонстрирует измеримую клиническую пользу, объективно улучшая качество первичной диагностики [8]. Однако, несмотря на технологический прогресс, эмулируемое сочувствие остается лишь семантической симуляцией, которая принципиально неспособна заменить феноменологическую связь между живыми субъектами. В этом контексте использование синтетической эмпатии несет в себе риск формиро-

вания ложной привязанности, фактически подменяя глубокий экзистенциальный опыт сухим транзакционным обменом данными.

В связи с этим оптимальный сценарий внедрения инноваций требует строгого соблюдения гибридной модели взаимодействия врача с больным [12]. Практическое использование генеративных сетей в такой модели диктует необходимость безотлагательного принятия институциональных стандартов алгоритмической прозрачности. Только такой подход позволит купировать главные угрозы цифрового здравоохранения – алгоритмическую предвзятость и риски утечки конфиденциальной информации.

Библиографический список

1. Алексеев А.Ю. Философия искусственного интеллекта: концептуальный статус комплексного теста Тьюринга: диссертация ...доктора философских наук: 09.00.08. М., 2016. 482 с.
2. Разин А.В. Этика искусственного интеллекта // Философия и общество. 2019. Вып. 1 (90). С. 57-73.
3. Grodniewicz J., Hohol M. The Problem of a Non-Human Therapist: Artificial Intelligence in Psychotherapy // Journal of Medical Ethics. 2023. Vol. 14 // URL: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1190084> (дата обращения: 29.03.2026).
4. Heinz M.V. Randomized Trial of a Generative AI Chatbot for Mental Health Treatment // NEJM AI. 2025. Т. 2, № 4 // URL: <https://ai.nejm.org/doi/full/10.1056/AIoa2400802> (дата обращения: 29.03.2026).
5. Husserl E. Cartesian Meditations: An Introduction to Phenomenology. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1977. 176 p.
6. Бубер М. Я и Ты. М.: АСТ, 2024. 120 с.
7. Bordin E.S. The generalizability of the psychoanalytic concept of the working alliance // Psychotherapy: Theory, Research & Practice. 1979. Vol. 16, No. 3. P. 252-260.
8. Saarni S., Nurminen S., et al. The Finnish therapy navigator – Digital support system for introducing stepped care in Finland // Psychiatria Fennica. 2022. Vol. 53 // URL: <https://www.psychiatriantutkimussaatio.fi/wp-content/uploads/2022/11/> (дата обращения: 29.03.2026).
9. Iftikhar Z., et al. AI chatbots systematically violate mental health ethics standards // AAAI/ACM Conference on Artificial Intelligence, Ethics and Society. 2025. Vol. 8, No. 2 // URL:

<https://ojs.aaai.org/index.php/AIES/issue/view/678> (дата обращения: 29.03.2026).

10. EU AI Act: first regulation on artificial intelligence // European Parliament. 2025 // URL: <https://www.europarl.europa.eu/topics/en/article/20230601STO93804/> (дата обращения: 30.03.2026).

11. European Federation of Psychologists' Associations. Psychological services via internet and other digital means: Recommendations for ethical practice. – 2023. // URL: <https://www.efpa.eu/sites/default/files/2023-06/> (дата обращения: 30.03.2026).

12. Frances A., Dees D. The Hybrid Model: Humans & Chatbots Working Together // Psychiatric Times. 2025 // URL: <https://www.psychiatristimes.com/view/the-hybrid-model-humans-chatbots-working-together> (дата обращения: 29.03.2026).

УДК 101.1

Специалисты или универсалы – кто нужнее в XXI веке

А.Н. Бессарабов

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: abessarabov2003@yandex.ru*

Specialists or Generalists: Who Is More Necessary in the XXI century

A.N. Bessarabov

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: abessarabov2003@yandex.ru*

Аннотация. В докладе рассматривается проблема соотношения специалистов и универсалов в контексте философии информационных технологий и искусственного интеллекта. Анализируются историко-философские основания разделения знаний, влияние цифровой трансформации на структуру профессиональных компетенций, а также роль искусственного интеллекта в изменении характера труда. Обосновывается тезис о необходимости синтеза специализированного и универсального подходов как условия эффективного развития в условиях высокотехнологичной среды.

Ключевые слова: специалист, универсал, междисциплинарность, искусственный интеллект, цифровая трансформация, когнитивные навыки.

Abstract. The report examines the problem of the relationship between specialists and generalists in the context of the philosophy of information technologies and artificial intelligence. It analyzes the historical and philosophical foundations of knowledge differentiation, the impact of digital transformation on professional competencies, and the role of artificial intelligence in reshaping labor. The report argues for the necessity of synthesizing specialized and generalist approaches as a condition for effective development in a high-tech environment.

Keywords: specialist, generalist, interdisciplinarity, artificial intelligence, digital transformation, cognitive skills.

Современный этап развития общества характеризуется ускоренной цифровизацией, развитием технологий искусственного интеллекта и усложнением социотехнических систем [1, с. 45-50]. Поэтому возникает фундаментальный вопрос: кто более востребован – узкие специалисты или универсалы, которые способны работать на стыке дисциплин? Вышеописанная проблема имеет как практический, так философский характер, поскольку затрагивает вопросы природы знания, его структуры и способов организации познавательной деятельности человека. В рамках философии информационных технологий данный вопрос приобретает особую значимость, так как сама логика развития технологий способствует углублению специализации и росту междисциплинарности [2, с. 120-130]. Данный доклад направлен на анализ указанной проблемы с опорой на историко-философские традиции и современные реалии цифровой эпохи.

Разделение на специалистов и универсалов имеет глубокие исторические корни. В античной философии идеал универсального знания воплощался в фигуре философа, стремящегося к целостному пониманию мира. В то же время уже в античности происходит дифференциация знаний, что связано с развитием науки и техники. В Новое время происходит резкое усиление специализации, связанное с научной революцией и формированием дисциплинарной структуры науки. Основы рациональной дифференциации философского понимания знания заложили Ф. Бэкон, Р. Декарт и их современники [3, с. 78-85]. Однако уже в XX веке обнаружены ограничения узкой специализации, в частности сужение когнитивного горизонта и трудности адаптации к новым пред-

метным областям, что привело к развитию концепций системного подхода и междисциплинарности [2, с. 200-210]. Таким образом, противопоставление понятий специалиста и универсала иллюстрирует развитие философского понимания знания.

Под специалистом понимается субъект, обладающий глубокими знаниями в узкой предметной области. Высокая профессиональная компетентность выступает его основным конкурентным преимуществом на рынке труда, что обеспечивает эффективное решение сложных задач в рамках направленности. Вместе с тем направленная специализация сопряжена рядом недостатков, включая суженный когнитивный горизонт, затрудненную адаптацию и зависимость от контекста знаний [4, с. 450-460]. Специалист может оказаться недостаточно гибким для решения задач, выходящих за пределы его компетенции. Следовательно, преимущества реализуются только в стабильных и предсказуемых условиях, а в динамичной цифровой среде требуют дополнения из-за недостатка гибкости.

Универсал или «мультидисциплинарный специалист» обладает широким спектром знаний, что позволяет ему интегрировать различные области науки и техники для формирования целостной картины исследуемых процессов [5, с. 150-160]. В современных реалиях такой подход становится особенно востребованным, потому что границы между дисциплинами размываются, а большинство задач приобретают комплексный межатраслевой характер. Однако универсал подвержен риску поверхностности знаний, утраты аналитической глубины и низкой эффективностью при решении узкоспециализированных задач, требующих высокого уровня профессиональной подготовки. Таким образом, универсал не заменяет специалиста в полной мере, а дополняет его, формируя основу для взаимодействия в технически сложных системах, где требуется как глубина, так и широта знания.

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) оказывает значительное влияние на структуру профессиональной деятельности, радикально изменяя как содержание труда, так и требования к компетенциям специалистов [4, с. 1200-1210]. ИИ автоматизирует рутинные задачи обработки данных, типовые операции и аналитику, снижая спрос на узких специалистов. В философском плане проблема специалистов и универсалов связана с глубокой трансформацией антропологических представлений о человеке в условиях цифровой эпохи [1, с. 300-305]. Традиционная модель, в которой человек рассматривается как носитель определенной устойчивой профессиональной функции или роли, постепенно утрачи-

вает свою актуальность. На ее место приходит представление о человеке как о динамическом, постоянно обучающемся субъекте, включенном в сложные сети взаимодействия: технологические, информационные и социальные. Он становится не просто исполнителем или носителем знания, а активным участником распределенной когнитивной системы, где производство, обработка и интерпретация информации осуществляются совместно с техническими средствами.

Вышеописанная когнитивная система характеризуется высокой степенью взаимосвязанности элементов, в которой границы между индивидуальным и коллективным, человеческим и машинным становятся все менее очевидными. В этом контексте знание перестает быть исключительно внутренним свойством субъекта и приобретает внешний, распределенный характер, опираясь на цифровые инфраструктуры, базы данных и алгоритмические системы. Кроме того, возникает фундаментальный философский вопрос о границах человеческого и машинного интеллекта. Развитие искусственного интеллекта ставит под сомнение традиционные критерии рациональности, творчества и автономии, ранее считавшиеся исключительно человеческими характеристиками. Это, в свою очередь, актуализирует проблему перераспределения когнитивных и практических функций между человеком и машиной. Возникает необходимость переосмысления понятий ответственности, авторства и субъектности в условиях, когда значительная часть решений принимается при участии алгоритмов. Как результат, речь идет не только о трансформации профессиональных ролей, но и о более глубоком изменении онтологического и эпистемологического статуса человека, который все в большей степени определяется через его включенность в гибридные человеко-машинные системы.

Проблема «специалисты или универсалы» не имеет однозначного решения. В условиях XXI века наиболее продуктивной является модель их синтеза. Специалист обеспечивает глубину знаний, универсал – широту и интеграцию. Искусственный интеллект усиливает значимость обеих ролей, одновременно трансформируя их содержание.

Библиографический список

1. Гидденс Э. Последствия современности. Пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчика. М.: Праксис, 2011. 352 с.

2. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. Пер. с англ. И.В. Соловьева, Г.Н. Поварова. М.: Наука, 1983. 336 с.
3. Бэкон Ф. Новый Органон. Пер. с англ. М.: Мысль, 1978. 368 с.
4. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. Пер. с англ. М.: Вильямс, 2020. 1408 с.
5. Хокинг С. Краткие ответы на большие вопросы. Пер. с англ. С. Бавина. М.: Бомбора, 2019. 256 с.

УДК 172.2

**Эффективность применения искусственного интеллекта
в психотерапии**

Н.О. Бурлаков

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: burlakovk50@gmail.com*

Effectiveness of Using Artificial Intelligence in Psychotherapy

N.O. Burlakov

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: burlakovk50@gmail.com*

Аннотация. В докладе анализируются этические проблемы и вопрос эффективности применения систем искусственного интеллекта в психотерапевтической практике. Показано, что использование алгоритмических моделей в сфере психического здоровья требует пересмотра традиционных представлений о профессиональной ответственности, доверии и субъективности терапевтического взаимодействия. Рассматриваются основные подходы к оценке эффективности цифровых терапевтических систем, а также обсуждаются ограничения, связанные с отсутствием сознания, эмпатии и моральной ответственности у искусственных агентов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, психотерапия, этика технологий, цифровая терапия, ответственность.

Abstract. The report analyzes ethical problems and the issue of effectiveness of artificial intelligence systems in psychotherapeutic practice. It is shown that the use of algorithmic models in mental health care requires reconsideration of traditional concepts of professional responsibility, trust, and subjectivity of therapeutic interaction. The main approaches to evaluating the effectiveness of digital therapeutic systems are considered, as well as the limitations related to the absence of consciousness, empathy, and moral responsibility in artificial agents.

Keywords: artificial intelligence, psychotherapy, ethics of technology, digital therapy, responsibility.

Современные системы искусственного интеллекта (ИИ) все шире используются в сфере психического здоровья, включая диагностику, консультирование и поддержку пациентов. Цифровые терапевтические приложения и чат-боты анализа поведения рассматриваются как средство повышения доступности психотерапии и снижения нагрузки на специалистов. Однако внедрение таких технологий в область, традиционно основанную на межличностном взаимодействии, порождает ряд фундаментальных философских и этических проблем. Возникают затруднения в допустимости передачи терапевтических функций алгоритмам, не обладающим сознанием, эмпатией и моральной ответственностью. В связи с этим анализ эффективности применения ИИ в рассматриваемой области должен сопровождаться рассмотрением его ограничений. В современной философии технологий существует несколько подходов к оценке допустимости применения алгоритмических моделей в гуманитарных практиках. Функционалистская позиция предполагает, что эффективность системы определяется ее способностью выполнять требуемые функции независимо от природы носителя [1]. С этой точки зрения, если алгоритм способен обеспечивать психологическую поддержку и снижать уровень тревожности у пациента, его использование может считаться оправданным. Альтернативный подход, связанный с феноменологической традицией, подчеркивает, что терапевтическое взаимодействие не может быть сведено исключительно к передаче информации, поскольку оно основано на интенциональности, телесности и межсубъективности [2]. Следовательно, отсутствие у искусственного агента сознания и субъективного опыта ставит под сомнение возможность полноценной психотерапии.

В прикладной этике технологий проблема применения ИИ в психотерапии рассматривается через категории ответственности, доверия и прозрачности. Пациент, взаимодействующий с терапевтической систе-

мой, должен понимать, с кем именно он контактирует, и иметь возможность оценить надежность получаемых рекомендаций. В этой связи особое значение приобретает концепция объяснимого искусственного интеллекта, предполагающая возможность интерпретации решений проблемы и их проверки человеком [3; 4]. Без объяснимости использование алгоритмов в сфере психического здоровья может привести к снижению доверия и возникновению дополнительных рисков.

Вопрос эффективности цифровой психотерапии активно исследуется в современной научной литературе. Ряд работ показывает, что автоматизированные психотерапевтические системы способны снижать симптомы депрессии и тревожности при краткосрочном использовании [5]. Однако такие результаты не означают, что искусственный интеллект способен полностью заменить специалиста. Эффективность зависит не только от корректности рекомендаций, но и от наличия терапевтического альянса, включающего доверие, эмпатию и признание субъективного опыта пациента. Указанные характеристики трудно воспроизводимы в алгоритмических системах.

В связи с вышесказанным представляется целесообразным рассматривать роль искусственного интеллекта в психотерапии в рамках операционального подхода, при котором оцениваются не внутренние свойства системы, а ее функциональные и этические параметры. Способ допустим к применению, если выполняются три условия: он обеспечивает проверяемую эффективность, решения поддаются интерпретации, и существует возможность юридической и профессиональной ответственности за последствия его использования. Такой подход позволяет избежать крайностей технологического оптимизма и полного отказа от цифровых инструментов.

Современные нормативные документы в области регулирования искусственного интеллекта подчеркивают необходимость человеческого контроля в системах, связанных с высоким уровнем риска, включая медицинские и психологические приложения [6]. Вышесказанное соответствует принципу сохранения ответственности специалиста, в том числе при использовании подобных ИИ систем. Данное требование важно в психотерапии, поскольку ошибки алгоритма могут повлиять на личность пациента и иметь долгосрочные последствия.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что применение ИИ в психотерапии может считаться допустимым и эффективным исключительно в случае соблюдения этических ограничений и сохранения участия человека в терапевтическом процессе.

Перспективным направлением является создание моделей взаимодействий, в которых ИИ используется как инструмент, а решения принимаются специалистом. Дальнейшее исследование включает в себя уточнение критериев эффективности и разработку этических стандартов использования ИИ в психотерапевтической практике.

Библиографический список

1. Dennett D. Consciousness Explained. Boston: Little, Brown, 1991. 511 p.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
3. Adadi A., Berrada M. Peeking Inside the Black-Box: A Survey on Explainable Artificial Intelligence // IEEE Access. 2018. Vol. 6. P. 52138-52160.
4. Miller T. Explanation in Artificial Intelligence: Insights from the Social Sciences // Artificial Intelligence. 2019. Vol. 267. P. 1-38.
5. Fitzpatrick K., Darcy A., Vierhile M. Delivering Cognitive Behavior Therapy to Young Adults with Symptoms of Depression and Anxiety Using a Fully Automated Conversational Agent // JMIR Mental Health. 2017. No. 4 (2) // URL: <https://doi.org/10.2196/mental.7785> (дата обращения: 22.03.2026).
6. Floridi L. The Ethics of Information. Oxford: Oxford University Press, 2013. 376 p.

УДК 004.8

Искусственный интеллект: просчет или прорыв

М.А. Ерохин

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: maks.erokhin.03@mail.ru*

Artificial Intelligence: Miscalculation or Breakthrough

M.A. Erokhin

Аннотация. В докладе рассматривается феномен искусственного интеллекта (ИИ) через призму дихотомии «просчет – прорыв». Автор анализирует эпистемологические и антропологические основания современных технологий машинного обучения. В работе исследуется ИИ как технологический прорыв, расширяющий когнитивные возможности человека, и одновременно как философский просчет, связанный с редукцией человеческого сознания к вычислительным процессам. Особое внимание уделяется проблеме субъектности и этическим вызовам в контексте междисциплинарного диалога.

Ключевые слова: искусственный интеллект, эпистемология, прорыв, просчет, разум, междисциплинарность.

Abstract. The report examines the phenomenon of artificial intelligence through the prism of the “miscalculation – breakthrough” dichotomy. The author analyzes the epistemological and anthropological foundations of modern machine learning technologies. The paper explores AI as a technological breakthrough that expands human cognitive capabilities and at the same time as a philosophical miscalculation associated with the reduction of human consciousness to computational processes. Particular attention is paid to the problem of agency and ethical challenges in the context of interdisciplinary dialogue.

Keywords: artificial intelligence, epistemology, miscalculation, breakthrough, mind, interdisciplinarity.

Современная ситуация в области высоких технологий ставит перед философским сообществом фундаментальный вопрос: является ли стремительное развитие искусственного интеллекта (ИИ) безусловным цивилизационным прорывом, или же мы имеем дело с масштабным интеллектуальным просчетом? Проблема ИИ перестала быть сугубо технической, превратившись в центральную тему междисциплинарного дискурса, затрагивающего основы эпистемологии [1, с. 14].

С позиции технооптимизма, ИИ представляет собой беспрецедентный прорыв в методологии научного познания. Конвергенция НБИКС-технологий создает условия для формирования новой эпистемологической парадигмы, где алгоритмические системы становятся полноценными участниками процесса производства знания. Как отмечает Л. Флориди, мы переживаем «четвертую революцию», которая пересматривает наше понимание человека как информационного агента в

инфосфере [2, с. 45]. Прорыв здесь заключается в способности ИИ выявлять закономерности в сверхсложных системах, недоступных человеческому восприятию. Н. Бостром подчеркивает, что создание сильного ИИ может стать последним изобретением человечества, обеспечивающим переход к пост-человеческой эре [3, с. 32]. Тем не менее, существует и иная точка зрения, согласно которой ставка на ИИ, как на аналог человеческого разума, является концептуальной ошибкой. Критики указывают на то, что попытка формализации неявного знания и телесного опыта в цифровом коде – фундаментальный просчет в понимании природы мышления. Х. Дрейфус полагает, что разум укоренен в жизненном мире и телесности, которые невозможно полностью алгоритмизировать [4, с. 98].

Сведение человеческой субъектности к набору вычислительных функций порождает риск «цифрового редукционизма». Как отмечает А.В. Смирнов, границы философии определяются способностью осмыслять целостность бытия, которую невозможно адекватно отразить в чисто дискретных логических структурах [5, с. 28]. Просчет заключается в подмене понятий: техническая эффективность принимается за интеллектуальную и духовную состоятельность. Более того, М. Хайдеггер предупреждал, что сущность техники не является чем-то техническим, так как она есть способ «раскрытия потаенности», который грозит превратить самого человека в «состоящее-в-наличии» сырье [6, с. 231].

Вопрос о том, является ли ИИ прорывом или просчетом, не имеет однозначного решения вне контекста междисциплинарного диалога. Социальная трансформация требует пересмотра традиционных категорий ответственности. Прорыв в технологиях должен сопровождаться соразмерным прорывом в гуманитарном осмыслении. Как подчеркивает В.А. Лекторский, современная эпистемология должна учитывать конструктивный характер познания, где человек и технологии образуют единство, требующее новых форм рациональности [7, с. 12].

Подводя итог, можно заключить, что ИИ одновременно является и грандиозным технологическим прорывом, и серьезным философским вызовом. Прорыв заключается в создании мощнейшего инструментария для решения глобальных проблем. Просчет же кроется в иллюзии полной заменимости человеческого разума искусственными системами. Дальнейшее развитие ИИ должно идти по пути междисциплинарного диалога, где философская рефлексия служит гарантом сохранения человеческой идентичности в высокотехнологичном мире XXI века.

Библиографический список

1. Горохов В.Г. Нанотехнологии. Эпистемологические проблемы теоретического исследования в современной технотехнике // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XVI, № 2. С. 14-32.
2. Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Oxford: Oxford University Press, 2014. 272 p.
3. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. Пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
4. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины: Критика искусственного разума. Пер. с англ. Н. Родман. М.: Прогресс, 1978. 334 с.
5. Смирнов А.В. Границы философии // Вопросы философии. 2023. № 1 // URL: <https://pq.iphras.ru/article/view/8272> (дата обращения: 19.03.2026).
6. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления. Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 221-238.
7. Лекторский В.А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивный подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. С. 4-40.

УДК 177.5

Трансгуманизм – благо или бедствие

М.Д. Жиркова

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: ms.masha112371@gmail.com*

Transhumanism – a Blessing or a Disaster

M.D. Zhirkova

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: ms.masha112371@gmail.com*

Аннотация. В докладе исследуется трансгуманизм как междисциплинарное направление, ориентированное на технологическую модификацию человека. Рассматриваются теоретические основания и инновационные предпосылки формирования данного подхода. Выполнен анализ влияния биомедицинских и информационных разработок на изменение человеческих характеристик и адаптивность организма. Выявлены системные противоречия, возникающие в процессе внедрения трансгуманистических решений. Обоснована необходимость институционального регулирования рассматриваемой области.

Ключевые слова: трансгуманизм, технологическая модификация, биоинженерия, искусственный интеллект, социальные риски, этика.

Abstract. The report explores transhumanism as an interdisciplinary field focused on technological modification of humans. The theoretical foundations and innovative prerequisites for the formation of this approach are considered. The analysis of the influence of biomedical and information developments on the change of human characteristics and adaptability of the body is carried out. The systemic contradictions that arise in the process of implementing transhumanistic solutions are revealed. The necessity of institutional regulation of the considered area is substantiated.

Keywords: transhumanism, technological modification, bioengineering, artificial intelligence, social risks, ethics.

Трансгуманизм – течение научно-философской мысли, где индивид перестает восприниматься в качестве природной заданности и трактуется как объект техногенного преобразования. Возникновение указанного направления непосредственно обусловлено прогрессом биомедицины и информатики, открывшим возможности влияния на основополагающие параметры тела. В противовес классической медицине, нацеленной на терапию патологий, данная концепция ориентирована на совершенствование свойств личности безотносительно к болезненным состояниям. Подобный сдвиг формирует проблемное поле, нуждающееся в систематическом анализе эффектов интервенции в биологическую сущность.

Нынешний этап научного познания отмечен интеграцией разнородных областей – генетических изысканий, нейрофизиологических исследований и компьютерных наук. Данное единство обеспечивает предпосылки для появления средств, видоизменяющих строение и деятельность тела человека. Ключевое значение здесь принадлежит методам генетического конструирования, позволяющим редактировать

наследственный материал, а также нейротехническим устройствам, обеспечивающим сопряжение нервной системы с электронными приборами. Весомый вклад вносит искусственный разум, используемый для обработки информации и регулирования комплексными структурами. Совокупность обозначенных инноваций служит фундаментом для смены вехи антропогенеза, где преобразования запускаются не природной селекцией, а осознанным управлением [1, с. 50-96].

Внедрение концепций трансгуманизма ведет к повышению качества существования людей. Инженерные разработки дают возможность восполнять утрату функций организма и продлевать срок их работы. Прогресс в создании вживляемых аппаратов способствует возвращению сенсорных и двигательных способностей. Происходит переориентация акцентов с лечения на наращивание биологического потенциала, что свидетельствует о трансформации задач исследовательской деятельности [2, с. 110-150]. Отмечается увеличение внимания к проектам, ориентированным на развитие когнитивных навыков, особенно ускорения переработки сведений и совершенствования запоминания. Описанные перемены воздействуют на сферы обучения и трудовой деятельности, выдвигая иные критерии к степени обученности человека.

Наряду с очевидными перспективами, рассматриваемое течение сопряжено с комплексными угрозами. Весомую трудность представляет имущественная дифференциация, вызванная неравными возможностями доступа к передовым разработкам. Высокая цена инноваций порождает диспропорцию в обладании преимуществами, что обостряет уже имеющиеся формы социального дисбаланса [3, с. 65-123]. Особую остроту обретают морально-философские вопросы установления пределов позвольительного вторжения в человеческую сущность. Недостаток единых оценочных стандартов ведет к неоднозначному толкованию идентичных методик, что препятствует выработке консолидированного мнения.

Угроза технического характера, присущая трансгуманизму, выражается в формировании зависимости индивида от работы сложных компьютерных сетей [4, с. 37-73]. Сбои в их функционировании способны обернуться тяжелыми отрицательными эффектами, вплоть до потери ключевых физиологических функций. Чрезмерная сложность применяемых технологий осложняет их исчерпывающее осмысление и управление ими. В подобных обстоятельствах повышается важность безотказности и стабильности вычислительных платформ, равно как и потребность в их многоаспектной проверке.

Нынешняя ситуация в сфере трансгуманизма отличается рассогласованием между достигнутым технологическим прогрессом и масштабом его нормативной регламентации. Создание и применение инновационных средств обгоняют выработку юридических и нравственных механизмов надзора за ними [5, с. 227-272]. В глобальном масштабе отсутствует унифицированная политика руководства эволюцией означенной области, что порождает разрозненность методов реализации поставленных задач. В практическом плане сохраняется неясность касательно отдаленных эффектов применения методик биокоррекции, что затрудняет их анализ и предвидение.

Рассмотрение феномена трансгуманизма позволяет заключить, что ему присущ дуалистический характер. Означенная концепция таит в себе огромные резервы для совершенствования способностей индивида, однако ее развертывание сопряжено с многочисленными опасностями. В будущем вероятно возникновение целостной парадигмы сосуществования личности и технических средств, подразумевающей управляемое наращивание физиологических параметров и умений при следовании моральным, юридическим предписаниям и критериям качества. Вместе с тем прогресс в этой сфере осуществим лишь посредством создания регуляторных структур, гарантирующих равновесие между технологическими нововведениями и общественной защищенностью. Критически важным представляется проведение междисциплинарных исследований последствий применения трансгуманистических разработок. Исключительно в ходе осуществления таких начинаний удастся снизить отрицательные последствия и добиться разумного использования актуальных решений.

Библиографический список

1. Бостром Н. Сверхинтеллект. Пути, опасности, стратегии. Пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 404 с.
2. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. Пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
3. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2004. 349 с.
4. Kurzweil R. The Singularity is Near. New York: Viking, 2005. 672 p.
5. Ross B. The Philosophy of Transhumanism: A Critical Analysis. London: Emerald Group Publishing, 2020. 190 p.

Открытое программное обеспечение как актуальный вызов современности

М.С. Жупанов

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия*

e-mail: maksim.jupanov@gmail.com

Open Source Software as an Actual Challenge of the Contemporary Era

M.S. Zhupanov

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: maksim.jupanov@gmail.com*

Аннотация. В докладе рассматривается феномен открытого программного обеспечения как междисциплинарная проблема, объединяющая философию, право и технологии. Анализируется эволюция открытого кода от академической свободы до стратегического инструмента обеспечения цифрового суверенитета. Особое внимание уделяется юридическим аспектам «копилейфта», социокультурным моделям разработки и актуальным угрозам кибербезопасности в 2025-2026 годах. Исследуется влияние искусственного интеллекта на современную технологическую экосистему. Сделан вывод о необходимости перехода к активному участию в международных профессиональных сообществах.

Ключевые слова: открытое программное обеспечение, цифровой суверенитет, копилейфт, кибербезопасность, искусственный интеллект, свободная культура.

Abstract. The report examines the phenomenon of open source software as an interdisciplinary issue combining philosophy, law, and technology. The evolution of open source from academic freedom to a strategic tool for ensuring digital sovereignty is analyzed. Special attention is paid to the legal aspects of “copyleft”, social and cultural development models, and current cybersecurity threats in 2025-2026 years. The impact of artificial intelligence on the modern technological ecosystem is explored. It is concluded that a transition to active participation in international professional communities is necessary.

Keywords: open source software, digital sovereignty, copyleft, cybersecurity, artificial intelligence, free culture.

В XXI веке информационные технологии окончательно проникли в «тело» социума и культуры, размывая границы между субъектом и объектом. Современный мир порождает новую онтологию, где высокие технологии снимают прежнюю полярность философских дихотомий [1, с. 627]. В этой системе открытое программное обеспечение (ОПО) выступает не просто как технологический тренд, а как одна из основ современной мировой экономики. По оценкам экспертов, без ОПО компании потратили бы на создание программных платформ на 8,8 трлн. долларов больше [2, с. 40]. Сегодня до 96% всех программных систем в мире содержат компоненты открытого кода [там же]. Однако лавинообразное распространение этой модели породило комплексные вызовы: от кризиса доверия к безопасности до философских споров о природе интеллектуальной собственности.

Феномен ОПО зародился в академической среде как форма научного поиска, где исходный текст программного обеспечения (ПО) был доступен сообществу для верификации и критики, подобно научной статье. Идеолог «свободной культуры» Р. Столлман в 1985 году в «Манифесте GNU» провозгласил «золотое правило»: если программа нравится, ею нужно делиться с другими. Он рассматривает несвободное ПО как способ «разделить пользователей и властвовать над ними» [3].

Философский фундамент движения опирается на «четыре свободы»: запускать программу в любых целях, изучать и адаптировать ее код, распространять копии и публиковать улучшения [4, с. 116]. Здесь возникает тонкое различие между “liberty” (социальная свобода от ограничений) и “freedom” (свобода для творчества) [5]. Эволюция понятийного аппарата от «свободного» к «открытому» программному обеспечению ознаменовала смену парадигмы: от этического императива к методологическому рационализму. Введенный в 1998 году термин «Open Source» легитимизировал восприятие свободного доступа к коду не как правовой абстракции, а как прикладного инструментария, обеспечивающего синергию усилий в глобальном процессе цифровой трансформации. Работа Э. Реймонда «Собор и Базар» противопоставляет две парадигмы созидания. Закрытая разработка узким кругом лиц, «соборная» модель, контрастирует с «базарным» подходом, опирающимся на публичное взаимодействие через интернет. Фундаментом подобной философии выступает «закон Линуса», согласно которому при

достаточном количестве участников любые ошибки в коде становятся очевидными [6, с. 18]. Вышеописанная концепция воплощает идею «коллективного разума» Web 2.0, превращающую информацию в самостоятельную субстанцию, доступную для корректировки или комбинирования. В результате ОПО формирует контуры «свободной культуры», где приоритет общественного доступа ведет к пересмотру традиционных институтов собственности.

Традиционный институт авторского права (copyright) защищает монополию правообладателя. В противовес ему был создан механизм «копилефта» (copyleft), который использует юридические инструменты, в частности, лицензию GPL, для того чтобы гарантировать сохранение свобод пользователя при дальнейшем распространении продукта. Согласно копилефту, все производные работы обязаны оставаться свободными [7, с. 110]. Существует дихотомия между «пермиссивными» (разрешительными) лицензиями, MIT, Apache, BSD, которые позволяют делать открытый продукт закрытым, и копилефт-лицензиями, обеспечивающими максимальную открытость. Правоприменительная практика показывает, что условия открытых лицензий являются принудительно исполняемыми. В России в 2022 году Конституционный Суд встал на защиту прав авторов, использующих компоненты с открытым кодом, указав на необходимость баланса интересов всех сторон [8, с. 285].

Для России ОПО стало стратегической возможностью для обеспечения технологического суверенитета в условиях санкций. До 85-92% решений в реестре российского ПО уже содержат компоненты открытого кода [2, с. 41]. Подобная структура разработки гарантирует независимость от конкретных вендоров: если западный спонсор прекратит поддержку, российские компании могут создать ответвление проекта и развивать его самостоятельно.

Использование открытого кода не является автоматической гарантией информационной безопасности. Уязвимость ОПО достаточно часто заключается в механизме «транзитивных зависимостей», когда при подключении лишь одной библиотеки происходит добавление десятков сторонних компонентов. Еще одну опасность в последнее время представляет техника «тайпсквоттинга». Она предполагает создание вредоносных пакетов с имитацией названий популярных программных решений. Из аналитического отчета Positive Technologies следует, что в 2025 году государственные учреждения и промышленные предприятия сохраняют статус приоритетных целей для кибератак (21% и 13% соответственно) [9]. Выявленные риски обуславливают внедрение комплексно-

го подхода, предусматривающего тщательный аудит лицензионной чистоты и обязательную сертификацию программных решений.

Сочетание ОПО и технологий искусственного интеллекта (ИИ) порождает проблему «кризиса воспроизводимости». Зачастую научные публикации лишены примеров реализации или наборов обучающих данных, что исключает возможность верификации полученных результатов. В подобных обстоятельствах публикация исходного кода и весов моделей, как в случае с Llama, BLOOM или DeepSeek, превращается в обязательный стандарт технологической прозрачности и безопасности.

В 2026 году профессиональное сообщество столкнулось с феноменом «нейрослопа» – производством нейросетями избыточного количества низкокачественного кода. Подобные массивы автоматизированных правок критически затрудняют деятельность кураторов проектов и функционирование программ по поиску уязвимостей за вознаграждение [10]. Вступление ИИ в дискуссии с разработчиками в профильных сообществах формирует ложную видимость экспертной оценки. Сложившиеся условия инициируют становление «киберэтики» – междисциплинарной области, интегрирующей правовые, философские и технические инструменты контроля за алгоритмами. Системы ИИ должны функционировать под управлением человека, обеспечивая внешнему аудиту доступ к методам обработки данных.

В современных условиях ОПО выступает не только средством оптимизации затрат, но и пространством борьбы за цифровой суверенитет и будущие этические стандарты. Требуется переход от пассивного использования чужих наработок к активному представительству в международных сообществах. Глобальный вызов заключается в сохранении философии открытости в эпоху жесткой геополитической конкуренции и стремительной экспансии интеллектуальных систем

Библиографический список

1. Середкина Е.В. Проблемы философии высоких технологий // Россия: тенденции и перспективы развития. 2011. № 6-1. С. 627-631.
2. Марков А.С., Ромашкина Н.П. Программное обеспечение с открытым исходным кодом как уникальный международный процесс // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69, № 12. С. 39-48.

3. Столлман Р.М. Манифест GNU // URL: <http://www.gnu.org/philosophy/manifesto.ru.html> (дата обращения: 23.03.2026).

4. Максимус Д.А. Комплексный анализ основных терминов и понятий свободного программного обеспечения как ресурса процесса информатизации // Новое в экономической кибернетике. 2023. № 3. С. 114-129.

5. Философия свободного и открытого программного обеспечения // URL: <https://freopensourcesoftware.org/index.php> (дата обращения: 23.03.2026).

6. Raymond E.S. The Cathedral and the Bazaar. Cambridge: O'Reilly, 1999. 250 p.

7. Магомаева Л.Р., Татаева Т.А. Дипломатия открытого кода: оценка глобального влияния копилефта // Актуальные проблемы и тенденции развития современной экономики и информатики: Материалы Международной научно-практической конференции, Бирск, 22-24 ноября 2023 года. Бирск: Уфимский университет науки и технологий, 2023. С. 110-113.

8. Чумаченко И.С. Лицензирование программного обеспечения из Open Source: правовое регулирование свободных источников в России, Германии и США // Весенние дни науки ИнЭУ: сборник докладов конференции. Екатеринбург: УрФУ, 2025. С. 284-288.

9. Актуальные киберугрозы: I-II кварталы 2025 года // URL: <https://ptsecurity.com/research/analytics/aktual-nye-kiberugrozy-i-ii-kvartaly-2025-goda/#id1> (дата обращения: 23.03.2026).

10. Алексеев Б. Мир ИТ и открытого ПО в 2026-м: в бой идут одни мейнтейнеры // URL: https://habr.com/ru/companies/ru_mts/articles/ (дата обращения: 23.03.2026).

УДК 165.4:004

Трансформация истины в эпоху цифровых алгоритмов

А.А. Зотенко

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: anna.zotenko@gmail.com*

Transformation of Truth in the Era of Computer Algorithms

A.A. Zotenko

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: anna.zotenko@gmail.com*

Аннотация. В докладе рассматривается влияние рекомендательных алгоритмов социальных сетей на представление людей об истине и процессов взаимодействия общества с информацией. Особое внимание уделяется противоречию между целями создателей платформ по получению прибыли и автономией пользователей. Описан механизм образования информационных пузырей с точки зрения философии и техники.

Ключевые слова: алгоритмическая фильтрация, ложный консенсус, эпистемология, информационная этика, автономия личности, рекомендательные системы.

Abstract. The report examines how recommendation algorithms of social networks change people's understanding of truth and processes of society's interaction with information. Special attention is paid to the contradiction between the profit-oriented goals of platform creators and user autonomy; the mechanism of information bubble formation is described from the perspective of philosophy and technology.

Keywords: algorithmic filtering, false consensus, epistemology, information ethics, personal autonomy, recommendation systems.

В современной цифровой среде функционирование рекомендательных алгоритмов, максимизирующих пользовательскую вовлеченность на основе метрик удержания (время просмотра, отметки «нравится», комментарии), дополнительно способствуют формированию информационных пузырей. Данные подходы не содержат механизмов оценки достоверности контента, что создают противоречие: при беспрецедентном доступе к информации способность общества к критическому осмыслению получаемых сведений снижается [1]. Отсутствие прозрачности систем и игнорирование этических последствий на этапе проектирования представляют собой системное ограничение современных технологических платформ, что делает проблему трансформации истины актуальной.

Определение истины различается в зависимости от философской традиции. В данном докладе рассматривается корреспондентская теория истины, согласно которой истинно то суждение, которому соответствует факт [2]. Выбор такого подхода наиболее рационален вследствие специфики рассматриваемой области. Люди используют получаемую ими информацию из разных источников для формирования суждения о реальности. При применении технологий в качестве агентов для поиска интересных сведений наблюдается пересечение не только техники (в понимании метода получения информации) и эпистемологии, но и других областей науки. В социальной психологии зафиксирован феномен ложного консенсуса – устойчивая склонность индивида к переоценке распространенности собственных убеждений в условиях однородного информационного окружения [3, с. 280]. В цифровой среде этот эффект многократно усиливается: алгоритмическая фильтрация, подбирая контент, вызывающий отклик, создает иллюзию доминирования определенных взглядов в обществе. Наблюдается противоречие между технологической оптимизацией, ориентированной на удержание пользователя, самим понятием истины и гуманитарными требованиями сохранения личностной автономии. Проблема заключается в выявлении механизмов трансформации понятия истины, их систематизации и обсуждение вопросов этичности возникающих при взаимодействии различных агентов.

Были проанализированы научные публикации по информационной этике и философии технологий, материалы, описывающие алгоритмы рекомендательных систем (YouTube, TikTok, другие социальные сети) и их влияние на общество, публикации об исследовании поведения пользователей. Изучение материалов позволило описать и выявить природу конфликта между потребителями и владельцами платформ, и проследить путь от трансформации истины до закономерно возникающих этических противоречий.

Проверялась гипотеза о том, что рекомендательные алгоритмы влияют не только на скорость распространения дезинформации, что отмечается многими исследованиями, но и на само понятие истинности. Установлено, что классическое определение истины как соответствия факту незаметно подменяется в процессе использования социальных сетей. Целью становится не получение сведений о реальности, а степень увлеченности пользователя материалом [4]. Несмотря на некоторые различия между платформами, механизм остаётся единым: пользователь просматривает контент и взаимодействует с ним, алгоритм реги-

стрирует отклик и предлагает альтернативные материалы, помеченные как схожие по тематике [5]. Важно отметить, что программа фиксирует не причины или тип эмоциональной реакции (позитивная или негативная), а только сам факт взаимодействия. Следовательно, если произведено действие, которое на этапе проектирования было отнесено к показателям заинтересованности, алгоритмы будут предлагать дополнительные публикации по теме. Процесс исключения нежелательного контента же сложнее и чаще всего реализован на уровне пользователя, а не платформы в целом. В результате архитектура алгоритмов создает вокруг пользователя информационную среду, которая запускает когнитивный механизм ложного консенсуса и приводит к смещению фокуса от фактов к уровням личной реакции. Проблема дополнительно усугубляется отсутствием требований к верификации перед публикацией. Ответственность переносится с владельцев платформ на потребителей, которые должны отвечать за предоставление корректной информации или сообщать о публикациях, нарушающих установленные правила конкретной платформы.

Хотя возможен личностный подход, при котором пользователь должен самостоятельно фильтровать и верифицировать сведения, такая позиция несправедливо упрощает обсуждаемый феномен. Некоторые исследования показывают [6], что рекомендательные алгоритмы поощряют распространение контента и формируют поведенческие привычки, при которых люди фактически автоматически делятся информацией вне зависимости от соответствия личным убеждениям или истинности исходного суждения. Формируется замкнутый круг: алгоритмы поощряют распространение информации, пользователи взаимодействуют с ней, трансформируя тем самым среду собственной ленты рекомендаций, и платформа предлагает больше «интересных» материалов.

Описываемый механизм применяется платформами для поддержки заинтересованности и, как упоминалось, удержания пользователя внутри среды. Возникает конфликт не только на уровне познания (в качестве искажения реальности), но и с точки зрения этики. Человек начинает выступать в качестве средства достижения целей владельцев приложения, зачастую не осознавая факта использования. Возникает противоречие, в частности, с теориями категорического императива [7] и принципами прозрачности и информированного согласия информационной этики [8, с. 266]. Появляется принуждение [9], результатом которого становится подтверждение парадокса: при практически свободном до-

ступе к информации, истину определяет эмоциональный отклик, а не соответствие объективной реальности.

В заключение следует отметить, что перспектива дальнейших исследований в данной области связана с углубленным изучением взаимосвязи программных архитектур и когнитивных установок пользователей, обсуждением необходимости нормативных и технологических решений, обеспечивающих баланс между коммерческой эффективностью платформ и сохранением автономии личности.

Библиографический список

1. Hall J.R., Grindstaff L., Lo M. Handbook of Cultural Sociology. Taylor&Francis, 2010 // URL: <http://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/> (дата обращения: 22.03.2026).
2. Marian D. The Correspondence Theory of Truth // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / E.N. Zalta, U. Nodelman (eds.) // URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2025/entries/truth-correspondence> (дата обращения: 22.03.2026).
3. Ross L., Greene D., House P. The false consensus effect: An ego-centric bias in social perception and attribution processes // Journal of Experimental Social Psychology. 1977. Vol. 13, No. 3. P. 279-301.
4. Moravec P., Minas R., Dennis A. Fake News on Social Media: People Believe What They Want to Believe When it Makes No Sense at All // SSRN Electronic Journal. 2018 // URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3269541> (дата обращения: 24.03.2026).
5. Matias J.N. Influencing recommendation algorithms to reduce the spread of unreliable news by encouraging humans to fact-check articles, in a field experiment // Scientific Reports. 2023 // URL: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-38277-5> (дата обращения: 24.03.2026).
6. Ceylan G., Anderson I.A., Wood W. Sharing of misinformation is habitual, not just lazy or biased // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2023. Vol. 120, No. 4 // URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2216614120> (дата обращения: 24.03.2026).
7. Robert J., Cureton A. Kant's Moral Philosophy // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / E.N. Zalta, U. Nodelman (eds.) // URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2025/entries/kant-moral/> (дата обращения: 22.03.2026).

8. Floridi L. The Ethics of Information. Oxford: Oxford University Press, 2013. 376 p.

9. Lushetich N. Chained to the Digital Camp: Review of Psychopolitics by Byung-Chul Han // Media Theory. 2018 // URL: <https://mediatheoryjournal.org/2018/10/18/> (дата обращения: 22.03.2026).

УДК 141.319.8

Полярность трансгуманизма как мировоззрение

И.А. Клунный

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: i.klunny@gmail.com*

Polarity of Transhumanism as a Worldview

I.A. Klunnyi

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: i.klunny@gmail.com*

Аннотация. В докладе рассмотрена мировоззренческая полярность трансгуманизма как одной из наиболее заметных философских реакций на развитие искусственного интеллекта, биотехнологий и цифровых средств усиления человека. Показано, что трансгуманизм соединяет два противоположных смысловых вектора: установку на расширение человеческих возможностей и тенденцию к пересмотру границ человеческой природы. Обосновано, что философская оценка трансгуманизма должна строиться не по логике простого одобрения или отрицания, а через анализ достоинства, идентичности, свободы и ответственности.

Ключевые слова: трансгуманизм, мировоззрение, искусственный интеллект, человеческая природа, идентичность, достоинство, усовершенствование человека.

Abstract. The report examines the worldview polarity of transhumanism as one of the most visible philosophical responses to the development of artificial intelligence, biotechnology, and digital enhancement tools. It is shown that transhumanism combines two opposite vectors: the aspiration to expand human capabilities and the tendency to revise the boundaries of human nature. The paper argues that a philosoph-

ical assessment of transhumanism should avoid simple approval or rejection and instead focus on dignity, identity, freedom, and responsibility.

Keywords: transhumanism, worldview, artificial intelligence, human nature, identity, dignity, human enhancement.

В современном философском дискурсе трансгуманизм все чаще выступает не как частная футурологическая программа, а как целостное мировоззрение [1, с. 223-225; 2]. Такая постановка вопроса связана с тем, что проекты радикального продления жизни, когнитивного усиления, нейроинтерфейсов и интеграции человека с интеллектуальными системами уже не воспринимаются исключительно как научная фантастика. Они становятся частью культурного воображения и нормативных ожиданий цифровой эпохи. В этом смысле тема полярности трансгуманизма является актуальной и своевременной, поскольку спор ведется не только о технологиях, но и о том, каким образом следует понимать человека, его пределы и допустимые формы самоизменения.

Трансгуманизм определяется как мировоззренческая позиция, согласно которой человек вправе и в определенной мере обязан использовать науку и технику для преодоления биологических ограничений. В современном описании этого направления подчеркиваются стремление выйти за пределы старения, болезней, уязвимости тела и когнитивной ограниченности, а также вера в управляемую эволюцию человека средствами технологии. Однако уже на уровне определения обнаруживается его внутренняя полярность. С одной стороны, речь идет о снятии страдания и расширении свободы. С другой, сама логика усовершенствования способна превратить человека в объект непрерывной технической переработки. Позитивный полюс трансгуманистического мировоззрения связан с надеждой на освобождение человека от случайностей биологической данности. В такой перспективе искусственный интеллект, генная инженерия, нейротехнологии и цифровые интерфейсы рассматриваются как средства более полного раскрытия человеческого потенциала. Подобная позиция исходит из того, что достоинство человека не разрушается технологическим посредничеством, а проявляется именно в способности сознательно направлять собственное развитие [3]. В связи с этим трансгуманизм нередко интерпретируется как радикализованная форма секулярного гуманизма, где место традиционной идеи самосовершенствования занимает технологически обеспеченное усиление физических, когнитивных и моральных качеств.

Негативный полюс этого мировоззрения строится на ином понимании человеческой меры. Критики трансгуманизма указывают, что за обещанием улучшения скрывается отказ принять конечность, телесность и уязвимость как значимые характеристики человеческого существования. В таком случае человек начинает мыслиться не как ценность сама по себе, а как незавершенный проект, подлежащий постоянной оптимизации. С.А. Смирнов справедливо показывает, что трансгуманистическая риторика легко смещается от языка освобождения к языку вытеснения собственно человеческого, когда будущее описывается в терминах функционального превосходства, а не смыслового развития личности [4, с. 61-64]. Следовательно, полярность трансгуманизма выражается в столкновении двух установок: гуманистической надежды и технократической редукции.

Важным теоретическим уточнением является различие трансгуманизма и постгуманизма. Эти понятия нередко смешиваются, хотя их ценностные основания различны. По наблюдению С.С. Мерзлякова [5], постгуманизм критикует антропоцентризм как таковой и стремится пересмотреть исключительный статус человека, тогда как трансгуманизм сохраняет внимание к человеку, но предлагает изменить его природу технологическими средствами. В связи с этим трансгуманизм нельзя сводить ни к простому антигуманизму, ни к классическому гуманизму. Он занимает промежуточное и внутренне напряженное положение: сохраняет ценность человеческого, но делает ее зависимой от будущего улучшения. Особенно отчетливо мировоззренческая полярность проявляется в проблеме личной идентичности. Если конечной целью трансгуманистического проекта является переход к постчеловеческому состоянию, то возникает вопрос: останется ли субъект тем же субъектом после радикального усиления, переноса сознания или глубокой кибернетической реконструкции? Р.С. Вейр показывает, что стандартные аргументы в пользу постчеловеческого будущего опираются на разные, а иногда и несовместимые представления о тождестве личности [6]. Отсюда следует, что трансгуманизм обещает сохранить и возвысить человека, но одновременно ставит под сомнение условие самой сохранности человеческого «я». В этой точке оптимистический и критический полюсы пересекаются наиболее остро.

Полярность трансгуманизма усиливается в эпоху искусственного интеллекта. Если раньше проект улучшения человека связывался преимущественно с биомедицинскими технологиями, то сегодня он тесно переплетен с машинным обучением, системами принятия решений и

цифровыми средами контроля. А.Э. Чимаконам показывает, что на пересечении ИИ и трансгуманизма возникают по меньшей мере две группы моральных рисков: «технологизация» человека и доминирование машинных систем над человеческой субъектностью [7]. В результате вопрос ставится уже не только о том, можно ли усилить человека, но и не будет ли сам человек постепенно переопределен по образцу вычислительной, предсказуемой и программируемой системы.

Вместе с тем было бы неверно сводить дискуссию исключительно к алармизму. Часть современных исследований исходит из того, что технологии усиления совместимы с идеей достоинства, если они не уничтожают свободу и не подменяют ценность личности критерием производительности. Так, Т.М. Акпан утверждает, что трансгуманистические технологии могут рассматриваться как средства раскрытия человеческой природы, а не как ее нарушение [3]. Однако убедительность этой позиции зависит от принципиального условия: технология должна оставаться инструментом человеческих целей, а не превращаться в норму, по которой измеряется достоинство человека. Иначе всякий, кто не способен или не желает улучшаться, окажется в символически ущербном положении.

С биоэтической точки зрения полярность трансгуманизма проявляется и в вопросе о редактировании человека. Р.Р. Белялетдинов [8] показывает, что современные биотехнологии меняют не только медицинскую практику, но и сам горизонт понимания биоидентичности. Это означает, что спор о трансгуманизме нельзя описать как спор между прогрессом и консерватизмом. На деле он касается перехода от представления о человеке как о данном существе к представлению о человеке как о существе проектируемом. Подобный сдвиг имеет мировоззренческий характер, поскольку затрагивает базовые понятия нормы, телесности, автономии и ответственности.

Таким образом, полярность трансгуманизма как мировоззрения имеет не внешний, а внутренний характер. Она не сводится к борьбе сторонников и противников технологии. Напротив, сама трансгуманистическая логика содержит два противоположных импульса. Первый импульс ориентирован на уменьшение страдания, расширение возможностей и поиск новых форм человеческого развития. Второй ведет к подмене человека его техническим проектом, к переоценке достоинства через критерии эффективности и к риску разрыва идентичности [3; 5]. Именно поэтому философский анализ трансгуманизма должен оцени-

вать не только техническую осуществимость улучшения, но и его антропологическую составляющую.

В заключение следует отметить, что трансгуманизм в эпоху искусственного интеллекта выступает как мировоззрение предельной амбивалентности. Его нельзя безоговорочно принять как программу освобождения, но и свести к простой утопии или идеологии дегуманизации также невозможно. Философская продуктивность данной темы состоит в том, что она заставляет заново поставить вопрос о границах человеческого, о допустимом соотношении природы и техники, а также о том, при каких условиях развитие технологий сохраняет связь с достоинством личности. Следовательно, мировоззренческую полярность трансгуманизма следует понимать как симптом более широкого кризиса современной антропологии, в котором будущее человека зависит не только от мощности технологий, но и от ясности философских критериев их применения.

Библиографический список

1. Stenmark M. *Contemporary Worldviews: A Comparative Study*. Cambridge: Cambridge University Press, 2026. 300 p.
2. Have H., Neves M. Transhumanism // *Dictionary of Global Bioethics*. Cham: Springer, 2021. P. 1011.
3. Akpan T.M. Transhumanist Technologies as Enhancers of Human Nature and Its Dignity // *AI and Ethics*. 2025. Vol. 5. P. 2357-2365.
4. Смирнов С.А. Наше бесчеловечное будущее, или Уловка трансгуманизма // *Человек*. 2022. Т. 33. № 1. С. 61-79.
5. Merzlyakov S.S. Posthumanism vs Transhumanism: From the “End of Exceptionalism” to “Technological Humanism” // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2022. Vol. 92, Suppl. 6. P. S475-S482.
6. Weir R. S. The Personal Identity Dilemma for Transhumanism // *Philosophy*. 2024. Vol. 99. Special Issue 3. P. 351-377.
7. Chimakonam A.E. The Ethics at the Intersection of Artificial Intelligence and Transhumanism: a Personhood-Based Approach // *Data & Policy*. 2024. Vol. 6. e61 // URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/data-and-policy/article/> (дата обращения: 30.03.2026).
8. Белялетдинов Р.Р. Биокультурная теория и проблема редактирования человека // *Человек*. 2021. Т. 32. № 6. С. 29-41.

Экзистенциальные проблемы ИТ-гигантов

И.М. Малявкин

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия*

e-mail: malyavkin.ivan@gmail.com

Existential Problems of IT Giants

I.M. Malyavkin

*National Research University of Electronic Technology (MIET), Moscow,
Russia*

e-mail: malyavkin.ivan@gmail.com

Аннотация. В докладе рассмотрены ключевые экзистенциальные вызовы, вызванные деятельностью глобальных технологических корпораций. Исследуется кризис субъектности человека в условиях алгоритмического управления. Рассматривается феномен алгоритмического детерминизма и его влияние на свободу воли. Анализируется проблема ответственности цифровых платформ перед обществом. Затрагиваются вопросы этики цифрового бессмертия и трансформации человеческой идентичности. Сделан вывод о необходимости этического регулирования деятельности ИТ-гигантов для сохранения человеческой сущности.

Ключевые слова: ИТ-гиганты, экзистенциальный кризис, субъектность, алгоритмический детерминизм, цифровая этика, цифровое бессмертие.

Abstract. The report examines the key existential challenges caused by the activities of global IT corporations. The author analyzes the crisis of human subjectivity in terms of the algorithmic management and the phenomenon of algorithmic determinism that restricts free will. The report explores the issue of digital platforms responsibility to the human society including the ethics of digital immortality and human identity transformations. The report makes a conclusion concerning the necessity of ethical regulation of activities of IT-giant corporations to save human existence.

Keywords: IT giants, existential crisis, subjectivity, algorithmic determinism, digital ethics, digital immortality.

Современное цифровое общество характеризуется доминированием глобальных ИТ-корпораций. Их деятельность глубоко проникает в социальную и личную сферы жизни человека. Технологии перестали быть просто инструментами и стали средой обитания. Трансформация культуры и общества в высокотехнологичном мире делает исследование экзистенциальных проблем, порожденных этими структурами, актуальным и своевременным. Проблемная ситуация заключается в противоречии между декларируемыми ИТ-корпорациями целями удобства пользователя и реальным отчуждением человеческой сущности через механизмы алгоритмического контроля. Если раньше технологии выступали инструментами, то сегодня они претендуют на роль субъектов, определяющих жизненный путь индивида. Одной из центральных экзистенциальных проблем является утрата пользователем статуса автономного субъекта. ИТ-гиганты используют рекомендательные системы, которые формируют «информационные пузыри». Алгоритмический детерминизм ограничивает горизонт выбора человека, предлагая решения на основе накопленных данных. В результате происходит эрозия свободы воли. Человек перестает совершать экзистенциальный выбор, делегируя его программному обеспечению [1].

Подобная ситуация ведет к «вязкости» личного опыта: субъект погружается в предсказуемую среду, где отсутствует столкновение с иным. Информационное общество трансформируется в сетевое, где связи важнее содержания. В этом контексте ИТ-гиганты выступают архитекторами новой реальности, в которой субъектность пользователя становится избыточным элементом [2]. ИТ-гиганты обладают огромными возможностями, однако механизмы их ответственности остаются неопределенными. Платформы регулируют публичный дискурс и управляют поведением масс через дизайн интерфейсов. Возникает экзистенциальный риск превращения человека в «цифровой ресурс» [3].

Корпорации-платформы уходят от прямой ответственности за социальные последствия своей деятельности, ссылаясь на нейтральность технологий. Однако технологии никогда не нейтральны: в них заложены ценности разработчиков, архитекторов и прочих лиц, принимающих решения. Анализ показывает необходимость перехода от технократического подхода к антропоцентрическому, где интересы сохранения человеческого в человеке приоритетны перед прибылью корпораций [4].

Развитие технологий искусственного интеллекта и накопление больших данных актуализируют проблему цифрового бессмертия. Со-

здание цифровых двойников на основе активности пользователя в сети ставит вопрос: что составляет сущность личности?

С одной стороны, цифровой след позволяет сохранить память о человеке [5]. С другой стороны, симулякр, созданный алгоритмами ИТ-гигантов, лишен биологической основы и экзистенциальной конечности. Возникает угроза подмены подлинного бытия его цифровой имитацией. ИТ-гиганты становятся владельцами «цифровых душ», что порождает беспрецедентные этические и правовые коллизии [6].

Можно сделать вывод, что деятельность ИТ-гигантов создает глубокие экзистенциальные угрозы. Кризис субъектности, алгоритмический детерминизм и размывание идентичности требуют междисциплинарного осмысления. Для преодоления негативных тенденций необходимо:

1. Разработать этические стандарты проектирования систем искусственного интеллекта, исключающие манипуляцию поведением.
2. Обеспечить прозрачность алгоритмов, влияющих на социальный выбор.
3. Утвердить приоритет прав личности над интересами технологических платформ.

Только через осознание рисков и активное внедрение гуманитарной экспертизы в процесс технологического развития возможно сохранение человека как свободного субъекта в цифровую эпоху.

Библиографический список

1. Хан Б.-Ч. Инфократия: Цифровизация и кризис демократии. Пер. с нем. А.Б. Перцева. М.: РИПОЛ классик, 2023. 128 с.
2. Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. Пер. с англ. Ю.С. Гольдберга. М.: Синдбад, 2019. 416 с.
3. Даниелян Н.В. Информационное общество – сетевое общество – «общество знания». М.: ИИУ МГОУ, 2014. 112 с.
4. Миронов А.В. Философия науки, техники и технологий: монография. М.: МАКС Пресс, 2014. 272 с.
5. Смирнов А.В. Границы философии // Вопросы философии. 2023. № 1 // URL: <https://pq.iphras.ru/article/view/8272> (дата обращения: 24.03.2026).
6. Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания» // URL: <https://ifap.ru/library/book042.pdf> (дата обращения: 12.02.2026).

Эволюция вычислительных систем в контексте развития научно-технического прогресса и человеческого потенциала: от великих идей к убывающей полезности

В.И. Марков

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: markov.vova2003@yandex.ru*

*Научный руководитель: К.Р. Баянов
доктор философских наук*

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: kvinray@mail.ru*

The Evolution of Computing Systems in the Context of Scientific and Technological Progress and Human Potential: From Great Ideas to Diminishing Utility

V. I. Markov

*National Research University of Electronic Technology (MIET), Moscow,
Russia
e-mail: markov.vova2003@yandex.ru*

*Scientific Supervisor: K.R. Bayanov
Doctor of Philosophical Sciences*

*National Research University of Electronic Technology (MIET), Moscow,
Russia
e-mail: kvinray@mail.ru*

Аннотация. Доклад посвящен исследованию эволюции вычислительных систем в контексте развития научно-технического прогресса и человеческого потенциала. Выявлено, что основные идеи (формализация, механизация, авто-

матизация) вычислительных систем имеют древнюю историю. Определены возможности и пределы вычислительных систем. Установлено, на базе осмысления двух направлений (изменение технической системы и рост реальной общественной полезности), что развитие вычислительных систем во многих зрелых областях все чаще приобретает характер дорогостоящего совершенствования, а не качественного прогресса, и поэтому не обеспечивает прежней интенсивности прироста общественной полезности и человеческого потенциала.

Ключевые слова: вычислительные системы, научно-техническое развитие, человеческий потенциал, технические системы, возможности вычислительных систем, пределы вычислительных систем, убывающая полезность.

Abstract. The report is devoted to the study of the evolution of computing systems in the context of scientific and technological progress and human potential. It is shown that the basic ideas of computing systems like formalization, mechanization, and automation have a long historical background. The capabilities and limits of computing systems are identified. It is stated on the basis of the analysis of the interpretation of two directions (namely changes in the technical system and the growth of actual social utility) that the development of computing systems is increasingly taking the form of costly refinement rather than qualitative progress in many mature domains and therefore no longer ensures the former intensity of growth in social utility and human potential.

Keywords: computing systems, scientific and technological development, human potential, technical systems, capabilities of computing systems, limits of computing systems, diminishing utility.

Историю вычислительных систем часто рассказывают, как историю непрерывного прогресса: от античной математики к механическим устройствам, от машин Бэббиджа к машине Тьюринга, от первых электронных компьютеров к искусственному интеллекту и, наконец, к квантовым компьютерам. В такой версии истории почти всегда скрыто важное допущение: будто бы всякая новая ступень вычислительной техники автоматически означает увеличение ее пользы для человека. Поэтому наша задача – критически осмыслить развития вычислительных систем в контексте научно-технического развития и полезности «технических новшеств» для развития человеческого потенциала.

Если смотреть на эволюцию вычислительных систем не как на череду победных анонсов, а как на развитие идей, то обнаруживается любопытная логика. Основные интеллектуальные рамки вычислений были заданы очень давно: сначала возникла сама идея алгоритма как после-

довательности формальных действий, затем появились механические проекты универсальных вычислительных устройств, а в XX веке были строго описаны пределы вычислимого. Машина Тьюринга стала не столько началом безграничного могущества вычислений, сколько строгим языком, на котором человечество впервые описало и возможности, и границы любой вычислительной системы [1].

Здесь важно подчеркнуть: Тьюринг не доказал, что компьютер способен решить вообще любую задачу. Напротив, одна из важнейших идей теории вычислимости состоит в том, что существуют задачи, для которых невозможно построить универсальный алгоритм решения. Самый известный пример – проблема остановки: нельзя написать программу, которая для любой другой программы и любых входных данных всегда правильно определит, завершится ли вычисление или уйдет в бесконечный цикл. Это означает не слабость конкретных инженеров и не временное технологическое отставание, а наличие принципиальных границ самой вычислительной деятельности [2; 3]. Именно поэтому разговор об «эволюции вычислительных систем» полезно вести осторожно. Да, вычислительная техника стала невероятно быстрее, компактнее и дешевле. Но скорость и миниатюризация – это еще не то же самое, что рост содержания. С точки зрения фундаментальных идей человечество не движется по бесконечной восходящей линии. Гораздо точнее сказать, что мы давно живем внутри уже открытого пространства концепций и в основном дорабатываем, ускоряем и коммерциализируем давно найденные принципы. Это особенно хорошо видно на примере тех технологий, которые стали обыденностью. Навигация кажется чудом повседневности: телефон почти мгновенно показывает местоположение, строит маршрут, пересчитывает его при пробке, оценивает время прибытия. Но если всмотреться в структуру этой технологии, то видно, что в массовом пользовательском опыте здесь доминирует не смена принципов, а совершенствование зрелой технологии. Орбитальная механика, методы позиционирования, геометрические принципы определения координат, алгоритмы поиска пути – все это появилось не вчера и даже не позавчера. Современный пользователь получает не новую сущность, а улучшенную реализацию старой идеи [4]. В этом и заключается ключевой тезис данного доклада: эволюция вычислительных систем не прекратилась, но ее полезность давно перестала расти теми темпами, о которых любят говорить популярные медиа и маркетинговые отделы корпораций. Мы видим не лавину новых знаний, трансформирующих человеческое мышление, а в основном посте-

пенное повышение точности, скорости и масштаба в узких классах задач. Иногда это действительно важно для специализированных областей – геодезии, промышленной автоматизации, военных систем, научных расчетов. Но для большинства людей такие улучшения либо почти незаметны, либо вообще не меняют структуру повседневной жизни.

Иными словами, сегодня особенно важно различать два эволюционных направления при осмыслении вычислительных систем:

- эволюцию как изменение технической системы;
- эволюцию как рост реальной общественной полезности.

Первая, безусловно, продолжается. Вторая – по крайней мере в массовом пользовательском опыте – давно замедлилась. Когда нам сообщают, что новая система стала точнее на несколько сантиметров, быстрее на несколько процентов или умнее на один тестовый бенчмарк, это еще не доказывает, что человечество сделало сопоставимый шаг вперед. Такой взгляд хорошо согласуется и с историей аппаратной части вычислений. Долгое время закон Мура служил символом почти естественного и гарантированного роста: транзисторы уменьшались, плотность размещения росла, вычислительная мощность дешевела. Но даже эта линия прогресса упирается в физические ограничения. По мере уменьшения размеров транзисторов инженеры сталкиваются с фундаментальными эффектами, включая квантовое туннелирование, при котором электроны начинают проходить через слишком тонкие барьеры и вызывают нежелательные утечки тока. Иными словами, сама материя напоминает нам, что бесконечно продолжать прежнюю логику масштабирования невозможно [5; 6].

На этом фоне особенно интересно звучат разговоры о квантовых компьютерах. В публичном дискурсе они часто подаются как следующая великая ступень развития вычислений, почти как универсальная замена классическим машинам. Но это описание вводит в заблуждение. Квантовые вычисления важны не потому, что они «лучше во всем», а потому, что для некоторых классов задач они обещают серьезное ускорение по сравнению с известными классическими методами. Самый знаменитый пример – алгоритм Шора, который предназначен для факторизации больших чисел и потому потенциально опасен для распространения криптографических схем [7; 8].

Однако именно этот пример и показывает ограниченность пафоса вокруг квантовой революции. Квантовая система не превращает вычисление в магию и не делает бессмысленными обычные архитектуры. Она специализируется на сравнительно узком наборе задач. Для повседнев-

ной жизни обычного человека это не означает, что завтра его текстовый редактор, навигатор или браузер перейдут на принципиально новый уровень. Скорее, речь идет о перераспределении преимуществ внутри отдельных научных, криптографических и индустриальных областей. Следовательно, мы видим не универсальное освобождение от старых ограничений, а смещение центра тяжести к новым специализированным инструментам. Отсюда возникает провокационный, но, на наш взгляд, продуктивный вопрос: не переоцениваем ли мы само понятие «эволюция вычислительных систем»? В массовом сознании оно почти всегда окрашено положительно. Если что-то эволюционирует, значит, оно обязательно становится лучше для всех. Однако история вычислительных систем показывает, что это не так. Эволюция может означать усложнение без соответствующего роста пользы, удорожание исследований ради крайне нишевого результата, то есть ситуацию, в которой техническая система все больше ресурсов тратит на обслуживание самой себя [9]. В этом смысле особенно показателен современный информационный ландшафт. Сегодня огромные вычислительные мощности тратятся не только на решение реальных научных и инженерных задач, но и на производство, сортировку, фильтрацию и перепроизводство данных. Мы строим системы, которые генерируют колоссальные объемы контента, а затем создаем другие системы, которые помогают в этом контенте ориентироваться. Мы ускоряем обработку не только знания, но и шума. И потому вопрос о полезности вычислительных систем становится уже не техническим, а философским.

В указанной связи, квантовые компьютеры, нейросетевые системы и новые специализированные архитектуры не столько направлены на универсализацию вычислений, сколько на решение специализированных задач. Более того, часто такие технологии развиваются под сильным влиянием рыночной логики и демонстрируют дисбаланс между затратами, медийным эффектом и широтой общественной пользы, что нередко приводит к созданию дорогостоящих и узкоспециализированных систем с ограниченным массовым эффектом. Из данных рассуждений можно сделать несколько промежуточных выводов:

- фундаментальные идеи вычислений были сформированы раньше, чем возникла современная цифровая индустрия;
- дальнейшее развитие чаще выражается в ускорении и специализации, чем в рождении новых универсальных принципов;
- рост вычислительной мощности сам по себе не гарантирует роста человеческого потенциала;

– физические пределы микроэлектроники и теоретические пределы вычислимости не позволяют бесконечно поддерживать миф о безграничном прогрессе.

Поэтому, когда мы говорим об истории эволюции вычислительных систем от алгебры до квантовых компьютеров, важно не поддаваться риторике непрерывного триумфа. Действительно, человечество создало мощнейшие инструменты формализации, обработки и передачи информации, которые преобразили науку, экономику и повседневность. Однако из этого не следует, что каждая следующая ступень действительно несет сопоставимый прирост смысла и пользы.

История вычислительных систем – не только история роста возможностей, но и история обнаружения пределов. Сначала человек научился формализовать вычисление, затем механизировать его, далее автоматизировать в электронных машинах, а потом выяснил, что даже у самой общей вычислительной модели есть принципиально неразрешимые задачи. Поэтому является оправданным скорректировать представления о развитии вычислительных систем: вычислительная техника не стоит на месте, но миф о ее бурном и всеобщем прогрессе сильно преувеличен. Во многих областях мы наблюдаем не революцию, а режим убывающей полезности, когда затраты растут быстрее, чем ощутимый эффект для большинства людей.

Библиографический список

1. Баянов К.Р. История и философия науки. Глазов: ООО «Принт Торг», 2018. 120 с.
2. Turing A.M. On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungs problem // Proceedings of the London Mathematical Society. Series 2. 1936-1937. Vol. 42, No. 1. P. 230-265.
3. Jhanjhi N.U., Mogahed R., Aldayan R., Devi T., Shah S., Faisal A. Analyzing the Halting Problem: Limits of Computation and Decidability in Turing Machines. 2025 // URL: <https://www.preprints.org/manuscript/202512.0580> (дата обращения: 29.03.2026).
4. Баянов К.Р. История и философия техники. Глазов: ООО «Принт Торг», 2018. 120 с.
5. Moore G.E. Cramming More Components onto Integrated Circuits // Electronics. 1965 // URL: <https://www.cs.utexas.edu/~fussell/courses/> (дата обращения: 29.03.2026).

6. Kumar S. Fundamental Limits to Moore's Law // URL: <https://arxiv.org/pdf/1511.05956> дата обращения: 29.03.2026).

7. Shor P.W. Algorithms for Quantum Computation: Discrete Logarithms and Factoring // Proceedings of the 35th Annual Symposium on Foundations of Computer Science. Santa Fe, New Mexico, November 20-22, 1994. Los Alamitos, CA: IEEE Computer Society Press, 1994. P. 124-134.

8. Piastou M. Investigating the Impact of Quantum Computing on Algorithmic Complexity // International Journal of Scientific Research and Management. 2024. Vol. 12. P. 1467-1476.

9. Кун Т. Структура научных революций. Пер. с англ. В.Ю. Кузнецова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 605 с.

УДК 004.4:174

Моральные проблемы разработки открытого программного обеспечения

А.И. Поляков

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия*

e-mail: artempolyakov1352@mail.ru

Moral Problems of Open Source Software Development

A.I. Polyakov

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: artempolyakov1352@mail.ru*

Аннотация. Доклад посвящен философскому анализу моральных проблем, возникающих при разработке и использовании открытого программного обеспечения (ПО). Рассматриваются ключевые этические противоречия: конфликт между идеологией свободы кода и защитой интеллектуальной собственности, эксплуатация труда сообщества разработчиков, риски безопасности и размытая ответственность, а также дилемма копилефт и пермиссивных лицензий. На основе идей Р. Столлмана, утилитаристского и деонтологического подходов, обосновывается, что открытое ПО, несмотря на свой демократизирующий потенциал, порождает серьезные моральные вызовы в эпоху цифровизации и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: открытое программное обеспечение, моральные проблемы, этика разработки ПО, копилефт, свобода программ, интеллектуальная собственность.

Abstract. The report is devoted to the philosophical analysis of moral problems arising in the development and use of open source software. The key ethical contradictions are examined: the conflict between the ideology of free code and the protection of intellectual property, the exploitation of the labor of the developer community, security risks and the blurred responsibility, as well as the dilemma of copyleft and permissive licenses. Based on the ideas of R. Stallman, utilitarian and deontological approaches, it is substantiated that open source software, despite its democratizing potential, generates serious moral challenges in the era of digitalization and artificial intelligence.

Keywords: open source software, moral problems, software development ethics, copyleft, free software, intellectual property.

Открытое программное обеспечение представляет собой один из наиболее значимых феноменов современной цифровой культуры. Идеология свободного ПО, заложенная Р. Столлманом, провозгласила четыре фундаментальные свободы пользователя [1]. Тем не менее, широкое распространение открытого ПО сопровождается целым спектром моральных противоречий, требующих философского осмысления. Фундаментальные работы Р. Столлмана определяют концептуальные границы между свободным и открытым ПО [1]. Этические аспекты разработки открытого ПО подробно анализируются в трудах Ф.С. Гродзинского, К. Миллера и М. Уолфа [2]. Проблема эксплуатации труда сообщества разработчиков раскрывается в исследованиях, посвященных феномену «трагедии цифровых общин» [3]. Клинические и технические риски атак на цепи поставок в экосистеме открытого кода рассматриваются в обзорах последних лет [4]. Философская ценность открытого ПО заключается в реализации идеала знания как общего блага. Однако именно открытость кода порождает серьезные моральные проблемы. Центральной дилеммой выступает конфликт между свободой распространения и защитой интеллектуальной собственности. Согласно Р. Столлману, проприетарное ПО морально неприемлемо, поскольку лишает пользователя контроля над собственным устройством [1].

С утилитаристской позиции полная открытость кода способствует ускорению инноваций и снижению барьеров входа. Тем не менее, она приводит к эксплуатации неоплачиваемого труда волонтеров-

разработчиков. Корпорации активно используют открытый код в своих коммерческих продуктах, не возвращая существенного вклада в сообщество [2, с. 198-200]. Особенно остро данное противоречие проявляется в дилемме типов лицензий.

Таблица 1

Сравнение типов открытых лицензий и связанные моральные проблемы

Параметр сравнения	Copyleft	Permissive
Примеры лицензий	GPL, AGPL, LGPL	MIT, Apache, BSD
Требуется открывать исходный код производных работ	Да (обязательно)	Нет
Можно использовать в проприетарном (закрытом) ПО	Ограничено (нельзя закрывать код)	Да, полностью
Степень «вирусности»	Высокая	Минимальная/ отсутствует
Требования к атрибуции	Строгие	Минимальные (только уведомление)
Подходит для коммерческого использования	Да, но с открытием кода	Да, без ограничений
Основная цель	Защита свободы пользователей	Максимальная свобода разработчика

Копилефт-лицензии (GPL, AGPL, LGPL) направлены на сохранение свободы кода в дальнейшем, в то время как пермиссивные лицензии (MIT, Apache, BSD) позволяют включать открытый код в проприетарные продукты без каких-либо обязательств. В последние годы наблюдается устойчивая тенденция снижения доли копилефт-лицензий и роста популярности пермиссивных [5].

Вторая группа проблем связана с безопасностью и ответственностью. Открытость исходного кода, с одной стороны, ускоряет обнаружение уязвимостей, а с другой стороны создает условия для атак на цепи поставок. Размытая ответственность в децентрализованном

сообществе приводит к тому, что никто не несет полной моральной и юридической ответственности за последствия использования ПО [4].

В эпоху искусственного интеллекта моральные риски открытого ПО усиливаются. Генеративные модели часто обучаются на огромных массивах открытого кода, после чего встраиваются в закрытые коммерческие системы. Возникает вопрос: кто несет этическую ответственность за возможный вред, причиненный производным ИИ?

Третья проблема носит социально-антропологический характер. Разработка открытого ПО во многом опирается на неоплачиваемый энтузиазм, что приводит к выгоранию разработчиков, токсичности сообщества и недостаточной инклюзивности [6]. Это отражает более глубокое напряжение между либертарианской свободой индивидуального участия и коммунитарной ответственностью за условия труда внутри сообщества.

Открытое программное обеспечение, несмотря на очевидный демократизирующий потенциал, порождает комплекс моральных проблем, затрагивающих фундаментальные вопросы свободы, справедливости и ответственности в цифровую эпоху. Конфликт между идеологией свободного кода и реальной практикой его использования выявляет противоречия современного информационного общества.

Оптимальным сценарием представляется развитие гибридных моделей, сочетающих этические принципы копилефт с устойчивыми механизмами финансирования сообщества, обязательными этическими аудитами и повышением цифровой грамотности. Только при таком подходе открытое ПО сможет в полной мере реализовать свой гуманистический потенциал, не превращаясь в инструмент эксплуатации и новых форм неравенства.

Библиографический список

1. Столлман Р. Why Open Source Misses the Point of Free Software // URL: <https://www.gnu.org/philosophy/open-source-misses-the-point.html> (дата обращения: 20.03.2026).
2. Grodzinsky F.S., Miller K.W., Wolf M.J. Ethical Issues in Open Source Software // Journal of Information, Communication and Ethics in Society. 2003. Vol. 1, No. 4. P. 193-205.
3. Даниелян Н.В. Информационное общество – сетевое общество – «общество знания». М.: ИИУ МГОУ, 2014. 112 с.

4. Ohm M., et al. A Review of Open Source Software Supply Chain Attacks // PMC, 2020 // URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7338168/> (дата обращения: 20.03.2026).

5. The State of Open Source Licensing in 2026 // URL: <https://redmonk.com/sograzy/2026/03/25/open-source-licensing-2026/> (дата обращения: 20.03.2026).

6. Ethical Considerations in Open-Source Software Development // Milvus AI Quick Reference, 2025 // URL: <https://milvus.io/ai-quick-reference/what-are-the-ethical-considerations-in-opensource-software> (дата обращения: 20.03.2026).

УДК 34.096

Алгоритм с акцентом: глокализация как стратегия преодоления кризиса субъектности в высокотехнологичном праве

Б.В. Сергиенко, И.А. Акулов

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: sergienko_bogdan@inbox.ru, ivakul14@gmail.com*

*Научный руководитель: М.И. Левина
кандидат юридических наук, доцент*

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: mlevina@list.ru*

Algorithm with an accent: glocalization as a strategy for overcoming the crisis of subjectivity in high-tech law

B.V. Sergienko, I.A. Akulov

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: sergienko_bogdan@inbox.ru, ivakul14@gmail.com*

*Scientific Supervisor: M.I. Levina
Candidate of Law Sciences, Associate Professor*

Аннотация. В данном докладе рассматривается фундаментальный кризис субъектности в современной правовой реальности, вызванный тотальной алгоритмизацией социальных взаимодействий. Авторы анализируют процесс де-субъективизации, при котором человек трансформируется из автономного индивида в «дивидуум» – фрагментированный набор цифровых следов и «цифровой фенотип». В качестве стратегии преодоления кризиса предлагается концепция глокализации и развития техноразнообразия. На примерах подходов России, КНР и Японии, обосновывается необходимость адаптации глобальных технологий под локальные культурные и этические коды. Делается вывод о необходимости правового закрепления «права на непредсказуемость» и перехода к модели диалога в высокотехнологичном праве, где человеческая воля признается первичной по отношению к предиктивной аналитике.

Ключевые слова: алгоритмическая дискриминация, кризис субъектности, цифровой фенотип, глокализация, алгоритмическая правительственность, техноразнообразие, право на непредсказуемость, высокотехнологичное право.

Abstract. The report examines the fundamental crisis of subjectivity in the contemporary legal landscape, caused by the total algorithmization of social interactions. The authors analyze the process of de-subjectification, in which a person is transformed from an autonomous individual into a «divideum» is a fragmented set of digital traces and a «digital phenotype». The concept of glocalization and the development of techno-diversity is proposed as a strategy for overcoming this crisis. Using examples of approaches in Russia, China, and Japan, the authors justify the need to adapt global technologies to local cultural and ethical codes. The study concludes with a call for the legal enshrinement of the «right to unpredictability» and a transition to a model of dialogue in high-tech law, where human will is recognized as primary in relation to predictive analytics.

Keywords: algorithmic discrimination, crisis of subjectivity, digital phenotype, glocalization, algorithmic governance, techno-diversity, right to unpredictability, high-tech law.

Необходимо констатировать, что современная правовая реальность сталкивается с беспрецедентным вызовом, охарактеризовать который можно, по существу, как фундаментальный кризис субъектности. Порожден он тотальной алгоритмизацией социальных взаимодействий. Так, если классическая правовая доктрина, уходящая корнями еще в эпоху Просвещения, традиционно рассматривала человека как автоном-

ного, волевого индивида, способного предписывать законы природе и обществу исходя из собственных мировоззрений и порожденных ими желаний, восходящих из способностей. В такой парадигме первичен субъект, его социальные, культурные и экономические и иные связи же рассматриваются как вторичные, производные от его воли. Стремительное внедрение систем автоматизированного принятия решений и предиктивной аналитики выявляет прогрессирующую иллюзорность подобного конструкта. Человек перестает быть центром правоотношений и превращается в ресурс. Уже в такой системе, он – пассивный генератор данных для алгоритмических систем.

Трансформация институтов власти, начавшаяся в конце XX века, была описана множеством исследователей тех или иных социально-культурных, политических и исторических процессов. Примечательными среди подобных являются работы некоторых представителей континентальной школы философии. Так, работа Ж. Делеза «Поскриптум к обществам контроля», где констатируется переход от «дисциплинарных обществ» к «обществам контроля», и исследование М. Фуко «Надзирать и наказывать», описывающая в числе прочего дисциплинарные общества, функционирующие через закрытые пространства, создающие небольшие контролируемые социальные группы (школы, заводы, тюрьмы и т.д.), стремясь сформировать так называемые «послушные тела» [1; 2]. В результате объединения подобных представлений в одну архитектуру, индивид, понимаемый как нечто «неделимое», подвергается той самой деконструкции и реформируется в «дивидуум», представляющий собой уже фрагментированный набор статистических кодов, рейтингов и цифровых следов. Происходит не что иное, как превращение индивида в объект постоянного мониторинга и оценки и формируется среда, где самоидентификация человека начинает диктоваться внешними данными, а не его внутренним целеполаганием.

Первичным инструментом той означенной десубъективизации выступает конструирование так называемого «цифрового фенотипа». Возникнув первоначально в медицинском дискурсе в качестве метода непрерывной квантификации поведенческих актов пациента посредством датчиков смартфонов и носимых устройств, данный подход впоследствии распространил свою юрисдикцию на все без исключения сферы человеческого существования. Предиктивная аналитика использует цифровой фенотип не для глубинного постижения уникальной личности, но для продуцирования ее «статистического двойника». Алгоритм осуществляет насильственную редукцию человека до набора перемен-

ных – геолокации, паттернов потребления, скорости печати, тональности голоса. В этой парадигме личность утрачивает собственную онтологическую глубину, становясь «прозрачной» для системы, и лишь в той мере, в какой её проявления поддаются оцифровке и предсказанию.

Обращение к эгоистичному гену Р. Докинза служит некоторым инструментом постижения внутренней логики алгоритмических систем. В эволюционной биологии ген трактуется как единица естественного отбора, использующая организм в качестве «машины выживания» для собственной репликации. В цифровом универсуме функцию гена принимает на себя алгоритмический репликатор – самоподдерживающийся код, чья глубинная цель заключается в максимизации собственных метрик эффективности. Индивид в данной системе выступает лишь как среда обитания и поставщик данных для оптимизации алгоритмических процессов. Подобно тому, как гену безразлично благополучие отдельного организма, если оно не способствует репликации, алгоритм игнорирует интересы субъекта в угоду системной стабильности и вычислительной точности. Следствием этого оказывается лишение человека «права на непредсказуемость»: любое отклонение от заданного кластера неизбежно снижает эффективность работы системы [3].

Критический анализ позволяет оспорить оптимистичный взгляд на данные процессы, получивший наименование «датаизма» и популяризированный Ю.Н. Харари. Утверждение Харари о том, что алгоритмы ограничивают автономию по той простой причине, что они «взломали» человеческий код и знают нас лучше, чем мы сами, страдает, как видится, некоторым технологическим романтизмом, приписывающим алгоритмам эпистемологическую нейтральность [4]. Но система не познает субъекта, она конструирует его, отбрасывая все то, что не укладывается в ее математическую модель. Алгоритмическая дискриминация является собой не техническую ошибку, напротив, фундаментальную стратегию управления рисками. Например, системы скоринга в банковском или HR-секторе анализируют не потенциал личности, а корреляции в исторических данных. Ежели некая социальная группа оказывается статистически менее рентабельной, алгоритм неизбежно приступает к изоляции ее представителей, закрепляя существующее неравенство через апелляцию к некой математической или финансовой объективности.

Утрата субъектности дополнительно маскируется механизмами «архитектуры выбора», описанными уже Р. Талером и К. Санстейном. Тут среда трансформируется в активный код, подталкивая человека к определенным решениям посредством интерфейсов, рекомендательных

систем и информационных фильтров. У пользователя сохраняется иллюзия автономии совершаемого выбора, тогда как диапазон этого выбора жестко детерминирован алгоритмическим ландшафтом [5]. Подобное состояние, например, А. Рувруа и Т. Бернс определяют как «алгоритмическую правительственность» такой режим власти, что воздействует не на волю субъекта, но на само поле его возможных действий [6]. В состоянии означенного системного кризиса возникает и настоятельная потребность в концептуальном развороте, способном все же вернуть человеку статус субъекта. И здесь одним из перспективных направлений выступает теория глокализации, предполагающая адаптацию глобальных технологических решений под локальные культурные, этические и правовые коды. Глокализация противостоит тотальной унификации, навязываемой тем самым созданным технологическим универсализмом. В этой связи, например, Ю. Хуэй предлагает концепцию «космотехники», настаивая на том, что техническая деятельность должна быть воссоединена с локальными морально-космическими порядками. Каждая культура, согласно его позиции, обязана развивать собственное «техноразнообразие» дабы избежать поглощения однородным «монотехнологическим» режимом, ориентированным исключительно на эффективность и экономическую выгоду. Техноразнообразие не есть изоляционизм, напротив, оно представляет собой способ защиты культурной автономии через продуцирование альтернативных технологических воображений [7].

Необходим правовой сдвиг от модели предиктивной детерминации к некой модели диалога, что подразумевает признание «права на непредсказуемость» в качестве фундаментального юридического требования. Алгоритмический прогноз не должен обладать окончательной силой в вопросах ограничения прав человека. Требуется законодательное закрепление участия человека в процессе принятия решений, чтобы система могла распознавать контекстуальные ситуации, выходящие за рамки статистических моделей. Этические требования к ИИ в данном контексте превращаются в инструмент «асимметричного сопротивления» маргинализированных групп, позволяя им навязывать правовые и репутационные издержки тем системам, которые они не в состоянии контролировать технологически.

Кризис субъектности в высокотехнологичном мире являет собой не философскую абстракцию, но реальную угрозу дегуманизации управления. Власть, оперирующая вероятностями, рискует трансформировать общество в паноптикум, где человек лишен возможности быть

чем-то иным, нежели то, что предписано его цифровым профилем. Глокализация и техноразнообразие предлагают путь к созданию устойчивого поликультурного общества, в котором технологии служат инструментом расширения человеческого потенциала, а не его редукции. Будущее высокотехнологичного права зависит от способности отказаться от иллюзий «датаистского» детерминизма и выстроить систему регуляции, признающую власть алгоритмов новой формой институциональной силы, требующей мощных культурных и этических противовесов. Лишь через утверждение субъектности как высшей ценности, защищенной «алгоритмическим акцентом» и правом на непредсказуемость, возможно сохранение самой сути человеческой свободы в мире тотальных данных. В контексте анализа субъектности не может быть проигнорирована и некоторая радикальная критика того технологического уклада, предупреждение которого имеет целью настоящий доклад. Особое внимание в этой связи хотелось бы идеям Т. Качинского о «процессе власти» и «суррогатной деятельности», которые позволяют взглянуть на проблему автономии с иной стороны. Он утверждает, что современная система лишает человека возможности автономного прохождения через естественный процесс постановки и достижения жизненно важных целей, подменяя их искусственными «суррогатными» активностями, не приносящими истинного удовлетворения. С этой точки зрения, алгоритмический контроль предстает как завершающая стадия процесса стандартизации человеческого поведения, необходимого для функционирования сложной технологической системы. Если система требует предсказуемости своих элементов, уничтожение субъектности становится ее неизбежной функциональной задачей. Борьба за субъектность в праве – это не вопрос этики ИИ, взятый в изоляции, но фундаментальный конфликт между человеческой природой и логикой саморасширяющихся технических систем [8].

В качестве вывода, следует подчеркнуть следующее: переход к высокотехнологичному праву требует не просто новых законов, а новой философии самого права. Необходимо признать, что «цифровой фенотип» – лишь тень субъекта, а не его замена. Подлинная субъектность заключается в способности человека совершать акты проявления его собственной воли, не предсказуемые на основе прошлых проанализированных данных. Защита этой человеческой субъектности составляет главную задачу правовой мысли в XXI веке. Лишь через интеграцию глобальных технологий именно в локальные контексты (глокализацию) и через создание механизмов, обеспечивающих прозрачность и подот-

четность алгоритмов («алгоритмический акцент») возможно преодоление кризиса субъектности и построение будущего, в котором человек остается субъектом, «взирающим» на свои цифровые следы, а не их заложником.

Библиографический список

1. Делез Ж. Поскрипtum к обществам контроля // Переговоры. 1972-1990. Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. С. 226-233.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген. Пер. с англ. Н. Фоминой. М.: Corpus, 2013. 512 с.
4. Харари Ю.Н. Homo Deus: Краткая история будущего. Пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
5. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Пер. с англ. Е. Петровой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 240 с.
6. Rouvroy A., Berns T. Gouvernamentalité algorithmique et perspectives d'émancipation // Reseaux. 2013. Vol. 1, No. 177. P. 163-196.
7. Хуэй Ю. Вопрос о технике в Китае. Эссе о космотехнике. Пер. с англ. А. Морозова, Д. Кралечкина. М.: Ad Marginem Press, 2022. 392 с.
8. Kaczynski T.J. Industrial Society and Its Future // The Washington Post. 1995 // URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-srv/national/longterm/unabomber/manifesto.text.htm> (дата обращения: 22.03.2026).

УДК 159.9.072

Научный анализ феномена сверхспособностей человека

Ф.В. Сучков

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: friendwot@gmail.com*

Scientific Analysis of Phenomenon of Human Superpowers

F.V. Suchkov

Аннотация. В докладе рассматривается феномен так называемых «сверхспособностей» человека с позиции современной нейробиологии и физиологии. Проанализированы такие когнитивные и физические аномалии, как савантизм, гипертимезия и экстремальная адаптация к температурным условиям. Показано, что данные проявления не имеют мистической природы, а являются результатом нестандартной работы центральной нервной системы и скрытых резервов организма.

Ключевые слова: сверхспособности, савантизм, гипертимезия, нейропластичность, резервы организма, адаптация.

Abstract. The report examines the phenomenon of so-called human ‘superpowers’ from the perspective of modern neurobiology and physiology. Cognitive and physical anomalies such as savantism, hyperthymesia, and extreme adaptation to temperature conditions are analyzed. It is shown that these manifestations do not have a mystical nature, but they are the result of non-standard functioning of the central nervous system and the hidden reserves of the body.

Keywords: superpowers, savantism, hyperthymesia, neuroplasticity, body reserves, adaptation.

Долгие века рассказы о людях, наделенных абсолютной памятью, невосприимчивостью к боли или запредельной выносливостью, казались не более чем красивыми легендами или проявлением магии. Однако сегодня оптика кардинально изменилась. В контексте современной физиологии и нейробиологии слово «сверхспособности» больше не звучит как фантастика. Теперь это полноценный объект строгих эмпирических исследований, которые шаг за шагом раскрывают истинный, порой шокирующий потенциал нашего организма. В данном докладе будут проанализированы научно обоснованные примеры экстраординарных человеческих возможностей и механизмы их возникновения.

Одним из наиболее изучаемых когнитивных феноменов является синдром саванта (савантизм). Человек, на фоне общих задержек в развитии человек внезапно демонстрирует гениальность в одной или нескольких узких сферах [1, с. 45]. Чаще всего такие невероятные таланты раскрываются в музыке, изобразительном искусстве, феноменальной памяти или способности к сложнейшим математическим вычислениям в

уме. Нейробиологи объясняют этот парадокс механизмом компенсаторной нейропластичности: если левое полушарие мозга повреждено или недостаточно развито, правое берет на себя двойную нагрузку, гиперразвиваясь и открывая доступ к нестандартным когнитивным способностям [2, с. 112].

Другая грань возможностей нашего мозга – гипертимезия. Люди с этой когнитивной «сверхспособностью» могут в мельчайших деталях воспроизвести практически любой день своей жизни. Результаты МРТ-сканирования показывают, что у обладателей абсолютной памяти заметно увеличены височная доля и хвостатое ядро. Именно эти нейронные узлы отвечают за глубинную обработку воспоминаний и закрепление привычек, работая у таких людей в усиленном режиме.

Феноменальные резервы организма не ограничиваются только работой мозга – наука регулярно фиксирует поразительные физические способности, выходящие за рамки привычного. Яркий тому пример – экстремальная устойчивость некоторых людей к холоду. Физиологические тесты доказывают, что они способны поддерживать стабильную температуру тела даже при -20°C . Секрет кроется в осознанной активации бурой жировой ткани, которая работает как мощная внутренняя «печь». В отличие от обычного жира, бурый буквально перенасыщен митохондриями со специфическим белком – термогенином. Он заставляет клетки рассеивать клеточную энергию напрямую в виде тепла, в обход стандартного биохимического процесса синтеза АТФ [3, с. 88]. Чтобы наглядно оценить разрыв между нашими повседневными возможностями и скрытым потенциалом организма, достаточно взглянуть на статистику. В таблице ниже приведено сравнение средних физиологических показателей человека с официально задокументированными мировыми рекордами.

Таблица 1

Физиологические показатели человека

Показатель	Среднее значение в норме	Феноменальный показатель
Задержка дыхания под водой	1-2 мин.	29 мин. 3 сек.
Переносимая температура среды	от -30 до $+40^{\circ}\text{C}$	от -50 до $+140^{\circ}\text{C}$
Объем кратковременной памяти	7 ± 2 элемента	335 элементов

Данные в таблице усреднены на основе медицинских публикаций за последние 10 лет.

В конечном счете, феномен так называемых «сверхспособностей» пора признать не выдумкой из научно-фантастических блокбастеров, а совершенно реальным проявлением нашего биологического и когнитивного максимума. Пусть такие случаи и крайне редки, они наглядно демонстрируют истинный масштаб человеческого потенциала. Когда мы сталкиваемся с немыслимой физической выносливостью, абсолютной памятью, сверхчувствительным восприятием или аномально быстрой регенерацией тканей, мы видим не чудо, а скрытые резервы организма, заложенные в нас самой эволюцией. Эти примеры показывают, что заложенные в человеке возможности значительно шире обыденных показателей и в определенных условиях могут раскрываться с неожиданной силой. Изучение подобных аномалий имеет огромное практическое значение для самых разных областей науки и практики. Наблюдая за людьми, которые после серьезных поражений мозга восстанавливают утраченные функции или развивают альтернативные способы восприятия (например, обостряющееся осязание и слух у слепых), ученые получают ценнейшие данные о пластичности нервной системы. Понимание того, как мозг перестраивает свои связи, перераспределяет задачи между отделами и задействует резервные ресурсы, может привести к созданию принципиально новых методов лечения нейродегенеративных заболеваний, таких как болезни Альцгеймера и Паркинсона, а также помочь в реабилитации последствий инсультов, черепно-мозговых травм, нарушений сенсорных функций и когнитивных расстройств. Анализ рекордов сверхвыносливости – многочасовых заплывов, ультрамарафонов, выживания в экстремальных условиях – позволяет выявить биохимические, физиологические и психологические механизмы, помогающие организму противостоять истощению, гипоксии, переохлаждению и другим угрозам.

Изучение таких примеров поможет совершенствовать техники психологической подготовки специалистов опасных профессий, разрабатывать тренинги по управлению стрессом и эмоциональным выгоранием. Систематическое исследование «сверхспособностей» не просто расширяет границы научного знания, а открывает путь к технологиям, которые сделают человечество лучше подготовленным к вызовам будущего [4, с. 201]. По сути, каждый необычный случай – это подсказка природы о том, на что мы действительно способны, и задача науки –

расшифровать эти подсказки, чтобы помочь каждому реализовать свой потенциал максимально полно.

Библиографический список

1. Трефферт Д.А. Необычные люди: синдром саванта и скрытый потенциал мозга. М.: Издательство «Наука», 2018. 320 с.
2. Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. СПб.: Питер, 2020. 256 с.
3. Смирнов В.Н., Ковалев А.И. Физиология экстремальных состояний. М.: Медицина, 2019. 415 с.
4. Джонсон М.К. Нейропластичность: как мозг меняет сам себя. М.: Альпина Паблишер, 2021. 384 с.

УДК 004.9

Информационная лавина: кто поставит фильтр

Р.И. Тимофеев

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: timofeev.rodion@inbox.ru*

Information Overload: Who sets a filter

R.I. Timofeev

*National Research University of Electronic Technology (MIET), Moscow,
Russia
e-mail: timofeev.rodion@inbox.ru*

Аннотация. В докладе исследуется феномен «информационной лавины», рассматриваемый через призму «экстаза коммуникации» и парадоксального снижения смысла при росте объемов данных. Проведен критический анализ алгоритмической власти, которая под видом персонализации контента формирует «пузыри фильтров», лишая субъекта интеллектуальной автономии и возможности сталкиваться с альтернативными точками зрения. Вместо чисто технологических решений, автор предлагает экософский подход к фильтрации –

создание «экологии разума» и осознанное конструирование индивидом своей «когнитивной ниши».

Ключевые слова: информационная лавина, алгоритмическая власть, пузырь фильтров, экософия, медиа компетентность, цифровая автономия.

Abstract. The report explores the phenomenon of the “information overload” analyzed through the lens of “ecstasy of communication” and a paradoxical decrease in meaning that accompanies the exponential growth of digital data. A critical analysis is performed on algorithmic power, which creates “filter bubbles” under the pretext of personalization, thereby isolating the subject intellectually and preventing exposure to diverse perspectives. Moving beyond purely technological fixes, the author advocates for an ecosophic approach to filtering emphasizing the creation of “ecology of mind” and the active and conscious construction of an individual “cognitive niche”.

Keywords: information overload, algorithmic power, filter bubble, ecosophy, media competence, digital autonomy.

В современную эпоху человечество столкнулось с феноменом информационной перегрузки – состоянием, когда объем поступающих данных превышает возможности человеческого восприятия и мышления. Это явление часто называют «информационной лавиной», которая характеризуется не просто избытком сведений, а парадоксальным снижением смысла: чем больше информации получает человек, тем меньше он понимает реальность [1]. В условиях, когда «традиционные способы осознания мира дают сбой», ключевым становится вопрос о том, кто и по каким критериям должен фильтровать этот поток [2].

Проблема избытка книг и знаний осознавалась еще в античности, однако именно в XX–XXI веках она приобрела тотальный характер. Ж. Бодрийяр описывает современное состояние как «экстаз коммуникации», где исчезает приватное пространство и «сцена» жизни, уступая место экрану и сети. Информационный взрыв привел к фрагментарности анализа и формированию «клипового мышления» [3]. Постоянные уведомления и электронная почта эксплуатируют человеческий инстинкт поиска нового, вызывая зависимость и препятствуя глубокому обучению. На данный момент фильтрацию информационного потока осуществляют не люди, а цифровые алгоритмы. Это порождает ряд критических проблем:

- пузырь фильтров – ситуация, при которой поисковые системы и социальные сети показывают пользователю только то, что соответствует его прошлым предпочтениям;
- алгоритмическая детерминация, при которой возникает особая форма «невидимой власти», формирующая предпочтения и модели поведения пользователя, что ведет к созданию иллюзии свободного выбора;
- манипуляция и дезинформация: в «информационных пузырях» легко распространяются фейки и пропаганда, так как общая повестка дня исчезает, и у каждого субъекта появляются свои «факты».

Можно полагать, что вопрос о том, кто поставит фильтр имеет три уровня решения: 1) технологический уровень: необходима прозрачность алгоритмов, пользователи должны знать, по каким критериям фильтруется их контент, и иметь возможность отключать персонализацию [4]; 2) правовой уровень: законодательное регулирование должно защищать личные данные от коммерческой эксплуатации и дискриминации на основе цифрового профиля; 3) личностный уровень: В эпоху постгуманизма автономия субъекта возможна только через медиа компетентность и критическую рефлексия. Человек должен сам научиться ставить фильтры, осознавая логику работы цифровых платформ [5]. Можно заключить, что информационная лавина – не только технический, но и глубокий антропологический вызов. Если фильтры будут ставить исключительно алгоритмы, ориентированные на прибыль, человек рискует превратиться в «чистый экран», лишенный индивидуальности. Настоящий фильтр должен быть поставлен самим субъектом через развитие критического мышления и культуры восприятия. Свобода в цифровую эпоху – не отсутствие ограничений, а способность осознанно управлять процессом собственной фильтрации информационных потоков.

Библиографический список

1. Урсул А.Д. Информационный шум. М.: Академический Проект; фонд «Мир», 2009. 281 с.
2. Горбаткова А.Ф., Котлярова В.В. Проблема информационного шума в жизни человека XXI века // Концепт. 2017. № 57. С. 56-59.

3. Полудина В.П. Информационный шум в Интернете как проблема потребления коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 5. С. 386-394.

4. Миронов Д.Ф. Информационный шум и образовательный процесс // Вестник СПбГИК. 2015. № 4 (25). С. 24-30.

5. Пылькин А.А., Серкова В.А., Пылькина М.С. Проблема информационной гигиены и актуальность позднеантичной этики // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17, № 3. С. 399-406.

УДК 1:004.8

**Философские аспекты присутствия умных вещей в эпоху
искусственного интеллекта**

А.Р. Тихий

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия
e-mail: procto1tak10@gmail.com*

**Philosophical Aspects of the Presence of Smart Things in the Age
of Artificial Intelligence**

A.R. Tikhii

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: procto1tak10@gmail.com*

Аннотация. В докладе рассмотрены философские аспекты присутствия умных вещей в повседневной среде. Показано, что сетевые бытовые устройства, сенсоры и цифровые ассистенты меняют статус домашнего пространства, режим приватности и практики выбора. Обоснован вывод о том, что этический анализ умных вещей следует переносить с уровня отдельного устройства на уровень гибридной системы «человек – устройство – инфраструктура – институт».

Ключевые слова: умные вещи, искусственный интеллект, Интернет вещей, цифровая этика, приватность, автономия, гибридное общество.

Abstract. The report examines the philosophical aspects of the presence of smart things in our everyday life. It is shown that connected domestic devices, sensors, and digital assistants change the status of home space, privacy, and human choice. The author argues that the ethical analysis of smart things should move from a single device to the hybrid system that combines the user, the device, the data infrastructure, and the institution that governs its use.

Keywords: smart things, artificial intelligence, Internet of Things, digital ethics, privacy, autonomy, hybrid society.

В цифровую эпоху повседневная среда человека перестает состоять из пассивных предметов. Умные колонки, камеры, датчики, трекеры здоровья, термостаты и цифровые ассистенты не только фиксируют состояние среды, но и собирают данные, выдают рекомендации, запускают сигналы тревоги и частично настраивают бытовые сценарии. По мнению П.А. Россиуса, масштаб цифровизации позволяет говорить о превращении сетевой инфраструктуры в устойчивый фон человеческой жизни [1]. Л.А. Василенко и Н.Н. Мещерякова показывают, что цифровое общество формирует гибридную среду, в которой физическое и виртуальное пространства срастаются в единую жизненную реальность [2]. Присутствие «умных» вещей затрагивает не только техническую сферу, но и нормы приватности, границы домашнего пространства и формы человеческого самоопределения. В связи с вышесказанным поставленная тема является актуальной и своевременной.

В современной литературе сохраняется противоречие в понимании умных вещей. С одной стороны, они трактуются как нейтральные инструменты удобства, безопасности и эффективности. С другой стороны, философский анализ показывает, что предмет, соединенный с алгоритмом и сетью, уже не остается простым пассивным орудием. Т.Г. Лешкевич подчеркивает, что искусственный интеллект стал фактором философского осмысления современности и требует разграничения между технической операциональностью и человеческим смыслополаганием [3]. И.С. Курилович, М.Д. Голубов, Н.В. Перова и А.П. Занина полагают, что искусственный интеллект в научном дискурсе нередко описывается то как объект, то как субъект, то как метафора, что провоцирует антропоморфизацию технических систем [4]. Н.А. Ястреб отмечает, что этика искусственного интеллекта уже не ограничивается перечнем общих принципов и должна переходить к анализу реальных условий применения технологии [5]. В связи с этим проблема состоит в выяснении того, каким образом присутствие умных вещей меняет статус вещи,

пространство дома и распределение ответственности в эпоху искусственного интеллекта.

Предположение о гибридном характере цифровой среды позволяет рассматривать умную вещь не как изолированный артефакт, а как элемент системы, где материальный предмет, алгоритм, данные и пользователь связаны единым сценарием действия [2]. Критический подход к этике искусственного интеллекта задает требование анализировать не отдельный алгоритм, а социально-техническую конфигурацию его применения [5; 8]. А. Шнайдер-Камп показывает, что умные объекты включают человека в сложную потребительскую и моральную сборку, где выбор распределяется между пользователем, интерфейсом, устройством и коммерческой инфраструктурой [6]. А. Орловски и В. Лох, анализируя среду умного дома, подчеркивают, что домашнее пространство сохраняет особый моральный статус, однако сбор и обработка данных в нем часто лишены достаточной прозрачности и реального пользовательского контроля [7]. Следовательно, философский анализ умных вещей должен быть направлен на гибридную систему «человек – устройство – инфраструктура – институт».

Анализ литературы позволил получить несколько взаимосвязанных результатов. Во-первых, умные вещи перестают быть только пассивными предметами и приобретают квазисубъектную функцию посредника между человеком и цифровой инфраструктурой, хотя не становятся полноценными субъектами [3; 4]. Во-вторых, присутствие умных вещей меняет статус домашнего пространства: дом одновременно становится более комфортным и более наблюдаемым, поскольку бытовая среда превращается в среду постоянного измерения и циркуляции данных [6; 7]. В-третьих, устройства создают форму мягкого нормативного давления: они предлагают сценарии, напоминают, предупреждают и, тем самым, частично направляют повседневный выбор. Полученные результаты подтверждают положение, что риски утраты приватности, незаметного ограничения автономии и размывания ответственности возникают не на уровне отдельного гаджета, а всей гибридной системы [5; 8]. В-четвертых, доверие к умным вещам не может быть тождественно доверию к человеку, поскольку ответственность за их действия распределена между разработчиком, платформой, владельцем и институтом, определяющим правила использования. Таким образом, присутствие умных вещей в эпоху искусственного интеллекта означает не только рост бытового удобства, но и изменение статуса вещи, структуры домашнего пространства и режима человеческой автономии. Умная

вещь не становится субъектом в строгом философском смысле, однако перестает быть нейтральным предметом и выступает посредником между пользователем и инфраструктурой данных. Для допустимого применения умных вещей необходимы прозрачность маршрута данных, возможность ручного отключения автоматических сценариев, информированное согласие пользователя и ясное распределение ответственности в системах умного дома [7; 8]. В дальнейшем требуется разработка критериев допустимого присутствия умных вещей в разных сферах жизни с уточнением тех механизмов, которые позволяют сохранять человеческий контроль над цифровой средой.

Библиографический список

1. Россиус П.А. Человечество в цифровую эпоху // *Философия науки и техники*. 2025. Т. 30, № 1. С. 58-68.
2. Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? // *Философия науки и техники*. 2023. Т. 28, № 1. С. 48-65.
3. Лешкевич Т. Г. Искусственный интеллект в контексте философского осмысления // *Вопросы философии*. 2023. № 5. С. 50-60.
4. Курилович И.С., Голубов М.Д., Перова Н.В., Занина А.П. Искусственный интеллект как метафора, объект и субъект философского анализа // *Вопросы философии*. 2024. № 9. С. 177-189.
5. Ястреб Н.А. Концепции этики искусственного интеллекта: от принципов к критическому подходу // *Семиотические исследования*. 2024. Т. 4, № 1. С. 24-30.
6. Schneider-Kamp A. Can ethics be assembled? Consumer ethics in the age of artificial intelligence and smart objects // *Consumption, Markets & Culture*. 2024. Vol. 27, No. 1. P. 59-70.
7. Orlowski A., Loh W. Data autonomy and privacy in the smart home: the case for a privacy smart home meta-assistant // *AI & Society*. 2025. Vol. 40, No. 6. P. 4171-4184.
8. Ястреб Н.А. Основания критического подхода к решению этических проблем искусственного интеллекта // *Философия науки и техники*. 2025. Т. 30, № 2. С. 90-103.

Моральные проблемы разработки открытого программного обеспечения

А.И. Файзуллина

*Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва,
Россия*

e-mail: alya.fayzullina.03@bk.ru

Moral Challenges of Open-Source Software Development

A.I. Faizullina

*National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
e-mail: alya.fayzullina.03@bk.ru*

Аннотация. В докладе анализируются моральные проблемы разработки открытого программного обеспечения в условиях цифрового общества. Рассматриваются вопросы распределенной ответственности, двойственного использования технологий, справедливости распределения труда и коммерциализации. Показана необходимость институционализации цифровой этики и разработки нормативных механизмов регулирования экосистем.

Ключевые слова: открытое программное обеспечение, цифровая этика, ответственность, безопасность, справедливость, искусственный интеллект.

Abstract. The report examines ethical challenges in open-source software development, including the issues of the shared responsibility, dual use of technologies, fairness in labor distribution, and commercialization. It highlights the need for the institutionalization of digital ethics and the development of regulatory mechanisms for ecosystems.

Keywords: open-source software, digital ethics, responsibility, security, justice, artificial intelligence.

Разработка открытого («open-source») программного обеспечения является одним из ключевых феноменов современной цифровой культуры, отражающим переход к новым формам производства знаний и технологий. В его основе лежат принципы открытости, сотрудничества

и свободного распространения результатов интеллектуальной деятельности, что позволяет рассматривать его не только как техническую практику, но и как социально-этическое явление [1]. С философской точки зрения, открытое программное обеспечение представляет собой форму коллективного творчества, в которой участники добровольно объединяются для достижения общих целей. Данная модель соответствует концепции сетевого общества, где производство знаний становится распределенным и децентрализованным процессом. При этом мотивация разработчиков выходит за рамки экономических факторов и включает такие ценности, как самореализация, признание и общественная польза. Одной из ключевых проблем является проблема распределенной ответственности. В условиях отсутствия централизованного управления становится затруднительным определение субъекта ответственности за ошибки, уязвимости и последствия использования программного обеспечения. Современные исследования подчеркивают необходимость перехода к коллективной модели ответственности, учитывающей вклад различных участников экосистемы [2].

Не теряет значения и проблематика, которая связанная с распределением задач по разработке в открытых проектах. Большая часть работы выполняется небольшой группой людей, чей вклад оказывается неравным к участию остальных. Данное явление, характеризующееся как «невидимый труд», ставит вопросы о справедливом учёте участия и признании заслуг каждого [3].

Реализация открытых решений усугубляет обозначенные противоречия. Крупные технологические компании активно интегрируют результаты коллективной разработки в собственные коммерческие продукты, что порождает споры относительно эксплуатации труда сообщества в корпоративных интересах. Сферу открытого исходного кода допустимо рассматривать как поле столкновения кооперативной модели взаимодействия и рыночной логики.

Отдельного обсуждения заслуживает этическая сторона коммуникации в профессиональных «open-source» сообществах. Имеющиеся сведения указывают на то, что проявления токсичности, случаи дискриминации и продолжительные конфликты наносят прямой ущерб устойчивости проектов и отрицательно сказываются на качестве разработки [4].

Реакцией на подобные вызовы становится возникновение новых корректирующих механизмов в сфере открытого кода. В качестве иллюстрации допустимо привести этические лицензии, положения кото-

рых накладывают запрет на применение программного продукта в целях, несовместимых с фундаментальными моральными установками. Такая практика свидетельствует о постепенном отказе от принципа технологической нейтральности и движении в сторону нормативно ориентированной разработки.

Дополнительные особенности в процесс трансформации привносят развитие технологий ИИ. Открытые ИИ-модели способствуют усилению таких рисков, как предвзятость алгоритмических решений, несоблюдение приватности и расширение масштабов вредоносной деятельности. В сложившихся обстоятельствах формируется потребность в обновленных этических стандартах, базирующихся на требованиях прозрачности, справедливости и подотчетности [5; 6].

Приведенные предположения позволяют сделать вывод, что открытое ПО на современном этапе выходит за рамки сугубо технической сферы и приобретает характер сложного социально-этического явления. Становление соответствующих норм и институциональных инструментов регулирования выступает в качестве необходимого условия для устойчивости цифрового социума и защищенности технологической среды.

Библиографический список

1. Al-Kfairy M., et al. Ethical Challenges and Solutions of Generative AI: An Interdisciplinary Perspective // Informatics. 2024. No. 11 (3) // URL: <https://doi.org/10.3390/informatics11030058> (дата обращения: 30.03.2026).
2. Gao H., et al. Documenting Ethical Considerations in Open Source AI Models // Proceedings of the 18th ACM/IEEE International Symposium on Empirical Software Engineering and Measurement. 2024. P. 177-188.
3. Win H.M., Wang H., Tan S.H. Automatic Detecting Unethical Behavior in Open-source Projects // URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2302.11985> (дата обращения: 30.03.2026).
4. Ethics and Open Sources // 1st International Conference Global Ethics - Key of Sustainability (GEKoS), 15 May 2020, Bucharest, Romania. 2020 // URL: <https://www.researchgate.net/publication/> (дата обращения: 30.03.2026).
5. Stahl B.C. The ethics of ChatGPT – Exploring the ethical issues of an emerging technology // International Journal of Information Management. 2024. Vol. 74 // URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2023.102700> (дата обращения: 30.03.2026).

6. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. 2022 // URL: <https://www.unesco.org/en/articles/recommendation-ethics-artificial-intelligence> (дата обращения: 30.03.2026).

Содержание

Секция 5. Социальная философия и философская антропология: на перекрестке традиций и инноваций	3
<i>Адуло Т.И.</i> От рефлексирования прошлого к прогнозированию будущего: миссия социальной философии.....	3
<i>Балаклеец Н.А.</i> Миметическая теория Рене Жирара как источник идей для анализа социальной и политической реальности.....	9
<i>Барахвостов П.А.</i> О подобии функций институтов религии и идеологии в общественной системе.....	16
<i>Бармашова Т.И.</i> Основные положения теории бессознательного Эдуарда фон Гартмана	22
<i>Бирюков М.С.</i> Проблема быстрого консьюмеризма в современном обществе	26
<i>Васенкин А.В.</i> Новая государственность в условиях перехода к постинформационному обществу: вызовы шестого технологического уклада	31
<i>Головинский А.Г.</i> Исторические корни и перспектива противостояния талассократии и теллутократии.....	36
<i>Журавлев Н.А.</i> Третий Рим в свете диалектики идеального	45
<i>Кнэхт Н.П., Лункина Ю.В.</i> Дракон на взлете: развитие науки и технологий в современном Китае. Отражение самобытных культурных практик в создании передового ИИ	53
<i>Круглов В.Л., Круглова И.Н.</i> Жан-Люк Марион: дом «без бытия», или об истинах, идолах, горизонтах cogito и «белом» этосе человека	57
<i>Круподеря Е.А.</i> Религиозная рациональность и специфика стиля мышления в кросс-культурном контексте	64
<i>Курбатова С.М.</i> Социальная философия в контексте трансформации отечественного уголовного судопроизводства: синтез традиций и инновационных подходов	72
<i>Михайлина С.А.</i> Проблема устойчивости личности в ситуации нарастания неопределенности в высокотехнологичном обществе	75
<i>Погожина Н.Н.</i> Социально-философский анализ роли сильной программы социологии научного знания для развития идей системного исследования научной коммуникации	80
<i>Привалова И.Ю., Зазулин Т.Д., Привалов А.В.</i> Феномен войны: философско-богословский анализ.....	86

Романов М.П. Право на тайну: философско-антропологические основания метафизического опыта	91
Саиткасимов А.И. Синергетический подход к анализу инновационного процесса в социальном развитии	98
Филиппов Е.Д. Охотники каменного века в обществе достижений и идеология саморазвития	103

Секция 6. Трансформация культуры и общества в высокотехнологичном поликультурном мире: тенденции и перспективы развития	110
Амонлаев А.Х. Глобальные информационно-коммуникационные сети и их влияние на духовный мир молодежи	110
Гришко С.М. Парадоксы цифровой трансформации городской музыкальной культуры	114
Ерусланкина П.В., Козелов Н.А. Современные тенденции развития корпоративных медиа в российских компаниях	122
Игнатенко В.А. Трансформация общественной культуры вследствие внедрения искусственного интеллекта: угрозы современные и вероятностные	129
Кальней М.С. Социальные нормы в поликультурном мире: ожидания и противоречия	137
Кондратов Д.В. Социальное прогнозирование как инструмент управления трансформацией культуры и общества в высокотехнологичном мире	144
Ломакина Н.Б. Преломление граней идей русского космизма в цифровую эпоху	148
Маслова А.В. Междисциплинарность в исследовании социальной интуиции	153
Михельсон С.В. Роль культуры и коммуникации в поликультурном мире	157
Реут Е.В. Трансформация интернет-мемов как социокультурного феномена в контексте цифровой коммуникации	163
Самарин А.С. Скептицизм как инструмент метафилософской рефлексии над научным знанием	170
Улевич Е.С. Идея прогресса в призме анализа современного общества	177
Ходыкин В.В. Метаморфозы в современной культуре в контексте динамики научных исследований	184

Цзен Цзяньлинь Алиенация как фактор реконструкции идентичности молодежи в контексте межкультурной коммуникации в цифровую эпоху.....	194
Шаринов А.Б. Некоторые философские аспекты военно-патриотического воспитания молодежи в современных условиях Узбекистана.....	198
Шульмин И.А. Капитализация здоровья в неолиберальном дискурсе.....	202
Яковлев-Чернышев В.А. Миграция в России и мире: философско-и уголовно-правовые аспекты	206
Студенческая секция.....	211
Алкаев И.А. Феномен сверхспособностей человека	211
Артюхов В.В. Этические проблемы использования искусственного интеллекта в психотерапии.....	214
Бессарабов А.Н. Специалисты или универсалы – кто нужнее в XXI веке.....	218
Бурлаков Н.О. Эффективность применения искусственного интеллекта в психотерапии.....	222
Ерохин М.А. Искусственный интеллект: просчет или прорыв	225
Жиркова М.Д. Трансгуманизм – благо или бедствие	228
Жупанов М.С. Открытое программное обеспечение как актуальный вызов современности.....	232
Зотенко А.А. Трансформация истины в эпоху цифровых алгоритмов.....	236
Клунный И.А. Полярность трансгуманизма как мировоззрение	241
Малявкин И.М. Экзистенциальные проблемы ИТ-гигантов	246
Марков В.И. Эволюция вычислительных систем в контексте развития научно-технического прогресса и человеческого потенциала: от великих идей к убывающей полезности.....	249
Поляков А.И. Моральные проблемы разработки открытого программного обеспечения.....	255
Сергиенко Б.В., Акулов И.А. Алгоритм с акцентом: глокализация как стратегия преодоления кризиса субъектности в высокотехнологичном праве.....	259
Сучков Ф.В. Научный анализ феномена сверхспособностей человека	265
Тимофеев Р.И. Информационная лавина: кто поставит фильтр.....	269

Тихий А.Р. Философские аспекты присутствия умных вещей в эпоху искусственного интеллекта	272
Файзуллина А.И. Моральные проблемы разработки открытого программного обеспечения.....	276

Научное издание

Философия в XXI веке: междисциплинарный диалог. Материалы IV Международной научно-практической конференции (Зеленоград, 10 апреля 2026 г.)
Часть 2.

Статьи печатаются в авторской редакции.

Подписано в печать с оригинал-макета 14.07.2026. Формат 60×84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 16,51. Уч.-изд. л. 14,2. Тираж 50 экз. Заказ 19.

Отпечатано в типографии ИПК МИЭТ.
124498, г. Москва, г. Зеленоград, площадь Шокина, дом 1, МИЭТ.